

ПРАВОСУДИЕ JUSTICE

2024
Том 6, № 2

2024
Vol. 6, no. 2

Научный журнал

Scientific Journal

Учредитель и издатель:

Российский государственный
университет правосудия

Founder and Publisher:

Russian State University of Justice

Издается с сентября 2019 года
Периодичность издания – 4 раза в год

Published since September 2019
Publication frequency: quarterly

E-mail: vestnik@rsuj.ru
<http://justice.study>

Научный журнал «Правосудие/Justice» публикует оригинальные, соответствующие установленным требованиям статьи, в которых исследуются наиболее значимые для отечественной и зарубежной юридической науки проблемы, относящиеся к следующим направлениям: теория и история права и государства, глобализация и правосудие, современные правовые доктрины, судопроизводство, судебные реформы и судебные системы отдельных стран, цифровизация и право. Издатель созданием журнала ставит цель представить научному сообществу результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по специальному кругу вопросов, касающихся осуществления правосудия.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

С целью экспертной оценки каждого поступающего в редакцию материала осуществляется научное рецензирование. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Редакция журнала направляет копии рецензий при поступлении соответствующего запроса в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Журнал следует стандартам редакционной этики согласно международной практике редактирования, рецензирования, издательской деятельности и авторства научных публикаций и рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (COPE). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76078 от 24 июня 2019 г.

Подписной индекс 79646
(Агентство «Книга-сервис», каталог «Пресса России»)

Научный редактор Л. Б. Архипова (кандидат юридических наук)
Корректор К. В. Чегулова
Компьютерная верстка Г. С. Гордиенко

Адрес редакции:

Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
Тел.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

При перепечатке и цитировании
ссылка на журнал «Правосудие/Justice» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов,
опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции

АО «Коломенская типография»
Подписано в печать 27.06.2024
Формат 70×100/16
Объем 15,6 усл. печ. л.
Тир. 300

The academic and scientific journal “Pravosudie/Justice” publishes original articles in accordance with the established requirements, which research the most significant for the domestic and foreign legal science problems in the following areas: theory and history of law and state, globalisation and justice, modern legal doctrines, legal procedures, judicial reforms and judicial systems of individual countries, digitalisation and law. The publisher of the journal’s aims to present to the scientific community the results of scientific research carried out by the Russian and international scientists and to introduce to the scientific community publications on a special range of issues relating to the administration of justice.

The titles and contents of the rubrics of the journal correspond to the branches of science and Nomenclature of scientific specialities in which degrees are awarded.

All materials submitted to the editorial board undergo a scientific peer review process. All reviewers are recognised experts in the subject matter of the reviewed material. The editorial board sends copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

The journal follows the standards of editorial ethics according to international practices for editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences and for the degree of Doctor of Sciences are published (K1).

The Journal is registered in the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate: ПИ № ФС77-76078, 24.06.2019

Subscription index 79646
(Agency “Kniga-Servis”, catalog “Pressa Rossii”)

Scientific editor L. B. Arkhipova (Cand. Sci. (Law))
Proof-reader K. V. Chegulova
Computer layout G. S. Gordienko

Postal address:

69 Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation
Tel.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

When reprinting or quoting,
the reference to the journal “Pravosudie/Justice” is necessary.
No part of this publication may be reproduced
without the prior written permission of the publisher

JSC “Kolomenskaya Tipografiya”
Signed to print 27.06.2024
Sheet size 70×100/16
Conventional printed sheets 15,6
Number of copies 300

Главный редактор

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия

Редакционная коллегия

Антюшин Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, действительный член Академии военных наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия

Арямов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия

Бирюков Павел Николаевич (г. Воронеж, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия

Дорская Александра Андреевна (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

Жуков Вячеслав Николаевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Чачалов Виктор Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия

Кирпичев Александр Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия

Колюшин Евгений Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Кононов Павел Иванович (г. Киров, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Корнев Аркадий Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кулаков Владимир Викторович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, ректор Российского государственного университета правосудия

Лапаева Валентина Викторовна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Институт государства и права РАН

Монжаль Пьер-Ив (г. Тур, Франция), доктор публичного права, профессор Университета Франсуа Рабле

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, судья Суда Евразийского экономического союза

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

Прошунин Максим Михайлович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия

Склярлов Сергей Валерьевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия

Спирidonov Андрей Алексеевич (г. Москва, Россия), заместитель директора Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации класса, доктор юридических наук

Стародубцев Григорий Серафимович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Российского государственного университета правосудия

Фаргиев Ибрагим Аюбович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Судья Верховного Суда Российской Федерации

Фролова Елизавета Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Editor-in-Chief

Viktor N. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice

Editorial board

Sergey S. Antyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Head of the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State University of Justice

Andrey A. Aryamov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Russian State University of Justice

Pavel N. Biryukov (Voronezh, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International and Eurasian Law Department, Voronezh State University

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Organization of the Judiciary and Law Enforcement Department, Russian State University of Justice

Alexandra A. Dorskaya (St. Petersburg, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Director, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch, Russian State University of Justice

Vyacheslav N. Zhukov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Viktor I. Kachalov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice

Alexander E. Kirpichev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice

Evgeny I. Kolyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

Pavel I. Kononov (Kirov, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil and Administrative Procedure Department, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Arkady V. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Vladimir V. Kulakov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the Russian State University of Justice

Valentina V. Lapaeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Pierre-Yves Monjal (Tours, France), PhD in Public Law, Professor of the Francois Rabelais University

Tatyana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Court of the Eurasian Economic Union

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department, Russian State University of Justice

Maxim M. Proshunin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Financial Law Department, Russian State University of Justice

Sergey V. Sklyarov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice

Andrey A. Spiridonov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Deputy Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 2nd class

Grigory S. Starodubtsev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, Russian State University of Justice

Ibragim A. Fargiyev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation

Elizaveta A. Frolova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Момотов В. В.* О роли Верховного Суда Российской Федерации в гуманизации законодательства и правоприменительной практики.....8
- Гусарова М. А.* К вопросу об особенностях современных отечественных интегративных подходов к праву в условиях построения правового государства 32
- Мирошник С. В.* Трансформация форм денег в эпоху цифровизации 46
- Золотухина Н. М., Власова Т. В.* Понятийно-категориальный аппарат русского средневековья: проблемы современной интерпретации.....57
- Паршина Н. В.* Институт присяжных заседателей в России (вторая половина XIX – начало XX в.): по материалам Екатеринодарского окружного суда Кубанской области 71

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Корнев В. Н.* Процедура проведения собрания и регистрации группы избирателей для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации: конституционно-правовая ответственность за ее нарушение 87
- Провалинский Д. И.* Правовое обеспечение суверенитета в цифровом пространстве 98
- Барков А. В., Гришина Я. С.* О совершенствовании системы инновационной деятельности в Министерстве обороны Российской Федерации: перспективы реализации модели «стартап-студия».....109
- Гинзбург И. В.* Процессуальные соглашения в производстве по защите прав и законных интересов группы лиц 121

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Бриллиантов А. В.* Сущность и значение неоднократности в уголовном праве России 137

ВОПРОСЫ НАУКОМЕТРИИ

- Стояновская И. Б.* Вопросы наукометрии в отечественной науке 159
- Ананьева А. А., Сазанкова О. В.* О пересмотре критериев наукометрии в контексте связи науки и практики 162
- Ершова Н. А., Косова Л. Н.* Комплексная оценка эффективности научной деятельности на основе практико-ориентированного подхода: критерии и показатели 173

РЕЦЕНЗИИ

- Масленников Д. В., Фролова Е. А.* Право как воплощение идеи абсолютного добра 183

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>V. V. Momotov.</i> On the role of the Supreme Court of the Russian Federation in humanising legislation and law enforcement practice.....	8
<i>M. A. Gusarova.</i> To the question of the peculiarities of modern domestic integrative approaches to law in the conditions of building a legal state.....	32
<i>S. V. Miroshnik.</i> Transformation of forms of money in the era of digitalization	46
<i>N. M. Zolotukhina, T. V. Vlasova.</i> The conceptual and categorical apparatus of the Russian Middle Ages: problems of modern interpretation.....	57
<i>N. V. Parshina.</i> The institute of jurors in Russia (the second half of the XIX – early XX century): based on the materials of the Yekaterinodar District Court of the Kuban region.....	71

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>V. N. Kornev.</i> Procedure for holding a meeting and registering a group of voters to support the self-nomination of a candidate for the position of President of the Russian Federation: constitutional and legal responsibility for its violation	87
<i>D. I. Provalinsky.</i> Legal support for sovereignty in the digital space	98
<i>A. V. Barkov, Ya. S. Grishina.</i> On improving the innovation system in the Ministry of Defense of the Russian Federation: prospects for the implementation of the startup studio model.....	109
<i>I. V. Ginzburg.</i> Procedural agreements in the proceedings to protect the rights and legitimate interests of a group of persons	121

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>A. V. Brilliantov.</i> The essence and significance of repetition in the criminal law of Russia.....	137
---	-----

SCIENTOMETRICS ISSUES

<i>I. B. Stoyanovskaya.</i> Scientometrics issues for domestic science.....	159
<i>A. A. Ananyeva, O. V. Sazankova.</i> On the revision of scientific criteria in the context of the connection of science and practice.....	162
<i>N. A. Ershova, L. N. Kosova.</i> Comprehensive assessment of the effectiveness of scientific activities based on a practice-oriented approach: criteria and indicators.....	173

REVIEWS

<i>D. V. Maslennikov, E. A. Frolova.</i> Law as an embodiment of the idea of absolute good.....	183
---	-----

Научная статья

УДК 342.56

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.8-31

О роли Верховного Суда Российской Федерации в гуманизации законодательства и правоприменительной практики

Виктор Викторович Момотов

*Верховный Суд Российской Федерации, Москва, Российская
Федерация*

momotov_vv@vsrf.ru

Аннотация

Верховный Суд Российской Федерации принимает активное участие в гуманизации российского законодательства и правоприменительной практики. В статье анализируются законодательные инициативы высшей судебной инстанции за прошедшие 10 лет, их результаты, новые перспективы гуманизации уголовного законодательства.

Отдельное внимание уделяется постановлениям и практике Верховного Суда Российской Федерации по уголовным и гражданским делам в части защиты установленных конституцией прав и свобод личности, являющихся фундаментом отечественного правового гуманизма.

Ключевые слова: Верховный Суд Российской Федерации, гуманизация, судебная реформа, уголовное право, уголовный процесс, гражданский процесс, административный процесс, судебный штраф, уголовный проступок, меры пресечения, социальные права, защита прав потребителей

Для цитирования: Момотов В. В. О роли Верховного Суда Российской Федерации в гуманизации законодательства и правоприменительной практики // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. С. 8–31. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.8-31.

Original article

On the Role of the Supreme Court of the Russian Federation in Humanising Legislation and Law Enforcement Practice

Viktor V. Momotov

The Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

momotov_vv@vsrf.ru

Abstract

The Supreme Court of the Russian Federation takes an active part in the humanisation of Russian legislation and law enforcement practice. This article analyses the legislative initiatives of the highest judicial instance over the past 10 years, their results, and new prospects for the humanisation of criminal legislation.

Special attention is paid to the rulings and practice of the Supreme Court of the Russian Federation in criminal and civil cases with regard to the protection of constitutionally established rights and freedoms of the individual, which are the foundation of domestic legal humanism.

Keywords: Supreme Court of the Russian Federation, humanisation, judicial reform, criminal law, criminal proceedings, civil proceedings, administrative proceedings, judicial fine, criminal misdemeanour, preventive measures, social rights, consumer protection

For citation: Momotov, V. V., 2024. On the role of the Supreme Court of the Russian Federation in humanising legislation and law enforcement practice. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 8–31. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.8-31.

Принцип гуманизма как общеправовой принцип российского права

Верховный Суд Российской Федерации на протяжении последних десятилетий принимал активное участие в проведении судебной реформы, совершенствовании законодательства и правоприменительной практики по различным направлениям, в том числе с учетом новейших тенденций в развитии общественных отношений. При формировании своих позиций в законодательных инициативах и постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации высший суд опирается, помимо прочего, на конституционные положения и принципы права, к числу которых относится и принцип гуманизма.

Гуманистическая направленность современного права является одной из его базовых, неотъемлемых характеристик. Гуманизм на законодательном уровне впервые получил закрепление во французской Декларации прав и свобод человека 1789 г. К таким правам были отнесены свобода личности, ее право на собственность, безопасность, сопротивление угнетению, свобода выражения мыслей и мнений. Провозглашенные в Декла-

рации права и свободы человека позднее получили развитие во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., которая стала одним из ключевых международных актов в области прав человека, а также в национальном законодательстве подавляющего большинства государств.

Содержание принципа гуманизма столь многогранно, что попытки его всеобъемлющего легального закрепления неизбежно оказываются несостоятельными. Тем не менее в ряде случаев российский законодатель счел целесообразным зафиксировать в законе те или иные его аспекты. Так, с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. получили нормативное закрепление новые правовые ценности и тем самым были заложены основы гуманистического развития страны. Гуманизм получил закрепление в ст. 2 Конституции Российской Федерации, согласно которой человек, его права и свободы в России являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека – это обязанность государства.

Анализ российского текущего законодательства показывает, что требования гуманизма как принципа права в том или ином виде воплощены в большинстве отраслей права, однако в качестве общего принципа он выделен только в ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Однако принцип гуманизма является общеправовым, а не отраслевым или межотраслевым. Несмотря на то что прямого закрепления в большинстве отраслей права он не находит, его значение простирается далеко за пределы тех отдельных норм, с которыми его обычно связывают в рамках российского юридического дискурса. Значение принципа гуманизма обусловлено прежде всего тем, что он (наряду с принципами справедливости и добросовестности) является важнейшим связующим звеном между правом и моралью. Как отмечает А. В. Коновалов, «принцип гуманизма относится к числу тех, что задают этический вектор правового регулирования и правоприменения, обеспечивая “растворенное” присутствие гуманистической идеи во всех нормах любой отрасли права» [Коновалов, А. В., 2019, с. 260].

Еще одна особенность принципа гуманизма – это его двойственное содержание, которое можно проследить на примере закрепления данного принципа в уголовном праве, где его значение является общепризнанным. Текстуальное выражение принципа гуманизма в ст. 7 УК РФ демонстрирует, что он существует в виде своего рода диалектического единства двух противоположностей: с одной стороны, это гуманизм по отношению к обществу, охраняемым законом интересам в самом широком смысле и потерпевшему (ч. 1 ст. 7 УК РФ), а с другой – гуманизм по отношению к лицу, которое совершило преступление (ч. 2 ст. 7 УК РФ). Такое двойственное понимание приводит к выводу, что гуманизм – это не «жалость» к преступнику, не безосновательный отказ от привлечения его к ответственности или смягчение наказания, поскольку это означало бы умаление прав потерпевших и интересов всего общества. Соответственно, гуманизм должен носить не односторонний характер, а осно-

вываться на тщательном взвешивании интересов индивидов и общества в целом.

Например, в рамках уголовного права законодатель допускает применение к виновному лицу достаточно суровых наказаний, однако среди них отсутствуют членовредительские, телесные, позорящие наказания. Как отмечается в литературе, «уголовная ответственность и наказание как ее реализация по своей сути, бесспорно, являются негативными для преступника. Однако эти лишения и страдания должны заключаться в ограничении прав, а не в унижении человека, озлоблении его, создании из него антисоциальной личности, настроенной против государства» [Комиссаров, В. С., Крылова, Н. Е., Тяжкова, И. М., ред., 2014]. Таким образом, ядром принципа гуманизма, по нашему мнению, является максимальное уважение личности человека, признание его достоинства независимо от правового статуса. Тем самым он предполагает создание безопасных условий для существования каждого человека в обществе.

Об этом свидетельствует и уголовно-процессуальное законодательство. Уголовный процесс неизбежно связан с ограничением конституционных прав и свобод граждан, в первую очередь посредством применения мер пресечения и иных мер процессуального принуждения. Подобные ограничения прав обвиняемых, подозреваемых и иных лиц, как и в уголовном праве, неизбежно вызывают потребность в их уравнивании с помощью гуманистических начал. Именно принцип гуманизма обеспечивает базовые процессуальные гарантии и выступает основой для построения всех стадий уголовного процесса, а также его отдельных институтов.

Отметим, что в настоящее время значительная часть главы 2 УПК РФ через закрепленные в ней принципы развивает гуманистические идеи, направленные на защиту неприкосновенности личности: никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство наказанию (ст. 9 УПК РФ); никто не может быть подвергнут аресту или содержанию под стражей иначе как на основании судебного решения (ст. 10 УПК РФ); каждый человек имеет право на защиту (ст. 16 УПК РФ), на справедливое и открытое судебное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом (ст. 8 УПК РФ), на охрану прав и свобод (ст. 11 УПК РФ), на неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ), на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ), на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ) и т. д.

После изложенного может возникнуть ощущение, что принцип гуманизма является принципом публичного, но не частного права. О гуманизме в отечественной науке действительно принято говорить в первую очередь применительно к уголовному и уголовно-процессуальному праву. Но мы полагаем, что при этом не следует недооценивать значение гуманистических начал для частного права. По всей видимости, недостаточное внимание к ним связано с тем, что гражданское законодательство, которое является базисом частного права, определяет в первую очередь правовое положение участников имущественного оборота. А все то, что связано с имуще-

ственными отношениями, в большей степени воспринимается через призму понятия прагматизма, а не гуманизма. Кроме того, особое внимание к принципу гуманизма в контексте уголовной политики объясняется тем, что данная сфера в силу имманентно присущего ей ограничения прав граждан всегда является проблемной и требует постоянного совершенствования законодательства и судебной практики. Именно в силу этого, как будет показано далее, Верховный Суд Российской Федерации уделяет особое внимание нормам уголовного и уголовно-процессуального права.

Одним из немногих авторов, который посвятил значительное внимание исследованию роли принципа гуманизма в сфере частного права, является А. В. Коновалов. В диссертационном исследовании он прямо указывает, что данный принцип проявляет и должен проявлять себя во всех без исключения гражданско-правовых нормах [Коновалов, А. В., 2019, с. 353]. В рамках гражданского права существует целый ряд подотраслей и институтов права, в которых невозможно представить правовое регулирование без учета гуманистических начал: обязательства по возмещению вреда, право собственности, наследственное право, авторское право, защита чести и достоинства, отношения из договоров ренты и пожизненного содержания с иждивением, из действий в чужом интересе без поручения [Коновалов, А. В., 2019]. Но ими гуманизм не ограничивается, поскольку он является принципом всего гражданского права.

Действительно, еще И. А. Покровский отмечал, что «освобождение личности от полного поглощения ее обществом знаменуется прежде всего признанием ее самостоятельным субъектом прав, обладательницей правоспособности и дееспособности: благодаря этому она стоит теперь перед лицом общества и его властей как некоторая самостоятельная сила, как некоторая юридическая самоценность. И чем дальше, тем больше крепнет убеждение, что эта юридическая самоценность неотделима от самого понятия человеческой личности...» [Покровский, И. А., 2001, с. 120]. Это становится ясным и при анализе черт гражданско-правового метода регулирования, к числу которых В. Ф. Яковлев относил правонаделение, диспозитивность, правовую инициативу и юридическое равенство. В целом же, как указывал ученый, с позиции сущности правовых связей метод гражданского права можно охарактеризовать как метод, обеспечивающий правовую самостоятельность участников таких связей [Яковлев, В. Ф., 1972]. Названные черты можно свести к автономии воли, которая позволяет лицам принимать решения об участии в частноправовых отношениях и об условиях такого участия самостоятельно, а не по чьему-либо указанию.

Но что это, если не проявление принципа гуманизма? Здесь человек уже не абстрактно, а конкретно признается высшей ценностью, поскольку государство создает необходимые условия для удовлетворения его потребностей. Впервые происходит полноценное признание человека в качестве автономной личности (но, безусловно, активно взаимодействующей с обществом), превращение из пассивного объекта государственного воздействия в носителя субъективных прав, которые приобретаются и реализуются по

собственной инициативе. Эта изначальная направленность на «создание возможностей достижения наилучшего будущего как каждым индивидом в отдельности, так и всем человечеством в целом» [Коновалов, А. В., 2019, с. 504] образует неразрывную связь самой сущности гражданско-правового регулирования с общей гуманистической направленностью современного права. Таким образом, в этом смысле гражданское право представляет собой уникальное сочетание гуманизма и прагматизма [Коновалов, А. В., 2019].

В еще большей степени указанное сочетание проявляется в правоотношениях с социальной составляющей, где одна из сторон является слабой, социально незащищенной по отношению к другой, сильной стороне (потребительские, а также трудовые, семейные и тому подобные правоотношения). Именно в силу такой специфики многие из подобных отношений исторически выделились в отдельные отрасли российского права (при этом в других государствах континентальной правовой семьи они, как правило, продолжают рассматриваться в качестве части гражданского права).

Тематика гуманизма также становится особенно актуальной в условиях ускоряющейся роботизации, внедрения систем искусственного интеллекта [Богданов, Е. В., 2022]. Это вызов ближайшего будущего, на который российское общество и государство должны быть готовы дать ответ. Одним из ключевых принципов, на основании которых должен определяться правовой режим (или же правовой статус) искусственного интеллекта, является именно принцип гуманизма. Важно понимать, что техника, какой бы совершенной она ни была, никогда не сможет в полной мере воспринять содержание таких категорий, как справедливость, добросовестность и разумность, честь и достоинство. Не сможет она «осознать» и сущность принципа гуманизма, который является специфически человеческим, человеческим отношением к другому человеку как к равному себе.

Таким образом, принцип гуманизма следует рассматривать в качестве общеправового принципа российского права, который проявляет себя в отраслях как публичного, так и частного права. Он основан на идее уважения и признания ценности каждого человека и направлен на создание оптимальных условий для безопасного существования отдельного человека и общества в целом. Представляется, что данный принцип имманентно присущ правовой системе любого государства, которое основывает свое законодательство на международных стандартах в области прав человека.

Но для обеспечения полноценной защиты прав и свобод человека недостаточно просто провозгласить их на конституционном уровне. Одним из важнейших элементов механизма защиты прав и свобод граждан является деятельность судебной власти, которая должна последовательно придерживаться установленных на конституционном уровне ценностей и активно претворять их в жизнь. Кроме того, именно на суды, а на высший суд в особенности, возлагается задача раскрытия содержания принципов права (в том числе принципа гуманизма), которые по своей природе носят пре-

дельно абстрактный характер. Наконец, в российской правовой системе Верховный Суд Российской Федерации обладает правом законодательной инициативы, что позволяет ему участвовать в совершенствовании регулирования различных отношений на основе выявленных в законодательстве недостатков.

С учетом этого проанализируем конкретные примеры того, как Верховный Суд Российской Федерации способствовал гуманизации законодательства и правоприменительной практики в различных отраслях права на протяжении последних десятилетий.

Принцип гуманизма в свете законодательных инициатив и правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации

Важнейшим направлением системной и последовательной работы Верховного Суда Российской Федерации по модернизации законодательства и правоприменительной практики в сфере уголовного права является инициирование целого ряда законопроектов, в частности о дифференциации преступлений и индивидуализации наказаний, об ограничении применения меры пресечения в виде заключения под стражу, о декриминализации деяний, не представляющих большой общественной опасности. Результатом гуманизации уголовного законодательства и судебной практики стало, например, сокращение судимости более чем в два раза за последние 20 лет. Численность лиц, уголовное преследование которых прекращено судом, увеличилось с 2% в 1999 г. до 21% в 2022 г.¹

Особенно важным направлением следует признать декриминализацию деяний, которые представляют невысокую общественную опасность. По мнению Верховного Суда Российской Федерации, зачастую деяния, квалифицируемые как преступления небольшой тяжести, не обладают достаточной степенью общественной опасности, в результате чего негативные последствия в виде судимости и связанной с этим стигматизации осужденного в таких случаях несоизмерны характеру указанного деяния и его личности.

С учетом этого по инициативе Верховного Суда Российской Федерации приняты Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»² и Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Фе-

¹ Гуманизация и открытость: ключевые тренды X Всероссийского съезда судей // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/31842/.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27. Ст. 4256.

дерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»³.

В соответствии с названными федеральными законами были декриминализованы деяния, ответственность за которые предусматривалась ч. 1 ст. 116 УК РФ (побои), ч. 1 ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), ч. 1 и 2 ст. 157 УК РФ (злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) и ч. 3 ст. 327 УК РФ (использование заведомо подложного документа). В целях реализации принципов справедливости, гуманизма и экономии уголовной репрессии была увеличена минимальная сумма хищения, с которой наступает уголовная ответственность, с 1 тыс. до 2,5 тыс. руб. (за хищение ниже указанного минимального размера наступает административная ответственность по ст. 7.27 КоАП РФ).

Возможность прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа в отношении лиц, впервые совершивших преступление, также составила важное нововведение, играющее значимую роль в гуманизации уголовного законодательства. Судебный штраф стал принципиально новым межотраслевым институтом, расширяющим восстановительные начала в уголовном судопроизводстве. К особенностям данного вида освобождения от уголовной ответственности можно отнести его осуществление исключительно судом, сходство данной меры уголовно-правового характера с наказанием в виде штрафа, а также условный характер, так как неисполнение назначенного судом денежного взыскания влечет отмену этого решения и привлечение лица к уголовной ответственности.

Данный правовой институт оказался востребованным.

Так, за 9 месяцев 2023 г. с назначением судебного штрафа судами прекращены уголовные дела в отношении 12,4 тыс. лиц, из них в отношении 8,7 тыс. лиц (т. е. 70% лиц) судебный штраф применен судом по собственной инициативе⁴.

Предложенные высшим судом нововведения играют важную роль в снижении негативных социальных последствий судимости в отношении лиц, впервые совершивших преступление, не представляющее большой общественной опасности. Верховный Суд Российской Федерации и далее намерен придерживаться позиции, согласно которой справедливым и эффективным является лишь то наказание, которое позволяет достичь цели исправления преступника и предотвратить совершение им преступлений в будущем без применения избыточных мер государственного принуждения, не соответствующих общественной опасности самого лица и его деяния.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27. Ст. 4259.

⁴ Российское агентство правовой и судебной информации : офиц. сайт. URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20240105/309525328.html?ysclid=lusd5fkzgy485956379.

Отказ от избыточной уголовно-правовой репрессии соответствует принципам справедливости и гуманизма, в связи с чем Верховный Суд Российской Федерации считает необходимым расширять меры по декриминализации преступлений наименьшей тяжести, которые в большинстве случаев какой-либо серьезной опасности для общества не представляют. В данном случае речь идет именно об «оступившихся» гражданах, для которых давление правоохранительной системы становится несоразмерным характеру их деяния, в то время как статус судимого лица почти неизбежно накладывает дополнительные ограничения, такие как сложности при трудоустройстве, при взаимодействии с кредитными и иными финансовыми организациями и т. д., которые влекут за собой усиление изоляции осужденного лица (что может привести к совершению нового преступления).

По мнению Верховного Суда Российской Федерации, для вышеперечисленных ситуаций негативная реакция со стороны государства на совершенное лицом деяние уже является достаточной воспитательной мерой. В связи с этим требуется расширять возможность применения мер, альтернативных уголовному наказанию. Одной из таких эффективных мер может стать введение института уголовного проступка, предложенное Верховным Судом Российской Федерации в проекте федерального закона № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»⁵, который был внесен в Государственную Думу 15 февраля 2021 г. В соответствии с законопроектом уголовный проступок не является самостоятельным видом правонарушения и определяется исходя из двух факторов: 1) наличия всех признаков преступления, в том числе общественной опасности, и одновременно 2) минимальной общественной опасности такого проступка, а также минимальной опасности самого виновного лица. Данные основания должны давать суду возможность применять такие не являющиеся наказанием меры уголовно-правового характера, как судебный штраф, общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы (которые по своему содержанию сходны с уголовными наказаниями в виде обязательных и исправительных работ). При этом размеры и сроки указанных мер сокращены в два раза по сравнению с соответствующими уголовными наказаниями. Если же указанные меры не окажут необходимого воздействия на виновное лицо и оно впоследствии снова совершит преступление, то нормы об уголовном проступке уже не могут быть применены.

Гражданин может быть признан совершившим уголовный проступок при условии отсутствия у него неснятых и непогашенных судимостей и в том случае, если он в течение года не освобождался от уголовной ответственности в связи с совершением уголовного проступка. Также предусматривается обязанность лица, совершившего отдельные категории уго-

⁵ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ловных проступков, возместить причиненный ущерб (при неисполнении которой лицо привлекается к уголовной ответственности в общем порядке).

В отношении несовершеннолетних, совершивших уголовный проступок, законопроектом предусматривается освобождение от уголовной ответственности с применением одной из мер воспитательного воздействия: предупреждения, передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа, возложения обязанности загладить причиненный вред или ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Законопроектом предлагается распространить институт уголовного проступка на 112 составов преступлений, включая 29 составов преступлений в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ), о необходимости пересмотра которых много говорится в последние годы. Примерами являются регистрация незаконных сделок с недвижимостью (ст. 170 УК РФ), незаконное образование или реорганизация юридического лица (ст. 173.1, 173.2 УК РФ), злостное уклонение от платежей по кредитам (ст. 177 УК РФ), незаконное использование товарных знаков (ст. 180 УК РФ), уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ), неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ). Применение института уголовного проступка к данным деяниям окажет позитивное влияние на деловой климат, создаст условия для сокращения рисков ведения предпринимательской деятельности. Применительно к иным составам преступлений анализируемый законопроект также значительно снизит репрессивную направленность уголовного законодательства в отношении лиц, которые не представляют значительной опасности для общества, и тем самым положит начало новому этапу его гуманизации.

В целях гуманизации уголовной политики был принят также Федеральный закон от 15 октября 2020 г. № 336-ФЗ «О внесении изменения в статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁶, направленный на уточнение порядка прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации. Ранее прекращение уголовного преследования было возможно только в случае возмещения ущерба бюджетной системе до момента назначения судебного заседания, что не отвечало целям стимулирования добровольного возмещения вреда, причиненного в результате налоговых преступлений и проступков, связанных с уклонением от уплаты страховых взносов. Названный Закон устранил неоправданное сужение границы применения данной нормы, исключив указание момента, до которого возможно возмещение такого ущерба, что дало дополнительные возможности лицу, совершившему преступление, избежать негативных последствий в виде привлечения к уголовной ответственности.

Особое внимание Верховный Суд Российской Федерации уделяет продолжению гуманизации судопроизводства по делам о правонарушениях,

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 42. Ст. 6523.

совершенных несовершеннолетними. Судимость наносит значительный вред репутации любого человека, но для несовершеннолетнего она влечет особенно негативные последствия, поскольку может стать препятствием для его нормального развития и социализации. Начало процессу гуманизации законодательства в данном направлении было положено еще в 2003 г., когда максимальное наказание за тяжкие преступления, совершенные лицами моложе 16 лет, было сокращено с 10 до 6 лет лишения свободы. Кроме того, был установлен запрет назначать лишение свободы несовершеннолетним, которые впервые совершили преступление небольшой тяжести, а лицам моложе 16 лет запрещено назначать лишение свободы также и за преступления средней тяжести, если они совершены впервые.

За последние 20 лет Пленум Верховного Суда Российской Федерации более 30 раз рассматривал вопросы назначения наказаний и избрания мер пресечения в отношении несовершеннолетних, обращая внимание на необходимость использования подходов, которые учитывают психологические особенности несовершеннолетних лиц.

В результате количество несовершеннолетних осужденных сократилось более чем в 6 раз – с 96,8 тыс. лиц в 2003 г. до 14,8 тыс. лиц в 2022 г. К реальному лишению свободы в 2022 г. было осуждено 2,7 тыс. несовершеннолетних, что в 9 раз меньше, чем в 2003 г., когда к реальному лишению свободы было осуждено 25,2 тыс. несовершеннолетних⁷.

В настоящее время суды назначают несовершеннолетним наказание в виде лишения свободы только при наличии исключительных обстоятельств.

Так, в 2022 г. 76% несовершеннолетних из числа тех, кому было назначено лишение свободы, совершили тяжкие и особо тяжкие преступления, 38% имели неснятые и непогашенные судимости, а 58% совершили групповые преступления⁸.

При этом в 2022 г. в отношении 35% несовершеннолетних обвиняемых суды прекратили уголовное преследование, т. е. каждый третий несовершеннолетний, оказавшийся на скамье подсудимых, был освобожден от уголовной ответственности. В их числе 1248 несовершеннолетних, в отношении которых суд решил ограничиться принудительными мерами воспитательного воздействия⁹. Такие меры позволяют достичь цели исправления несовершеннолетне-го без применения к нему мер уголовной ответственности.

Количество удовлетворенных ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых

⁷ Председатель Совета судей Российской Федерации Момотов В. В. 18 октября 2023 года принял участие в заседании дискуссионного клуба им. Замятнина. Тема заседания – «Подростки в правовом пространстве: защита прав, психологическая поддержка и профилактика правонарушений» // Совет судей Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://ssrf.ru/news/lienta-novostiei/52064?ysclid=lusdqbpj1e318314380>.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

и обвиняемых за последние 10 лет сократилось почти в 3 раза – с 1,9 тыс. ходатайств в 2012 г. до 714 ходатайств в 2022 г.¹⁰

В настоящее время Верховный Суд Российской Федерации продолжает работу, направленную на гуманизацию уголовной ответственности несовершеннолетних и призванную обеспечить соблюдение конституционных прав несовершеннолетних и приоритет наилучшего обеспечения интересов ребенка. 2 декабря 2022 г. вступили в силу инициированные Верховным Судом России Федеральным законом № 445-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних”»¹¹, Федеральный закон № 447-ФЗ «О внесении изменений в статью 432 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹² и Федеральный закон № 446-ФЗ «О признании утратившими силу частей третьей и четвертой статьи 92 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹³, целью которых является гуманизация процедур, связанных с содержанием несовершеннолетних в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей и в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа. Данные вопросы переведены из уголовного судопроизводства в административное.

В соответствии с внесенными изменениями помещение несовершеннолетнего осужденного, освобожденного судом от наказания, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа осуществляется на основании приговора суда. Вопросы, связанные с дальнейшим пребыванием несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (досрочное прекращение, продление или восстановление срока пребывания, перевод в другое специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа), подлежат рассмотрению в порядке административного судопроизводства.

Также предусмотрены дополнительные процессуальные гарантии для несовершеннолетних. Они включают обязательное участие в деле представителя, имеющего высшее юридическое образование, а также обязательное информирование уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации о возбуждении производства по делу и предоставление ему права участвовать в судебных процедурах. Кроме того, в целях сохранения конфиденциальности личности несовершеннолетнего, предотвращения репутационного и психологического ущерба предусмотрено рассмотрение дела в закрытом судебном заседании.

¹⁰ Председатель Совета судей Российской Федерации Момотов В. В. 18 октября 2023 года принял участие в заседании дискуссионного клуба им. Замятниина. Тема заседания – «Подростки в правовом пространстве: защита прав, психологическая поддержка и профилактика правонарушений».

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 48. Ст. 8312.

¹² Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 48. Ст. 8314.

¹³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 48. Ст. 8313.

В целях реформирования и гуманизации применения меры пресечения в виде заключения под стражу и в соответствии с поручением Президента Российской Федерации Верховным Судом России проанализирована практика заключения под стражу лиц, обвиняемых в ненасильственных преступлениях, и разработаны законодательные предложения, которые 15 июня 2023 г. внесены в Государственную Думу Российской Федерации проектом федерального закона № 381316-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями».

В настоящее время УПК РФ уже предусматривает определенные запреты и ограничения для заключения лица под стражу. Так, установлены абсолютный запрет на заключение под стражу предпринимателей в соответствии с предписаниями ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и ограничения на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, которые могут быть заключены под стражу лишь в случае подозрения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а в исключительных случаях – преступления средней тяжести.

Однако законодательство не возлагает на суд обязанность при решении вопроса об избрании меры пресечения учитывать, связано ли преступление, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, с применением насилия или угрозы его применения. При этом в результате изучения Верховным Судом Российской Федерации правоприменительной практики установлено следующее.

В 2022 году судами удовлетворено 55,2 тыс. ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не связанных с применением насилия или угрозой его применения, из которых 2,6 тыс. лиц (5%) обвинялись в совершении преступлений небольшой тяжести, 14,9 тыс. лиц (27%) – в совершении преступлений средней тяжести, а 37,8 тыс. лиц (68%) – в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Кроме того, удовлетворено 1379 ходатайств в отношении женщин, имеющих малолетних детей (2%), и 224 ходатайства в отношении лиц с инвалидностью I или II группы (0,4%)¹⁴.

В рамках указанного проекта федерального закона предлагается дополнить основные понятия, используемые в УПК РФ, понятиями «преступление насильственного характера» и «преступление ненасильственного характера» и предусмотреть в новой редакции ст. 108 УПК РФ возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу при совершении пре-

¹⁴ В Госдуму направили законопроект об ограничении арестов за преступления средней тяжести // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://www.vsrif.ru/press_center/mass_media/32527/.

ступлений средней тяжести только при условии, что преступление носит насильственный характер.

Помимо этого, Верховный Суд Российской Федерации учитывает, что интересы детей могут затрагиваться в том числе уголовным преследованием их родителей. В связи с этим законопроект исключает возможность заключения под стражу женщин, которые имеют малолетних детей и обвиняются в преступлениях небольшой тяжести либо в ненасильственных преступлениях средней тяжести. Женщинам с малолетними детьми, обвиняемым в преступлениях средней тяжести, связанных с применением насилия или угрозой его применения, предлагается избирать меру пресечения в виде заключения под стражу только в исключительных случаях.

Также законопроект устанавливает запрет на заключение под стражу в случае наличия у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, если этот факт подтвержден медицинскими документами.

Наконец, предлагается установить невозможность мотивирования продления срока содержания под стражей исключительно отсутствием у лица места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации, а также ввиду неустановленности личности подозреваемого.

Данный проект закона был принят Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении 24 октября 2023 г. Его принятие будет способствовать совершенствованию порядка избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и укрепит важнейшие конституционные права граждан на свободу и личную неприкосновенность.

В декабре 2023 г. Верховным Судом Российской Федерации был внесен проект федерального закона № 513559-8 «О внесении изменений в статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым решение суда в части освобождения осужденного от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью подлежит немедленному исполнению. В настоящее время даже в случае удовлетворения ходатайства об освобождении от наказания в реальности оно происходит лишь по истечении срока апелляционного обжалования данного решения, а в случае обжалования – только после его вступления в законную силу. Иными словами, судом уже установлен факт невозможности дальнейшего отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью, однако лицо продолжает его отбывать. В связи с этим предлагаемое законопроектом немедленное освобождение осужденного от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью, вне всякого сомнения, будет отвечать требованиям гуманности.

Представляется, что реализация предлагаемых изменений будет способствовать охране жизни и здоровья граждан, отбывающих наказание, и не допускать чрезмерно длительного ограничения их прав и свобод при применении мер уголовно-правового принуждения.

Особое внимание Верховный Суд Российской Федерации, как известно, уделяет гуманизации уголовного законодательства в отношении субъектов предпринимательской деятельности. 2 августа 2019 г. принят разработанный высшим судом Федеральный закон № 315-ФЗ «О внесении

изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹⁵, который направлен на исключение необоснованного продления срока содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности, в случае отсутствия активных следственных действий по уголовному делу. В соответствии с названным Законом ходатайства о продлении срока содержания под стражей должны быть мотивированы необходимостью производства новых следственных действий, перечень которых требуется указывать, а судам необходимо учитывать всю совокупность факторов, в том числе сложность материалов уголовного дела, эффективность действий должностных лиц органов предварительного расследования и своевременность проведения следственных и иных действий. В случае отказа в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей судья по собственной инициативе вправе при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, избрать в отношении обвиняемого меру пресечения в виде залога или домашнего ареста.

Данный Закон не только способствует соблюдению прав и свобод лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, но и положительно влияет на повышение качества предварительного расследования, эффективность его организации, соблюдение разумных сроков досудебного производства.

2 ноября 2023 г. принят еще один разработанный Верховным Судом Российской Федерации Федеральный закон № 524-ФЗ «О внесении изменения в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹⁶, целью которого является усиление процессуальных гарантий субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности. Данный Закон уточняет порядок производства по уголовным делам в отношении субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, подозреваемых или обвиняемых в преступлениях, совершенных в связи с осуществлением ими данной деятельности, а также усиливает процессуальные гарантии, установленные для соответствующей категории лиц. Тем самым предусмотренные Законом изменения позволят исключить случаи избыточного применения к предпринимателям мер уголовно-процессуального принуждения и сохранят возможность продолжения занятия предпринимательской деятельностью.

Кроме того, в Федеральном законе специально уточняется, что под *преступлениями, совершенными в связи с предпринимательской или иной экономической деятельностью*, следует понимать преступления, которые совершены в ходе осуществления лицом самостоятельной, на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от поль-

¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4474.

¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 45. Ст. 7995.

зования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (в соответствии со ст. 2 ГК РФ), и (или) при управлении принадлежащим виновному лицу имуществом, которое используется для такой деятельности.

Учитывая необходимость исключения возможности использования уголовного преследования для незаконного давления на субъектов предпринимательства и решения споров хозяйствующих субъектов, Пленум Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2016 г. принял Постановление № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»¹⁷, в соответствии с которым судам рекомендовано обращать особое внимание на действия и мероприятия, связанные с ограничением имущественных и иных прав и свобод предпринимателей и лиц, состоящих с ними в трудовых отношениях, и строго соблюдать запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей. Высший суд обратил внимание нижестоящих судов на то, что в целях отграничения мошеннических действий от преднамеренного неисполнения договорных обязательств необходимо устанавливать наличие у лица прямого умысла на совершение мошенничества, о чем с очевидностью должны свидетельствовать имеющиеся по делу доказательства.

Несмотря на ряд законодательных инициатив Верховного Суда Российской Федерации, связанных с применением мер пресечения (в особенности заключения под стражу), суды до сих пор нередко применяют явно избыточные меры пресечения, в том числе в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений небольшой тяжести, а также в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности. С учетом этого Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял важные разъяснения, касающиеся применения в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Еще в Постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»¹⁸ внимание нижестоящих судов было обращено на то, что ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей. Верховный Суд Российской Федерации также указал, что при рассмотрении вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока ее действия суд обязан в каждом случае обсуждать возможность применения в отношении лица иной, более мягкой меры пресечения вне зависимости от наличия ходатайства об этом сторон, а также от стадии производства по

¹⁷ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

уголовному делу. В Постановлении также определен перечень оснований, при наличии которых может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, а также обстоятельств, подлежащих учету при избрании меры пресечения.

В мае 2016 г. в рассматриваемое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации были внесены изменения, направленные на более полное раскрытие критерия справедливости при избрании меры пресечения¹⁹. В частности, в новой редакции указано, что для вывода об обоснованности подозрения лица в совершении преступления недостаточно констатировать, что это лицо могло совершить преступление. Необходимо установить наличие конкретных данных о том, что лицо причастно к преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т. д.). Кроме того, одной лишь формальной ссылки суда на наличие таких данных недостаточно: суд в каждом случае обязан проверить, содержатся ли такие данные в ходатайстве о применении меры пресечения и прилагаемых к нему материалах, и дать оценку этим данным. Неисполнение этой обязанности влечет отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

В июне 2020 г. данное Постановление вновь подверглось корректировке с целью дальнейшей гуманизации уголовно-процессуального законодательства²⁰. Было разъяснено, что судам при выборе меры пресечения необходимо руководствоваться тем, что более строгая мера может быть применена только в случае невозможности выбора менее строгой. Кроме того, суду необходимо занимать активную позицию: независимо от наличия соответствующих ходатайств он должен ставить на обсуждение возможность применения менее строгих мер пресечения вместо предлагаемых органами предварительного расследования. Таким образом, положения данного Постановления со временем все в большей степени ориентируют суды на более широкое применение мер пресечения, не связанных с изоляцией подозреваемого или обвиняемого от общества, что формирует позитивные тенденции в судебной практике.

В октябре 2021 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации внес изменения в Постановление от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неот-

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2016 г. № 23 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

бытой части наказания более мягким видом наказания»²¹. В нем появилось разъяснение, что при решении вопроса об освобождении от отбывания наказания лица, заболевшего после совершения преступления тяжелой болезнью, суды при рассмотрении соответствующего ходатайства не вправе отказывать в освобождении на основании наличия у лица отрицательных характеристик, отсутствия у него поощрений, постоянного места жительства и иных подобных обстоятельств. Данные положения направлены на совершенствование и гуманизацию практики рассмотрения судами ходатайств об освобождении от наказания по болезни.

Таким образом, мы продемонстрировали, что Верховный Суд Российской Федерации играет важную роль в гуманизации как законодательства (посредством инициирования законопроектов), так и судебной практики (посредством принятия постановлений Пленума, которые содержат разъяснения для нижестоящих судов). Помимо этого, высший суд демонстрирует приверженность гуманистическим началам и при рассмотрении конкретных уголовных и гражданских дел в кассационном порядке. С учетом этого обратим внимание на некоторые важные правовые позиции, высказанные судебными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации.

Так, в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 сентября 2021 г. № 16-УД21-14-К4²² было указано, что в случае общественно опасного посягательства обороняющийся в целях защиты своего права на жизнь вправе нанести любой вред посягающему лицу.

В данном деле обвиняемая причинила тяжкий вред здоровью потерпевшего, который нанес побои и пытался душить ее, что Верховный Суд справедливо оценил как опасность для жизни. Судебной коллегией по уголовным делам были отменены приговор, апелляционное определение и определение кассационного суда, уголовное дело прекращено. Данное решение имеет высокую социальную значимость: Суд, руководствуясь принципом гуманизма, справедливо разрешил вопрос о необходимой обороне.

Дела данной категории не являются многочисленными, однако относятся к сложным.

В Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2022 г. № 44-УД22-1-К7²³ Суд не согласился с позицией нижестоящих судов, которые при рассмотрении вопроса об отсрочке отбывания наказания осужденной до достижения ее ребенком

²¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2021 г. № 32 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²² Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

14-летнего возраста отдали приоритет исправлению осужденной и отбыванию ею наказания, не учитывая интересы несовершеннолетнего.

Как было верно отмечено, целью нормы ст. 82 УК РФ является обеспечение разумного баланса между публичным интересом, заключающимся в обеспечении неотвратимости наказания преступника, и интересами его ребенка, развитию которого и формированию его личности в малолетнем возрасте противоречит отстранение его матери от воспитательного процесса, что является неизбежным в случае реального лишения свободы. Исходя из принципов гуманизма и уважения личности, интересам ребенка придается первостепенное значение, и отсрочка от отбывания наказания не применяется только при наличии исключительных обстоятельств, когда с учетом личности родителя либо совершения им преступления в отношении малолетнего применение института отсрочки противоречит интересам самого ребенка, либо в иных случаях в силу прямого запрета закона, т. е. при совершении родителем преступлений, указанных в ч. 1 ст. 82 УК РФ.

В практике Верховного Суда Российской Федерации также имеется пример того, как Суд встал на сторону уязвимой стороны в деле, рассмотренном в особом порядке (глава 40 УПК РФ) по ходатайству обвиняемого, который имел психическое расстройство, не исключающее вменяемости.

В Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2021 г. № 83-УДП21-24-К1²⁴ указано, что наличие такого заболевания может лишить обвиняемого возможности в полной мере осознавать фактический характер, общественную опасность своих действий и руководить ими и препятствовать самостоятельному осуществлению им права на защиту. В связи с этим суд, решая вопрос о возможности рассмотрения дела в особом порядке, должен выяснить, осознает ли обвиняемый характер и последствия заявленного им ходатайства. Нижестоящие суды невнимательно отнеслись к состоянию обвиняемого, что не только нарушало его право на защиту, но и являлось негуманным по отношению к нему. В связи с этим Верховный Суд Российской Федерации направил дело на новое рассмотрение.

В сфере гражданского судопроизводства Верховный Суд Российской Федерации, как уже отмечалось, уделяет особое внимание делам о защите социальных прав граждан, трудовым спорам, защите прав потребителей. Нахождение баланса между частным и публичным интересом часто становится важной задачей и при рассмотрении судами вопросов, связанных с пенсионным обеспечением.

Так, следует обратить внимание на Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2019 г. № 86-КГ19-4²⁵ в части защиты жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

²⁴ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

В данном деле региональные органы власти признавали жилое помещение заявителя, относящегося к категории лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не соответствующим санитарным и техническим требованиям и нуждающимся в капитальном ремонте, однако отказались признать данное жилое помещение непригодным для проживания. На основании этого заявителю было отказано в предоставлении жилья из жилищного фонда. Верховный Суд Российской Федерации не согласился с позицией нижестоящих судов и указал, что несоответствие жилого помещения санитарным и техническим требованиям является самостоятельным основанием для признания невозможным проживания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в ранее занимаемых жилых помещениях. Между тем нижестоящие суды, установив наличие у истца жилого помещения, не исследовали вопрос о том, соответствует ли данное жилое помещение санитарным и техническим требованиям, возможно ли проживание в нем.

Важной с точки зрения принципа гуманизма является позиция, выраженная в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2022 г. № 3-КГ21-6-КЗ²⁶.

Суд указал, что если причиной несвоевременного обращения гражданина-пенсионера в пенсионный орган с заявлением о перерасчете размера пенсии по инвалидности является неразъяснение пенсионным органом его прав, то такой гражданин имеет право на выплату недополученных сумм пенсии по инвалидности за прошедшее время без ограничений по сроку. Таким образом, именно пенсионный орган (как своего рода профессиональная сторона в данных правоотношениях) несет ответственность за надлежащее информирование гражданина, связанное с реализацией им социальных прав.

Тем самым Верховный Суд Российской Федерации продемонстрировал, что защита интересов гражданина в данном случае является приоритетом для государства.

Одним из важных направлений работы высшего суда является защита прав потребителей. Верховным Судом Российской Федерации были подготовлены и приняты Постановление Пленума от 29 сентября 1994 г. № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей»²⁷ и Постановление Пленума от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»²⁸. В Постановлении Пленума 2012 г. Судом были истолкованы такие ключевые понятия потребительского законодательства, как «потребительские отношения», «товар», «услуга», «работа» и некоторые другие. Важное значение также имело распространение данным Постановлением действия Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» на отдельные виды отношений в

²⁶ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁷ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁸ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

той части, в которой они не урегулированы специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права, – такие как договор участия в долевом строительстве, договор страхования, как личного, так и имущественного, договор банковского вклада, договор перевозки, договор электроснабжения и т. д.

Наконец, Верховный Суд Российской Федерации подготовил ряд обзоров судебной практики по вопросам защиты прав потребителей в отдельных сферах, характеризующихся определенной спецификой. К их числу относятся Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан²⁹ (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 декабря 2017 г.), Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг³⁰ (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 сентября 2017 г.), Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей³¹ (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 октября 2021 г.).

Подводя общие итоги гуманизации российского права за последние десятилетия, можно констатировать, что Верховный Суд Российской Федерации играет важнейшую роль в данном процессе. Многие законодательные инициативы, направленные на гуманизацию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, были предложены именно Верховным Судом Российской Федерации. Формирование новых подходов в правоприменительной практике по уголовным и гражданским делам также сыграло свою позитивную роль. Правовые позиции высшего суда способствовали повышению уровня правовой защищенности конституционных прав и свобод граждан в самых различных сферах и последовательно приводили российское право в соответствие с международными стандартами.

Тем не менее не следует останавливаться на достигнутом. В силу постоянного изменения общественных отношений, выявления новых проблем в их регулировании процесс совершенствования правовых норм не заканчивается. Поэтому Верховный Суд Российской Федерации и в дальнейшем будет осуществлять постоянный мониторинг с целью инициирования их своевременной корректировки и дачи разъяснений о новых подходах к их толкованию.

Список источников

Алексеев С. С. *Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы*. М. : Норма, 1999. 329 с. ISBN: 5-89123-149-2.

²⁹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁰ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

³¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Бибик О. Н. Инфляция и дефляция уголовной репрессии // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 63–72.

Богданов Е. В. Гуманизм как принцип российского гражданского права в условиях новых технологических вызовов // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 70–87. DOI: 10.12737/jrl.2022.095.

Гаврилов Б. Я., Крымов В. А., Шпагина Ю. В. Уголовный проступок: новые грани российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 115–139. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.1.115.139.

Головинская И. В., Крестинский М. В. Гуманистические идеи и закрепление принципа гуманизма в нормах уголовно-процессуального законодательства // Современное право. 2019. № 9. С. 111–117.

Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства : материалы межрегион. науч.-практ. семинара, Барнаул, 25–27 нояб. 1998 г. / под ред. В. В. Невинского. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. 238 с.

Кашепов В. П. Гуманизация уголовного судопроизводства как принцип регулирования российского правосудия // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 101–112. DOI: 10.12737/16641.

Коновалов А. В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 1161 с.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стер. М. : Статут, 2001. 352 с. ISBN: 5-89398-015-8.

Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция : филос. альманах / ред. В. И. Мудрагей, В. И. Усанов. М. : Политиздат, 1990. С. 162–235. ISBN: 5-250-00318-4.

Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой ; МГУ. М. : Статут, 2014. 879 с. ISBN: 978-5-8354-0999-0.

Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. 2002. № 2. С. 5–13.

Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1972. 210 с.

References

Alekseev, S. S., 1999. *Filosofiya prava: istoriya i sovremennost'. Problemy. Tendentsii. Perspektivy* = [Philosophy of Law: History and modernity. Problems. Trends. Prospects]. Moscow: Norma. 329 p. (In Russ.) ISBN: 5-89123-149-2.

Bibik, O. N., 2017. Inflation and deflation of criminal repression. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* = [Russian Law Journal], 3, pp. 63–72. (In Russ.)

- Bogdanov, E. V., 2022. Humanism as the Principle of Russian Civil Law in the Settings of New Technological Challenges. *Journal of Russian Law*, 9, pp. 70–87. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2022.095.
- Gavrilov, B. Ya., Krymov, V. A., Shpagina, Yu. V., 2022. Criminal misconduct: new facets of Russian legislation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 1, pp. 115–139. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2022.1.115.139.
- Golovinskaya, I. V., Krestinsky, M. V., 2019. [Humanistic ideas and the consolidation of the principle of humanism in the norms of criminal procedure legislation]. *Sovremennoe pravo* = [Modern Law], 9, pp. 111–117. (In Russ.)
- Kashepov, V. P., 2015. Humanization of criminal proceedings system as an important factor to regulate justice in Russia. *Journal of Russian Law*, 12, pp. 101–112. (In Russ.) DOI: 10.12737/16641.
- Chirkin, V. E., 2002. [Universal human values and the modern state]. *Gosudarstvo i pravo* = [State and Law], 2, pp. 5–13. (In Russ.)
- Komissarova, V. S., Krylova, N. E., Tyazhkova, I. M., eds., 2014. *Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federatsii. Obshchaya chast'* = [Criminal law of the Russian Federation. General part]. Textbook for universities. Moscow: Statute. 879 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-0999-0.
- Konovalov, A. V., 2019. *Principy grazhdanskogo prava: metodologicheskie i prakticheskie aspekty issledovaniya* = [Principles of civil law: methodological and practical aspects of research]. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 1161 p. (In Russ.)
- Nevinsky, V. V., ed., 1999. *Dostoinstvo cheloveka: ot filozofsko-pravovoj idei k konstitucionnomu printsipu sovremennogo gosudarstva* = [Human dignity: from the philosophical and legal idea to the constitutional principle of the modern state]. Materials of the interregional scientific and practical seminar, Barnaul, November 25–27, 1998. Barnaul: Altai State University Publishing House. 238 p. (In Russ.)
- Pokrovsky, I. A., 2001. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* = [The main problems of civil law]. 3rd ed., ster. Moscow: Statut. 352 p. (In Russ.) ISBN: 5-89398-015-8.
- Soloviev, E. Yu., 1990. [Legal nihilism and the humanistic meaning of law]. In: V. I. Mudragey, V. I. Usanov, eds. *Kvintessentsiya* = [Quintessence]. Philosophical almanac. Moscow: Politizdat. Pp. 162–235. (In Russ.) ISBN: 5-250-00318-4.
- Yakovlev, V. F., 1972. *Grazhdansko-pravovoj metod regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenij* = [The civil law method of regulating public relations]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute. 210 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Момотов Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, Председатель Совета судей Российской Федерации, секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации (Российская Федерация, 121260, Москва, ул. Поварская, д. 15, стр.1).

Viktor V. Momotov, Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Council of Judges of the Russian Federation, Secretary of the Plenary Court, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (build. 1, 15 Povarskaya St., Moscow, 121260, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 27.04.2024.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 27.04.2024.

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.32-45

К вопросу об особенностях современных отечественных интегративных подходов к праву в условиях построения правового государства

Марина Александровна Гусарова

*Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия, Краснодар, Российская Федерация
gusarovama@bk.ru*

Аннотация

Введение. В настоящее время в теории и философии права продолжают дискуссии о таком подходе к праву, который отвечал бы вызовам современности. Особый интерес научного сообщества и практикующих специалистов прикован к интегративному правопониманию и его методологическим возможностям в условиях построения правового государства.

Теоретические основы. Методы. Целью настоящей работы являются анализ наиболее популярных оригинальных отечественных концепций правопонимания и оценка их научного потенциала в решении наиболее актуальных теоретических и практических задач современного российского общества и государства. Для достижения поставленной цели проводится условная периодизация становления интегративного подхода к праву и выявляются факторы-катализаторы его динамики; определяются особенности современных отечественных концепций интегративного правопонимания (феноменолого-коммуникативной, диалогической, концепции научно обоснованного интегративного правопонимания) с точки зрения возможности построения универсального понятия права и повышения эффективности правовой системы.

Использованы методы анализа и синтеза правовых идей и учений прошлого и современности, сравнительный анализ современных концепций интегративного правопонимания, метод индукции и дедукции, метод системного анализа.

Результаты исследования. Каждый из трех примерных периодов становления интегративного правопонимания характеризуется объективными интеграционными процессами в науке, а также социокультурными условиями развития, опознающимися в изменении научного стиля мышления (движение от классического к постклассическому типу рациональности). Дискурсивность процессов, происходящих в современной правовой науке, выражающаяся в поиске различных концепций правопонимания, свидетельствует о жизнеспособности правовой науки и о живом процессе становления соответствующего нынешним реалиям типа правопонимания. Наиболее популярные в отечественном правоведеии подходы – феноменолого-коммуникативный и диалогический – открывают какой-либо из аспек-

тов права как явления духовной жизни и по-своему соответствуют установкам постклассической науки, однако остаются философско-правовыми учениями, абстрагированными от конкретных правовых реалий. Концепция научно обоснованного интегративного правовопонимания, являясь по сути теорией среднего уровня, не только имеет потенциал для решения одного из ключевых вопросов правовой науки, но и способна упорядочить правовое мышление современных юристов, став вектором в повышении уровня эффективности права как системы.

Обсуждение и заключение. Процесс правовопонимания прямо обусловлен комплексом факторов, среди которых – ведущий тип научной рациональности, политико-правовая ситуация в государстве, возможности и накопленный опыт правовой науки в целом. Появившись более века назад, вразрез большинству устоявшихся подходов, интегративный подход к праву постепенно становится признаком современной теории и философии права. Некоторые из концепций, объясняя сущность права как социокультурного феномена, остаются в области философии права. Для других концепций важной задачей становится использование потенциала всей социогуманитаристики для решения основных задач правовой науки и практики. Концепция научно обоснованного интегративного правовопонимания в русле метамодернистской парадигмы не только стремится к построению определения права с точки зрения его системности, внутреннего единства и непротиворечивости, но и весьма четко артикулирует правовые и неправовые феномены и регуляторы, что способствует упорядочению юридического мышления и коррелирует с практическими задачами современного российского государства.

Ключевые слова: интегративное правовопонимание, тип научной рациональности, право, правосознание, правоотношение, феноменолого-коммуникативный подход, диалогический подход к праву, научно обоснованная интегративная концепция правовопонимания, метамодернизм, правовое государство

Для цитирования: Гусарова М. А. К вопросу об особенностях современных отечественных интегративных подходов к праву в условиях построения правового государства // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. 32–45. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.32-45.

Original article

To the Question of the Peculiarities of Modern Domestic Integrative Approaches to Law in the Conditions of Building a Legal State

Marina A. Gusarova

*North Caucasian Branch, Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russian Federation
gusarovama@bk.ru*

Abstract

Introduction. Currently, in the theory and philosophy of law, discussions continue about such an approach to law that would meet the challenges of our time. The special interest of the scientific community and practitioners is riveted to the integrative legal understanding and its methodological possibilities in the conditions of building the rule of law.

Theoretical Basis. Methods. The purpose of this work is to analyze the most popular original domestic concepts of legal understanding and evaluate their scientific potential in solving the most pressing theoretical and practical problems of modern Russian society and the state. To achieve this goal, a conditional periodization of the formation of an integrative approach to law is carried out and factors-catalysts of its dynamics are identified; the features of modern domestic concepts of integrative legal understanding (phenomenological-communicative, dialogic, the concept of scientifically based integrative legal understanding) are revealed from the point of view of the possibility of building a universal concept of law and increasing the efficiency of the legal system.

There were methods of analysis and synthesis of legal ideas and teachings of the past and present, comparative analysis of modern concepts of integrative legal understanding, the method of induction and deduction, and the method of system analysis used.

Results. Each of the three conditional periods of the formation of integrative legal understanding was due to objective integration processes in science, as well as socio-cultural conditions of development, recognizable in a change in the scientific style of thinking (movement from classical to post-classical type of rationality). The discursiveness of the processes taking place in modern legal science, expressed in the search for various concepts of legal understanding, speaks of the viability of legal science and the living process of becoming appropriate type of legal understanding to the current realities. The most popular in domestic jurisprudence – phenomenological-communicative and dialogic approaches open any of the aspects of law as a phenomenon of spiritual life and in their own way correspond to the principles of post-classical science, but remain philosophical and legal doctrines, abstracted from specific legal realities. The concept of scientifically based integrative legal understanding, being essentially a theory of the middle level, has the potential not only to solve one of the key issues of legal science, but is able to streamline the legal thinking of modern lawyers and become a vector in increasing the level of efficiency of law as a system.

Discussion and Conclusion. The process of legal understanding is directly conditioned by a complex of factors, among which are the leading type of scientific rationality, the political and legal situation in the state, the possibilities and accumulated experience of legal science in general. Appearing more than a century ago in a single quantity, going against the majority of established approaches, an integrative approach to law is gradually becoming a feature of modern theory and philosophy of law. Some of the concepts, explaining the essence of law as a sociocultural phenomenon, remain in the field of philosophy of law. For other concepts, an important task is to use the potential of all socio-humanitarian studies to solve the main problems of legal science and practice. The concept of scientifically based integrative legal understanding in line with the metamodernist paradigm seeks not only to construct a definition of law from the point of view of its consistency, internal unity and consistency, but clearly articulates legal and non-legal phenomena and regulators, which contributes to streamlining legal thinking and correlates with the practical tasks of the modern Russian state.

Keywords: integrative legal understanding, type of scientific rationality, law, legal consciousness, legal relationship, phenomenological and communicative approach, dialogic approach to law, scientifically based integrative concept of legal understanding, metamodernism, rule of law

For citation: Gusarova, M. A., 2024. To the question of the peculiarities of modern domestic integrative approaches to law in the conditions of building a legal state. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 32–45. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.32-45.

Введение

Объективные интеграционные процессы в развитии науки в конце XX – начале XXI в. показали необходимость теоретического обоснования концепции права, адекватной современным социальным реалиям и общенаучным тенденциям конвергенции теории и практики. Сам по себе интерес к интегративному правопониманию не является новым научным трендом, но уже неоднократно вставал перед научным сообществом в качестве научной задачи. Однако вопросы, касающиеся правопонимания, в силу своей значимости в качестве базовых и ключевых в правовой науке остаются острыми и нерешенными по сей день.

Теоретические основы. Методы

В развитии интегративных концепций можно увидеть три периода, опознающихся в возрастающем интересе к интегративности, интеграции, синтезу как методологическому принципу познания общественных феноменов, в том числе и правовых. Условно можно выделить интегративные концепции первой, второй и третьей волны, характеризующиеся определенными потребностями науки, общества, политико-правовыми факторами. Кульминация развития интегративного правопонимания связана с негативными последствиями постмодернистской парадигмы и необходимостью их устранения на уровне правовой теории и практики.

В данной статье применялись методы анализа и синтеза правовых идей и учений прошлого и современности, сравнительный анализ современных концепций интегративного правопонимания, метод индукции и дедукции, метод системного анализа.

Результаты исследования

Первый этап становления интегративного подхода к праву был связан с усилением процессов социологизации юриспруденции в конце XIX – начале XX в., обусловивших появление новых акцентов в понимании права и тенденций синтезирования знания в трудах отечественных авторов В. С. Соловьева, Б. А. Кистяковского [Палеха, Р. Р., 2020], П. А. Сорокина, А. С. Яценко, П. Г. Виноградова, Н. Н. Алексеева и др. [Гусарова, М. А., 2019; Гусарова, М. А., 2020], которые впервые в рамках развернутых учений предприняли попытку соединения сильных сторон различных подходов к правопониманию. Вторая волна интегративных концепций была связана с усилением влияния бихевиоризма и подъемом гуманитарного знания в целом и проявилась в трудах американских ученых Г. Дж. Бермана и Дж. Холла, которые ввели в научный оборот само понятие «интегративной» или «интегральной» юриспруденции. Примечательным аспектом концепций упомянутых ученых является тот факт, что они учитывали значимость философии в вопросе поиска универсального подхода к пониманию права, позволяющего задействовать потенциал классических подходов, таких как позитивизм, юснатурализм и исторический подход, в построении универсального определения права. Так, в одной из своих работ Г. Дж. Берман

писал, что «интегрированная юриспруденция – это философия, объединяющая три классические школы... Она основана на убеждении, что каждая из этих трех конкурирующих школ выделила одно из важных измерений права, исключив прочие, и что совмещение нескольких измерений в одном фокусе, во-первых, возможно и, во-вторых, важно...» [Берман, Г. Дж., 1998, с. 16]. Дж. Холл также определяет право как особый тип социального действия, в котором происходит сращивание норм, ценностей и фактов, что, по мнению этого автора, указывает на целостный характер права как феномена общественной жизни [Холл, Дж., 1999, с. 740–741].

Эта мысль была успешно развита в творчестве бельгийского ученого М. Ван Хука, который в труде «Право как коммуникация» [Ван Хук, М., 2012] показал динамичность права, обусловленную взаимодействием различных социальных групп, в рамках правового пространства. Среди отечественных представителей интегративного правопонимания второй волны, хотя и не в чистом виде, после длительного периода господства позитивистского подхода следует назвать В. С. Нерсесянца и Д. А. Керимова, которые выступили против узконормативного подхода к праву и применили достижения различных областей гуманитарного знания для объяснения права как сложного и системного феномена [Чашин, А. Н., 2014].

В настоящее время в отечественной правовой науке можно констатировать факт резко возросшего интереса к интегративному правопониманию, сопровождающегося появлением учений третьей волны, вобравших в себя опыт предыдущих научных изысканий. Современные концепции интегративного правопонимания обусловлены необходимостью преодоления негативных последствий постмодернизма и процессов цифровизации в развитии и понимании различных социокультурных феноменов, в том числе и правовых. Как мы уже отмечали, сегодня можно констатировать факт размывания границ нормативности в результате плюралистического подхода к праву, аксиологический релятивизм в понимании правовых феноменов и ризомное правосознание, а также господство установок правового мышления на временный характер ресурсов, ослабление интереса к референтным группам и гибридность правовой реальности [Гусарова, М. А., 2023, с. 89–92]. Попытка решения проблем, связанных с влиянием перечисленных феноменов, предпринимается в рамках учения метамодернизма, в основе которого – соединение высоких идеалов с действительно эффективными способами и механизмами их реализации, т. е. поиск практических, научно обоснованных и применимых на практике теорий и концепций.

Среди интегративных концепций третьей волны следует особо выделить феноменолого-коммуникативную концепцию А. В. Полякова, диалогическую концепцию И. Л. Честнова и научно обоснованную концепцию интегративного правопонимания В. В. Ершова. Несмотря на то что все названные авторы именуют себя «интегративистами», внутри данного подхода существуют различия как в вопросе притязания на теоретическую универсальность, так и в возможности прикладного использования методологии той или иной концепции в правотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельности. Для выявления общих и различных

моментов современных интегративных концепций обратимся к работам их авторов.

Одной из оригинальных и примечательных концепций в современной философии права следует считать феноменолого-коммуникативную теорию права **А. В. Полякова**, который совершил прорыв в идеях постперестроечного периода, обратившись от строгого этатизма к феномену человека и его месту в правовом пространстве. Установка на идею неразрывности человеческого сознания и права приводит этого автора к выводу, что человек как таковой является не только творцом, но и непосредственным участником правовой реальности. А. В. Поляков рассматривает право в качестве явления коммуникативного и интегрального по своей природе, что, по его мнению, позволяет избежать «идеологически нагруженной спецификации», выделив в феномене права его неизменные характеристики, такие как коммуникативно-деятельностная, ценностная, семиотическая, психологическая. Интегрируя возможности и сильные стороны подходов, сложившихся в период господства классической рациональности, под правом как целостным феноменом А. В. Поляков понимает нормы, правоотношения, ценности, правосознание, правовые тексты, а также деятельность по их интерпретации и претворению в жизнь [Поляков, А. В., 2016, с. 6–7]. Иными словами, право с точки зрения феноменолого-коммуникативного подхода охватывает всевозможные явления, прямо или косвенно опосредованные правом. Исходной предпосылкой всех общественных явлений, в том числе и права, ученый считает коммуникацию как процесс, связывающий всех социальных субъектов и объясняющих причину динамики их развития. Следовательно, существование права признается зависящим не от государства, а от институтов, которые поддерживают и транслируют образцы поведения в обществе.

Феноменолого-коммуникативная теория права, по мысли ее автора, основана на нескольких методологических установках: во-первых, право понимается как феномен, не имеющий бытия вне социального субъекта и социального взаимодействия; во-вторых, такое взаимодействие является интересубъективным, поскольку, будучи опосредованным легитимными правовыми текстами, оно всегда является специфическим коммуникативным поведением, субъекты которого обладают взаимообусловленными правомочиями и обязанностями; в-третьих, право представляет собой синергичную коммуникативную систему [Поляков, А. В., 2016, с. 107]. Интересубъективный характер права А. В. Поляков объясняет непрерывной человеческой коммуникацией, развертывающейся в процессе интерпретации легитимизированных правовых текстов, устанавливающих права и обязанности субъектов социального взаимодействия. Именно поэтому, как утверждает автор, право невозможно понять как в целом, так и в теоретических формах выражения вне социокультурного контекста, а следовательно, вне истории [Поляков, А. В., 2016, с. 134]. Основанием правовой коммуникации ученый считает легитимацию, или отношение одного человека к другому как равноценному себе участнику [Поляков, А. В., 2011, с. 21]. Коммуникативные условия возникновения права А. В. Поляков под-

разделяет на социопсихические и социокультурные. Первые опознаются в способности человека понимать и признавать право, а также действовать сообразно нормам, вторые – в формировании правил поведения в качестве общезначимых ценностей, культурных кодов, регулятивов [Поляков, А. В., 2016, с. 236]. Иными словами, право является частью жизненного мира человека, частью культуры человеческого сообщества и развивается в общем социокультурном потоке с иными феноменами.

Следует согласиться с автором коммуникативной концепции в том, что диалогичность общественных отношений, урегулированных или подлежащих правовому регулированию, всегда предполагает направленные друг на друга интенции. Хотя автор прямо не указывает на то, что этот диалог выступает движущей силой правосознания на всех его уровнях и во всех видовых характеристиках, однако такой вывод косвенно можно сделать из его размышлений. При этом важно подчеркнуть, что именно правосознание в ходе диалога субъектов приобретает такие свойства, как опосредование должного и сущего, означивание фактов общественной жизни в качестве правовых, а также селекция правовых норм на предмет их соответствия основам правовой культуры с последующей их легитимацией и интерпретацией. Несмотря на детальную проработку аспектов феноменолого-коммуникативной концепции права в тех моментах, которые касаются генезиса права как социокультурного феномена, в стороне от исследования остались проблемы соотношения права с иными феноменами регулятивного свойства и их природой, а также рассмотрение возможных путей коммуникации, в процессе которой рождается право. Что же касается возможностей применения феноменолого-коммуникативной концепции права при решении прикладных проблем юридической науки, то, считаем, говорить о практическом применении изложенной концепции пока не представляется возможным.

Другой обращающей на себя внимание концепцией является социально-антропологическая, или диалогическая, концепция, автор которой – **И. А. Честнов**, понимающий под правом «момент, сторону общества, обусловленную его культурой» [Честнов, И. А., 2012, с. 45]. Отправной точкой в размышлениях ученого является признание многомерности и многогранности феномена права, включающего право в качестве своего важнейшего элемента. Именно поэтому, как полагает Честнов, право не является статичным, но всегда есть процесс, конструктор. Отстаивая постклассический подход в науке, в том числе и юриспруденции, ученый определяет право не как объективную данность, но как живое динамическое явление, зависящее от мировоззренческого развития и представляющего собой диалог процесса и результата (производства норм и их реализации), правовой нормы и правоотношения, правовой практики и правосознания и иных правовых феноменов, находящихся в оппозиции [Честнов, И. А., 2022b, с. 80]. Честнов настаивает на необходимости «нового прочтения рациональности как абстрактного феномена – идеала и регулятива, наполняемого конкретным содержанием в соответствующем историческом и социокультурном контексте» [Честнов, И. А., 2022b, с. 80]. При этом субъект права, реализующий

волю в своих действиях и ментальной активности, имеет правовой статус в виде совокупности прав и обязанностей. В этом онтологическом диалоге, как отмечает ученый, решается антиномия человека и правового статуса. Диалогичность правовой реальности в концепции И. А. Честнова выражается также в постоянной корреляции абстрактных норм и конкретных правоотношений в правовом институте [Честнов, И. А., 2022b, с. 80]. В современном информационном обществе, по мысли этого автора, политика конструирования и воспроизводства права осуществляется по особым правилам – правилам диалога и выражается прежде всего в борьбе основных властных групп за право официальной номинации социальных явлений и процессов путем воспроизводства и легитимации правовых смыслов [Честнов, И. А., 2022a, с. 184–187]. Честнов признает не только социально конструируемый характер права, но и его системность, при этом системность права опосредуется правовой культурой как процессом, в котором происходит юридическое означивание, придание правовых смыслов, которые власть и референтные группы считают необходимыми в тех или иных обстоятельствах [Честнов, И. А., 2023]. Речь идет о тех социальных явлениях и процессах, которые, по мнению власти и основных референтных групп, нуждаются в такой категоризации и квалификации. Власть и референтные группы принимают различные решения по изменению (конструированию) правовой реальности в зависимости от фактических обстоятельств, например в связи с пандемией. Иными словами, в диалогической концепции правопонимания на первое место выходят институциональный аспект формирования права и его вариабельность в зависимости от социокультурных условий.

Солидаризируясь с автором концепции в положении, что правовая реальность постоянно конструируется и изменяется при участии властных элит в данном процессе, все же заметим, что, во-первых, право, в отличие от иных феноменов общественной жизни, например политики или морали, не может иметь бесконечное количество модусов своего бытия. В противном случае оно перестало бы быть самим собой и потеряло бы силу наиболее авторитетного механизма общественного контроля, имеющего в своем распоряжении эффективные способы реализации принуждения и фиксирующего формально-юридическим способом наиболее значимые в данный период ценности. Во-вторых, описывая роль властной элиты в процессе конструирования правовой реальности в современном обществе, автор не конкретизирует, чем именно отличается данное влияние в современном постиндустриальном обществе от влияния элиты в любой другой исторический период. В-третьих, принцип диалога типичного (объективной нормы права) и уникального (конкретного фактического) правоотношения, по нашему мнению, не показывает сущности права, но вполне может объяснить также и моральные нормы, содержательное наполнение и понимание которых меняется в зависимости от хронотопа культуры. В-четвертых, вне фокуса внимания автора диалогической концепции права, по нашему мнению, остается процесс селекции правовых смыслов общественным правосознанием до момента его формального закрепления властной эли-

той. Как представляется, характер правоотношения опознается в многократно повторяемых общественно значимых действиях, которые в процессе повторения постепенно приобретают формально-юридическое значение. Единичные и уникальные общественные отношения априори не могут стать правовыми, поскольку приобретают значимость (означиваются) для отдельных субъектов, но не социальных групп, общества в целом или государства. Таким образом, роль властной элиты в процессах социального конструирования правовой реальности переоценивается, при этом роль общественного правосознания и основ правовой культуры, напротив, недостаточно освещена.

В общем ряду упомянутых выше концепций особняком стоит концепция научно обоснованного интегративного правопонимания, которая успешно апробируется ее автором **В. В. Ершовым** около 20 лет. Центром данной концепции является отграничение права от неправа как принцип и исследовательская установка. При этом автором интегрируются методологические возможности традиционных подходов – социологического, естественно-правового и легистского. Комплексность, интегративность, на которую указывает профессор Ершов, позволила сформулировать принципиально новое определение права, ранее не звучавшее в научной и учебной литературе.

Во избежание «размывания» права как концепта и института В. В. Ершов ограничивает право «...прежде всего принципами и нормами только права, содержащимися в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализуемыми в государстве, то есть интеграцией лишь права и права в различных его формах внешнего выражения» [Ершов, В. В., 2020, с. 59]. Очень важным, по нашему мнению, моментом данной концепции правопонимания является категориальное различие права и неправа, которое в трактовке учебного состоит в том, что они выступают регуляторами различного свойства. К правовым регуляторам В. В. Ершов относит принципы права (основополагающие и/или специальные) и нормы права, входящие в единую систему форм права. К индивидуальным регуляторам правоотношений (называя в их числе индивидуальное судебное регулирование), применяющимся в случае «нетипичных» ситуаций, не предусмотренных существующими нормами права, ученый относит толкование принципов и норм права, преодоление коллизий между принципами и/или нормами единой системы права, реализующегося в государстве, применение факультативных, альтернативных, относительно определенных, диспозитивных норм права, применение генеральных клаузул (оговорок) и управомочивающих норм права, преодоление пробелов в отдельных формах единой системы форм права [Ершов, В. В., 2020, с. 355]. Важно отметить, что роль индивидуальных регуляторов не умаляется, но, напротив, связывается с их возможностью быть комплиментарной частью сложной системы регуляторов в условиях большого количества различных правоотношений. Не случайно В. В. Ершов называет их парными объективно существующими регуляторами правоотношений.

Принимая во внимание такой подход к системе правового регулирования, необходимо отметить, что к собственно неправовым регуляторам можно отнести многочисленные социальные регуляторы общественных отношений, например морально-нравственные или религиозные, не урегулированные и не подлежащие правовому регулированию априори. Речь идет о таких явлениях, как любовь, верность, дружба, братство и т. д., не являющихся правовыми феноменами. Кроме того, методологическая постановка дифференциации права и неправа в концепции научно обоснованного интегративного правопонимания, по мнению ее автора, не позволяет моральным или религиозным регуляторам слиться с правовыми регуляторами, а следовательно, способствует определенности правового регулирования и стабильности судебной практики [Ершов, В. В., 2017], что, на наш взгляд, немаловажно в условиях построения правового государства.

Уникальность рассмотренного подхода заключается, по нашему мнению, в том, что его автор не только дал характеристику права как духовно-материального феномена, проанализировал динамичность права как системы, постоянно стремящейся к поиску оптимального согласования ее элементов, но и показал на примере «живого» права, т. е. реальной правоприменительной и правореализационной практики, процесс формирования правоотношений, вырастающий из социально значимых и повторяющихся общественных отношений, требующих правового регулирования и/или подлежащих ему. Примечательным моментом концепции научно обоснованного интегративного правопонимания, в отличие от представленных выше концепций, можно также считать точную артикуляцию правовых и иных феноменов общественной жизни, которые регулируются различными механизмами (регуляторами).

Подводя итоги размышлениям об особенностях интегративных концепций права, следует заметить, что сама по себе дискурсивность в современной правовой науке, выражающаяся в поиске различных концепций правопонимания, свидетельствует о жизнеспособности правовой науки и о живом процессе становления и утверждения такого подхода к праву, который окажет содействие, с одной стороны, в поиске универсального понятия права, охватывающего онтологический, гносеологический, аксиологический и праксиологический аспекты его бытия, а с другой стороны, в повышении уровня эффективности правовой системы.

Обсуждение и заключение

Несмотря на то что предпосылки интегративного правопонимания в форме синтетического подхода к праву появились более ста лет назад, утвердиться в качестве парадигмы в реалиях классического типа рациональности, в которой господствовал субъект-объектный способ восприятия мира, этот тип рациональности не имел возможности. В настоящее время в рамках постклассического типа рациональности, который ориентирован на интерсубъективный характер процесса познания мира, сам субъект оказывается не сторонним наблюдателем, а непосредственным участником формирования и функционирования правовой реальности, а само право исследуется

как динамичный феномен. Именно поэтому целесообразно выделить три периода в развитии интегративного правопонимания в отечественной и зарубежной теории и философии права, обусловленных общенаучными и социокультурными тенденциями интегративного развития.

Анализ наиболее популярных в отечественном правоведении интегративных подходов (феноменолого-коммуникативного и диалогического) показал, что каждый из них открывает какой-либо из аспектов права как явления духовной жизни и по-своему соответствует установкам постклас-сической науки. Как представляется, положения каждого из них могут выступать философско-правовой платформой для концепции, состоящей из проверяемых обобщений, соединяющих правовую теорию с правовой практикой. Поскольку все современные интегративные концепции так или иначе объединены установками на признание социального диалога субъектов, на включенность правовой реальности в общественную реальность в качестве ее части, а следовательно, социокультурную обусловленность права, ориентированность на субъект-объектный характер права, процессы интерпретации и означивания указывают на вовлеченность права в социокультурные процессы. Вместе с тем ни одна из названных посылок сама по себе не может ответить на главные вопросы теории права – что есть право и как его бытие возможно в качестве системы в процессе правотворчества, правоприменения и правореализации.

Концепция научно обоснованного интегративного правопонимания, являясь по своей сути теорией среднего уровня, во-первых, четко отвечает на главный вопрос и запрос современной правовой науки, заключающийся в формулировании универсального и научно обоснованного определения права. Во-вторых, трактовка права как единой многоуровневой системы форм национального и (или) международного права и признание ее в качестве ведущей правовой концепции на современном этапе развития российского общества не только способствовала бы упорядочению формирования профессионального юридического мышления в процессе вузовской подготовки, но и оказала бы положительное влияние на весь механизм социально-правового регулирования.

Список источников

Берман Г. Дж. Западная парадигма права: эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ : Изд. группа Инфра-М – Норма, 1998. 624 с. ISBN: 5-211-03624-7.

Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2012. 288 с. ISBN: 978-5-91661-031-4.

Гусарова М. А. К вопросу об истоках интегративного правопонимания в трудах П. А. Сорокина, А. С. Яценко, П. Г. Виноградова // Теория и практика общественного развития. 2019. № 8 (138). С. 29–33.

Гусарова М. А. Проблема интегративного подхода к пониманию права и государства в философско-правовом творчестве Н. Н. Алексее-

ва // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1 (143). С. 97–101. DOI: 10.24158/tipor.2020.1.15.

Гусарова М. А. Человек и право в условиях медиального поворота человеческой цивилизации: к постановке проблемы // Общество и право. 2023. № 1 (83). С. 89–92.

Ершов В. В. Правопонимание, правотворчество и правореализация: современные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. 2017. № 8 (136). С. 5–24.

Ершов В. В. Регулирование правоотношений : моногр. М. : РГУП, 2020. 564 с. ISBN: 978-5-93916-840-3.

Палеха Р. Р. Интегративный подход в правопонимании: история зарождения идей и современное состояние // Правосудие. 2020. Т. 2, № 1. С. 115–130. DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.1.115-130.

Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2016. 832 с. ISBN: 978-5-392-18085-1.

Поляков А. В. Современная теория права. Ответ критикам // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 6 (299). С. 6–39.

Холл Дж. Интегральная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. 3. М. : Мысль, 1999. С. 740–742. ISBN: 5-244-00938-9.

Чашин А. Н. Современные правовые учения России. М. : Дело и Сервис, 2014. 128 с. ISBN: 978-5-8018-0652-5.

Честнов И. Л. Конструирование социальной и правовой реальности: к формированию диалогической онтологии права // Платон. 2012. № 1. С. 45–52.

Честнов И. Л. Политика конструирования и воспроизводства права в постсовременном обществе // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы : сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Москва, 27–28 мая 2022 г. Саратов : Сарат. источник, 2022а. С. 184–188. ISBN: 978-5-6048657-7-4.

Честнов И. Л. Постклассическая рациональность права в эпоху постсовременности // Lex russica. 2022b. Т. 75, № 7 (188). С. 74–86. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.074-086.

Честнов И. Л. Постклассическое измерение правовой системы // Криминалистика. 2023. № 1 (42). С. 119–124.

References

Berman, G. J., 1998. *Zapadnaya paradigma prava: epokha formirovaniya* = [Western paradigm of law: the era of formation]. Transl. from Engl.

2nd ed. Moscow: Publishing House of the Lomonosov Moscow State University; Publishing Group Infra-M – Norma. 624 p. (In Russ.) ISBN: 5-211-03624-7.

Chashin, A. N., 2014. *Sovremennyye pravovyye ucheniya Rossii* = [Modern legal doctrines of Russia]. Moscow: Delo i Servis. 128 p. (In Russ.)

Chestnov, I. L., 2012. [Construction of social and legal reality: towards the formation of a dialogical ontology of law]. *Platon*, 1, 45–52. (In Russ.)

Chestnov, I. L., 2022a. [Policy of construction and reproduction of law in post-modern society]. *Prava cheloveka i politika prava v XXI v.: perspektivy i vyzovy* = [Human rights and legal policy in the 21st century: prospects and challenges]. Collection of scientific works based on the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Moscow, May 27–28, 2022. Saratov: Saratovskij istochnik. Pp. 184–188. (In Russ.) ISBN: 978-5-6048657-7-4.

Chestnov, I. L., 2022b. Postclassical rationality of law in the era of postmodernity. *Lex Russica*, 75(7), pp. 74–86. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2022.188.7.074-086.

Chestnov, I. L., 2023. Post-classical dimension of the legal system. *Criminalist*, 1, pp. 119–124. (In Russ.)

Ershov, V. V., 2017. Understanding of law, lawmaking and law enforcement: contemporary theoretical and practical issues. *Rossiyskoe pravosudie* = [Russian Justice], 8, pp. 5–24. (In Russ.)

Ershov, V. V., 2020. *Regulirovanie pravootnoshenij* = [Regulation of legal relations]. Monograph. Moscow: Russian State University of Justice. 564 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93916-840-3.

Gusarova, M. A., 2019. On the origins of integrative legal thinking in the works of P. A. Sorokin, A. S. Yashchenko, P. G. Vinogradov. *Theory and Practice of Social Development*, 8, pp. 29–33. (In Russ.)

Gusarova, M. A., 2020. The problem of an integrative approach to understanding law and state in the philosophical and legal work by Nikolay Alekseev. *Theory and Practice of Social Development*, 1, pp. 97–101. (In Russ.)

Gusarova, M. A., 2023. Man and law in the conditions of the medial turn of human civilization: to the statement of the problem. *Society and Law*, 1, pp. 89–92. (In Russ.)

Hall, J., 1999. Integral jurisprudence. *Antologiya mirovoj pravovoj mysli* = [Anthology of world legal thought]. In 5 vols. Vol. 3. Moscow: Mysl'. Pp. 740–742. (In Russ.) ISBN: 5-244-00938-9.

Palekha, R. R., 2020. Integrative approach in law understanding: the history of the origin of ideas and the current state. *Pravosudie/Justice*, 2(1), pp. 115–130. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.1.115-130.

Polyakov, A. V., 2016. *Obshchaya teoriya prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda* = [General theory of law: prob-

lems of interpretation in the context of the communicative approach]. Textbook. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Prospekt. 832 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-18085-1.

Polyakov, A. V., 2011. [Modern theory of law. Response to critics]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie* = [Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 6, pp. 6–39. (In Russ.)

Van Hook, M., 2012. *Pravo kak kommunikatsiya* = [Law as communication]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 288 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91661-031-4.

Информация об авторе / Information about the author

Гусарова Марина Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 350020, Краснодар, ул. Красных Партизан, д. 234/1).

Marina A. Gusarova, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North Caucasus Branch, Russian State University of Justice (234/1 Krasnykh Partizan St., Krasnodar, 350020, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 15.08.2023; дата одобрения после рецензирования: 17.11.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 27.04.2024.

Submitted: 15.08.2023; reviewed: 17.11.2023; revised: 27.04.2024.

Научная статья

УДК 34.01

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.46-56

Трансформация форм денег в эпоху цифровизации

Светлана Валентиновна Мирошник

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
miroshnik67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7824-7308>*

Аннотация

Введение. Цель написания статьи – развить учение о формах денег, обосновать необходимость выработки новых подходов к их разграничению в эпоху цифровизации.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу настоящей статьи составили доктринальные источники, посвященные изучению форм денег с позиций права и экономики. Системный подход потребовал анализа научных работ по теории государства и права, а также философии. Для достижения поставленной цели использовались разнообразные методы познания финансово-правовой действительности, а именно: диалектико-материалистический, логический, сравнительный, системный, формально-юридический, методы анализа и синтеза, толкования права, что дало возможность проанализировать сложившиеся научные представления о формах денежных средств, признать деньги категорией исторически изменчивой, предложить новую классификацию форм денежных средств, построенную с учетом существенного влияния цифровизации на организацию денежного обращения в государстве.

Результаты исследования. Формы денежных средств подвержены эволюционному развитию, обусловленному существенными изменениями в характере производственных сил и производственных отношений. Цифровизация способствовала появлению новой формы денег – цифровой.

Обсуждение и заключение. Деньги – категория исторически изменчивая. В роли таковых могут выступать практически любые разновидности материального и нематериального имущества при условии официального их признания со стороны государства и общества. Предлагается разграничивать такие формы денег, как: материальная и нематериальная; товарная, наличная (монеты и банкноты), условная (записи об остатках денежных средств – безналичных, электронных) и цифровая (цифровой код).

Ключевые слова: финансовое право, деньги, формы денег, эволюция, цифровизация

Для цитирования: Мирошник С. В. Трансформация форм денег в эпоху цифровизации // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. 46–56. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.46-56.

Original article

Transformation of Forms of Money in the Era of Digitalization

Svetlana V. Miroshnik

*Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
miroshnik67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7824-7308>*

Abstract

Introduction. The purpose of the article is to develop the doctrine about forms of money, to justify the need to develop new approaches to their delimitation in the era of digitalization.

Theoretical Basis. Methods. Doctrinal sources provided the theoretical basis for this article devoted to the study of forms of money from the standpoint of law and economics. The system approach required the analysis of scientific papers on the theory of state and law, as well as philosophy. To achieve this goal, various methods of understanding financial and legal reality were used, namely: dialectical-materialistic, logical, comparative, systemic, formal-legal, methods of analysis and synthesis, interpretation of law, which made it possible to analyze the prevailing scientific ideas about the forms of money, recognize money as a historically variable category, propose a new classification of forms of money, built taking into account the significant impact of digitalization on the organization of money circulation in the state.

Results. Forms of money are subject to evolutionary development due to significant changes in the nature of production forces and production relations. Digitalization has contributed to the emergence of a new form of money – digital.

Discussion and Conclusion. Money is a historically volatile category. Almost any kind of material and intangible property can act as such, subject to their official recognition by society and the state. It is proposed to distinguish between such forms of money as: material and intangible; commodity, cash (coins and banknotes), conditional (records of cash balances – non-cash, electronic) and digital (digital code).

Keywords: financial law, money, forms of money, evolution, digitalization

For citation: Miroshnik, S. V., 2024. Transformation of forms of money in the era of digitalization. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 46–56. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.46-56.

Введение

«Деньги – одно из самых значимых изобретений человечества» [Иванущенко, А. В., Плюснина, Е. А., Яцык, А. А., 2021, с. 5], всеобщий эквивалент товаров, работ, услуг, повлиявший на ход истории, трансформировавший характер течения практически всех общественных отношений, кардинально менявшийся сам (от примитивных до цифровых).

Деньги характеризуются определенными способами внешнего выражения. В настоящее время ни среди экономистов, ни среди юристов нет единства в понимании их форм.

Так, Ю. В. Базулин, определяя формы денег «как совокупность денежных знаков, обладающих одинаковыми родовыми признаками» [Базулин, Ю. В., 2008, с. 37], выделяет «пять форм денег: вещные, монеты, бумажные, виртуальные деньги и так называемая “неявная форма”» [Базулин, Ю. В., 2008, с. 37]. Все они, как считает ученый, «являются экономическим проявлением социальной сути денег» [Базулин, Ю. В., 2008, с. 37].

Совершенно иную позицию занимают авторы учебного пособия под редакцией О. И. Лаврушина, констатирующие только две формы денег: первую, представленную полноценными или действительными деньгами (серебряные и золотые слитки, аналогичные монеты, с определенным приближением к полноценным деньгам авторы относят и драгоценные камни), и вторую – в виде неполноценных денег (бумажные деньги, кредитные деньги) [Лаврушина, О. И., ред., 2008, с. 26, 28].

Интересную точку зрения высказывает В. Э. Кроливецкая, рассматривающая развитие форм денег как «результат взаимодействия изменения носителя информации о стоимости с самой этой информацией в ходе исторического развития общества и товарного производства» [Кроливецкая, В. Э., 2013, с. 12]. В своем диссертационном исследовании она выделяет «пять форм денег (пять форм носителя информации стоимости): товарную, металлическую, бумажную депозитную, электронную» [Кроливецкая, В. Э., 2013, с. 12], обращая внимание на тесную взаимосвязь каждой формы денежных средств с конкретным типом общества, характером соответствующей общественно-экономической формации и стадией ее развития.

Авторский коллектив учебного пособия «Теория денег и кредита» в рамках эволюционного развития разграничивает примитивные (форма выражения – товар), действительные (металлические монеты, имеющие золотое и серебряное обеспечение) и современные (не имеющие золотого обеспечения и представленные в основном кредитными знаками и разменной монетой) виды денег [Родин, Д. Я., и др., 2021, с. 14], имеющих две формы существования – наличные и безналичные [Родин, Д. Я., и др., 2021, с. 19].

Еще одна группа исследователей, выразившая свою позицию в учебном пособии «Деньги, кредит, банки», опираясь на такой критерий, как носитель информации о стоимости, выделяет пять форм денег, а именно: «товарные, металлические, бумажные (в узком смысле слова, то есть сделанные из бумаги), депозитные и электронные деньги» [Кроливецкая, Л. П., и др., 2021, с. 39].

С. А. Андрюшин исследует цифровую валюту как третью форму денег, существующую наряду с наличными и безналичными денежными средствами [Андрюшин, С. А., 2021, с. 54].

В. В. Пшеничников, учитывая способы существования денег, пишет о деньгах в наличной, безналичной и электронной формах [Пшеничников, В. В., 2023, с. 8].

Оригинальную трактовку форм денег излагает в диссертационном исследовании М. А. Коростылев, рассматривающий «банкноты и монеты (наличные деньги), право требования особого рода, выраженное в записи по банковскому счету (безналичные деньги), и право требования особого рода,

выраженное в учетной записи оператора электронных денежных средств без открытия банковского счета (электронные деньги)» [Коростылев, М. А., 2015, с. 8–9], как «виды имущества, представляющие собой особые объекты гражданских прав» [Коростылев, М. А., 2015, с. 8]. Они составляют «формы денег: наличные, безналичные и электронные деньги» [Коростылев, М. А., 2015, с. 23].

Иную позицию занимает А. В. Турбанов. Он приходит к выводу о том, что «на самом деле нет никаких других форм денег, кроме наличных и безналичных» [Турбанов, А. В., 2022, с. 82], в зависимости от того, «имеют ли деньги материальную субстанцию (наличную форму) или идеальную (безналичную форму)» [Турбанов, А. В., 2022, с. 82].

Новый взгляд на деньги как правовую категорию предлагает И. И. Кучеров. Анализ разнообразных функций денег позволил ему сделать вывод о том, что в процессе общественного развития они «...обрели не только правовое содержание, но и правовую форму», главной из которых выступает «форма законного платежного средства» [Кучеров, И. И., 2016, с. 75] (национальная либо иностранная валюта как специальное средство). Отдельными правовыми формами денег, по мнению исследователя, являются монетарные металлы и альтернативные платежные средства [Кучеров, И. И., 2016, с. 77].

Заслуживает пристального внимания позиция В. С. Аксенова, убедительно доказывающего необходимость разграничения электронных форм безналичных денег и электронных денег. Последние выступают новой, особой формой денег, которая отличается от традиционных (наличной и безналичной) «не только своими технико-технологическими характеристиками, но и сущностными свойствами» [Аксенов, В. С., 2009, с. 25]. Признание электронных денег в качестве принципиально новой формы денег дает возможность, как пишет В. С. Аксенов, сформировать «ясное понимание необходимости коренной реконструкции правовых основ денежного обращения» [Аксенов, В. С., 2009, с. 25].

Как промежуточный итог можно констатировать сложившуюся в современной науке неоднозначность понимания форм денежных средств в условиях отсутствия легального определения анализируемого понятия.

Аристотель писал: «Отличая вещь от других, мы создаем формулу ее видовой принадлежности и проявление на деле, а указывая на внутреннее содержание вещи, мы занимаемся ее материей» [Аристотель, 2018, с. 207]; «материя в конце концов совпадает с формой просто потому, что материя – возможность вещи, а форма – ее же действительность» [Аристотель, 2018, с. 215].

Содержание представляет собой совокупность всех элементов системы, оно характеризуется изменчивостью; форма есть «внешнее выражение содержания, внешняя конфигурация вещи, предмета, его внешние пространственные и временные границы»¹, ей свойственна устойчивость. Форма и

¹ Философская энциклопедия. URL: <https://terme.ru/termi№/soderzha№ie-i-forma.html> (дата обращения: 22.01.2023).

содержание диалектически взаимосвязаны между собой – между ними может возникать противоречие, «которое разрешается “сбрасыванием” старой формы и “переделкой” содержания – возникновением новой формы»².

Опираясь на философские трактовки формы и содержания, попытаемся обосновать свою точку зрения относительно форм денежных средств.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу настоящей статьи составили доктринальные источники, посвященные изучению форм денег с позиции права и экономики, а также работы по теории государства и права как фундаментальной правовой науки и философии, выступающей методологической основой всех современных научных исследований.

Для достижения поставленной цели использовались разнообразные методы познания финансово-правовой действительности, а именно: диалектико-материалистический, логический, сравнительный, системный, формально-юридический, методы анализа и синтеза, толкования права.

Результаты исследования

Как известно (и ученые в этом едины), деньги имеют глубокие исторические корни. В процессе исторической эволюции функции всеобщего эквивалента выполняли различные предметы, отражающие разнообразные представления общества об общепризнанных ценностях, символах материального богатства [Арзуманова, А. А., 2011, с. 34].

В роли денег выступали ракушки и жемчужины, каменные булыжники и перья фламинго, соляные бруски и слоновая кость, чай и кофе, специи, рис и кукуруза, меха и домашний скот. На смену им пришли благородные металлы, качества которых – «долговечность, неизменность, делимость и способность снова сплавляться воедино, относительно легкая транспортабельность» – были «наиболее подходящими для того, чтобы стать деньгами...» [Маркс, К., Энгельс, Ф., 1955, с. 76].

Товарную форму денег со временем существенно потеснили (но не вытеснили полностью) денежные средства в наличной форме в виде монет и появившихся исторически позднее банкнот (постепенно вытесняющих монеты в силу своей экономической привлекательности и удобства обращения).

Технический прогресс, затронувший многие области общественной жизни, не прошел мимо сферы денежного обращения. Благодаря технической мысли появилась новая форма денежных средств – нематериальная в виде безналичных денежных средств. История возникновения безналичных платежей вызывает многочисленные споры. Некоторые ученые видят их начало в долговых расписках в Древней Греции, другие связывают с появлением в Великобритании векселей, третьи берут за начальную точку появления дорожных чеков, кредитных карточек.

² Философская энциклопедия.

Современные безналичные денежные средства выступают в виде банковских записей о состоянии банковских счетов их обладателей. В отличие от эмиссии наличных денежных средств в выпуске в обращение безналичных денежных средств принимают активное участие кредитные организации. Их деятельность, по замечанию А. А. Ситник, нельзя признать эмиссионной, «поскольку денежная эмиссия относится к исключительной функции государственной власти» [Ситник, А. А., 2010, с. 10].

Эпоха цифровизации способствовала дальнейшему развитию нематериальной формы денежных средств. В рамках национальной платежной системы появились электронные денежные средства, отличающиеся тем, что операции с ними могут осуществляться посредством использования исключительно электронных средств платежа, дающих возможность клиенту надлежащим образом оформлять и передавать свои распоряжения оператору «с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств»³.

Осуществление расчетов в форме переводов электронных денежных средств клиентами – физическими лицами возможно как с открытием банковского счета, так и без него, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями – только с использованием своего банковского счета. При этом независимо от категории клиентов проведение расчетов с электронными денежными средствами предполагает предоставление денежных средств оператору электронных денежных средств заранее.

Электронные денежные средства представляют собой записи оператора электронных денежных средств, отражающие размер его обязательств перед клиентом в размере предоставленных им денежных средств.

При проведении переводов оператор электронных денежных средств уменьшает остатки электронных денежных средств плательщика и увеличивает остатки электронных денежных средств получателя на сумму перевода, указанную клиентом. Данные действия в зависимости от содержания договора между клиентом и оператором электронных денежных средств могут осуществляться одновременно либо неодновременно (автономный режим использования электронного средства платежа). В любом случае оператор обязан после исполнения распоряжения незамедлительно сообщить клиенту об осуществлении перевода электронных денежных средств с направлением ему соответствующего подтверждения.

В отличие от денежных средств на банковских счетах оператор электронных денежных средств не вправе начислять проценты на их остатки, на них не распространяется институт обязательного страхования банковских вкладов.

Судьба остатков электронных денежных средств зависит от категории клиента. Если в роли такового выступает физическое лицо, то по его распо-

³ Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 27. Ст. 3872.

ряжению оставшиеся электронные денежные средства могут быть переведены на его банковский счет или банковские счета иных физических лиц, использованы для погашения обязательств перед кредитной организацией, выданы наличными денежными средствами с соблюдением установленных ограничений (не более 5 тыс. руб. в течение одного календарного дня и 40 тыс. руб. в течение одного календарного месяца). Возможности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей ограничены лишь одним вариантом поведения – остатки электронных денежных средств они могут перевести исключительно на свои банковские счета.

Новый виток в развитии информационно-коммуникационных технологий позволил расширить видовое разнообразие нематериальных денежных средств. Наряду с электронными в недалеком будущем в нашу жизнь прочно войдут и цифровые рубли.

Согласно Концепции цифрового рубля цифровой рубль выступает обязательством Банка России в экономическом смысле слова⁴. Как справедливо отмечается в литературе, в связи с завершением процесса демонетизации золота цифровой рубль, как и другие разновидности современных денег, невозможно разменять на золотые или серебряные монеты, поэтому «цифровой рубль вряд ли можно считать обязательством Центрального банка в юридическом смысле» [Ефимова, А. Г., 2022, с. 13]. Его единственным эмитентом выступает Банк России. С точки зрения внешнего своего выражения цифровой рубль – это уникальный цифровой рубль, хранящийся в информационной системе, являющейся местом взаимодействия оператора платформы цифрового рубля (Банка России), участников (в настоящее время кредитные организации, участвующие в тестировании) и пользователей (физических и юридических лиц). Последние две особенности сближают цифровой и наличный рубль.

Проведение операций с цифровыми рублями предполагает наличие на платформе цифрового рубля счета цифрового рубля. Расчеты в цифровых рублях возможны только в том случае, когда плательщик и получатель денежных средств являются пользователями платформы цифрового рубля (пока платформа цифрового рубля не интегрирована ни с одной другой платежной системой). Пользователи вправе как увеличивать, так и уменьшать остатки цифровых рублей, используя для этого свои банковские счета или остатки электронных денежных средств (получается, что цифровые рубли могут трансформироваться в безналичные денежные средства и электронные денежные средства в соотношении 1:1). Движение цифровых рублей отражается оператором цифровой платформы путем формирования соответствующей записи на основании распоряжений участников платформы цифрового рубля, оформляемых оператором платформы цифрового рубля, действующим от имени пользователей, а также распоряжений взыскателей средств, иных лиц, действующих на основании соответствующих правовых актов.

⁴ Концепция цифрового рубля. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Операции с цифровыми рублями осуществляются в соответствии с положениями федеральных законов, а также правилами платформы цифрового рубля.

Изложенное позволяет констатировать, что цифровизация способствовала появлению новой формы денег. Наряду с товарной, наличной (монеты и банкноты), условной (записи об остатках денежных средств – безналичных, электронных) появилась цифровая (цифровой код) форма денег. Формы денежных средств подвержены эволюционному развитию, обусловленному существенными изменениями в характере производственных сил и производственных отношений.

Обсуждение и заключение

Деньги – категория исторически изменчивая. В роли таковых могут выступать практически любые разновидности материального и нематериального имущества при условии официального их признания со стороны государства и общества.

Денежные средства имеют определенные внешние формы своего существования, выражения. В настоящее время можно говорить о материальной, представленной товарными и наличными денежными средствами (банкнотами и монетами), и нематериальной, включающей в себя безналичные, электронные денежные средства, а также цифровые рубли.

Способ внешнего выражения позволяет выделять такие формы денег, как товарная, наличная в виде монет и банкнот, условная в виде записей об остатках денежных средств (безналичные денежные средства, электронные денежные средства) и цифровая, представленная цифровым кодом.

Список источников

Аксенов В. С. Электронные деньги: универсальное средство для реальной и виртуальной экономики // Экономика в школе. 2009. № 1–2. С. 20–26.

Андрюшин С. А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 54–76. DOI: 10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76.

Арзуманова Л. Л. История происхождения «денег» // Бизнес в законе. 2011. № 5. С. 34–37.

Аристотель. Метафизика / пер. с древнегр., вступит ст. и коммент. А. В. Маркова. М. : РИПОЛ классик, 2018. 384 с. ISBN: 978-5-386-10325-5.

Базулин Ю. В. Происхождение и природа денег. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 246 с. ISBN: 978-5-288-04763-3.

Деньги, кредит, банки / под ред. О. И. Лаврушина. М. : КноРус, 2008. 560 с. ISBN: 978-5-406-04993-8.

Кроливецкая Л. П., Байдукова Н. В., Кроливецкая В. Э. и др. Деньги, кредит, банки : учебник. М. : КноРус, 2021. 414 с. ISBN: 978-5-406-06414-6.

Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // *Цивилист*. 2022. № 4. С. 6–15.

Иванущенко А. В., Плюснина Е. А., Яцык А. А. Цифровизация национальной валюты: мировой и отечественный опыт // *Экономика. Право. Инновации*. 2021. № 2. С. 4–11.

Коростылев М. А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 229 с.

Кроливецкая В. Э. Деньги и денежное предложение в условиях формирования новой модели развития российской экономики : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2013. 40 с.

Кучеров И. И. Сущность, функции и правовые формы денежных средств // *Журнал российского права*. 2016. № 9 (237). С. 66–78. DOI: 10.12737/21222.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 46. Ч. 1. 699 с.

Пшеничников В. В. Эволюция форм и видов денег от натурального обмена до цифровых транзакций : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2023. 37 с.

Родин Д. Я., Зиниша О. С., Питерская Л. Ю. и др. Теория денег и кредита : учеб. пособие. Краснодар : Кубан. гос. аграр. ун-т им. И. Т. Трубилина, 2021. 204 с. ISBN: 978-5-907516-43-4.

Ситник А. А. Финансово-правовое регулирование денежного обращения в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 27 с.

Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. № 5. С. 73–90. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.073-090.

References

Aksenov, V. S., 2009. [Electronic money: a universal tool for the real and virtual economy]. *Ekonomika v shkole* = [Economics at School], 1–2, pp. 20–26. (In Russ.)

Andryushin, S. A., 2021. Digital currency of the central bank as the third form of money of the state. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* = [Current Problems of Economics and Law], 15(1), pp. 54–76. (In Russ.) DOI: 10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76.

Aristotle, 2018. *Metafizika* = [Metaphysics]. Transl. from ancient Greek, introd. and comment. by A. V. Markov. Moscow: RIPOL classik. 384 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-386-10325-5.

- Arzumanova, L. L., 2011. History of an origin of “money”. *Biznes v zakone* = [Business in Law], 5, pp. 34–37. (In Russ.)
- Bazulin, Yu. V., 2008. *Proiskhozhdenie i priroda deneg* = [The origin and nature of money]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 246 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-288-04763-3.
- Efimova, L. G., 2022. [On the legal nature of non-cash money, digital currency and digital ruble]. *Tsivilist* = [Civilist], 4, pp. 6–15. (In Russ.)
- Ivanushchenko, A. V., Plyusnina, E. A., Yatsyk, A. A., 2021. Digitalization of the national currency: world and domestic experience. *Ekonomika. Pravo. Innovatsii* = [Economy. Right. Innovation], 2, pp. 4–11. (In Russ.)
- Korostylev, M. A., 2015. *Pravovoj rezhim elektronnykh deneg v grazhdanskom zakonodatel'stve* = [The legal regime of electronic money in civil legislation]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 229 p. (In Russ.)
- Krolivetskaya, L. P., Baidukova, N. V., Krolivetskaya, V. E., et al., 2021. *Den'gi, kredit, banki* = [Money, credit, banks]. Textbook. Moscow: KnoRus. 414 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-406-06414-6.
- Krolivetskaya, V. E., 2013. *Den'gi i denezhnoe predlozhenie v usloviyakh formirovaniya novoj modeli razvitiya rossijskoj ekonomiki* = [Money and money supply in the context of the formation of a new model of development of the Russian economy]. Abstract of Dr. Sci. (Economics) Dissertation. St. Petersburg. 40 p. (In Russ.)
- Kucherov, I. I., 2016. Essence, functions and legal forms of funds. *Journal of Russian Law*, 9, pp. 66–78. (In Russ.) DOI: 10.12737/21222.
- Lavrushin, O. I., ed., 2008. *Den'gi, kredit, banki* = [Money, credit, banks]. Moscow: KnoRus. 560 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-406-04993-8.
- Marx, K., Engels, F., 1955. *Sochineniya* = [Essays]. 2nd ed. Vol. 46, pt. 1. Moscow: Politizdat. 699 p. (In Russ.)
- Pshenichnikov, V. V., 2023. *Evoljutsiya form i vidov deneg ot natural'no-go obmena do tsifrovyykh tranzaktsij* = [Evolution of forms and types of money from natural exchange to digital transactions]. Abstract of Cand. Sci. (Economics) Dissertation. St. Petersburg. 37 p. (In Russ.)
- Rodin, D. Ya., Zinisha, O. S., Piterskaya, L. Yu., et al., 2021. *Teoriya deneg i kredita* = [The theory of money and credit]. Textbook. Krasnodar: Trubilin Kuban State Agrarian University. 204 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-907516-43-4.
- Sitnik, A. A., 2010. *Finansovo-pravovoe regulirovanie denezhnogo obrashcheniya v Rossijskoj Federatsii* = [Financial and legal regulation of monetary circulation in the Russian Federation]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 27 p. (In Russ.)
- Turbanov, A. V., 2022. A digital ruble as a new form of money. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* = [Actual Problems of Russian Law], 5, pp. 73–90. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.073-090.

Информация об авторе / Information about the author

Мирошник Светлана Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Svetlana V. Miroshnik, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 27.04.2024.

The article was submitted 14.02.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 27.04.2024.

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.57-70

Понятийно-категориальный аппарат русского средневековья: проблемы современной интерпретации

Наталья Михайловна Золотухина¹,
Татьяна Валентиновна Власова²

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация

¹ nzolotuhina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0714-4800>

² t_vlasova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>

Аннотация

Введение. Понятийно-категориальный аппарат средневекового политико-правового учения на сегодняшний день мало исследуется гуманитарными науками. К сожалению, он обойден вниманием и историками государства и права, политических и правовых учений, что нередко приводит к подмене терминов, неверной их интерпретации и использованию без учета их исторического и современного содержания.

Теоретические основы. Методы. Для получения научного результата использовались исторический, историко-сравнительный и герменевтический методы исследования, общие логические приемы.

Результаты исследования. В статье критически анализируются базовые понятия русского средневекового государства и права XI–XIII вв. и обращается внимание на необходимость правильного определения их существенных свойств, признаков и закономерностей.

Обсуждение и заключение. Ценность понятийно-категориального аппарата любой, в том числе средневековой, политико-правовой науки обосновывается точной интерпретацией и использованием слов и устойчивых оборотов, выраженных в понятиях и категориях, с учетом их исторического содержания. Недопустимо без должной аргументации применительно к русскому средневековью использовать современный понятийно-категориальный аппарат, так как это приведет к подмене понятий или их отождествлению, неоправданному сужению или расширению их содержания, а в конечном итоге – неадекватным научным выводам.

Ключевые слова: понятийно-категориальный аппарат, Средневековье, закон, правда, истина, благодать, самодержавие, самовластие

Для цитирования: Золотухина Н. М., Власова Т. В. Понятийно-категориальный аппарат русского средневековья: проблемы современной интерпретации // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. 57–70. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.57-70.

Original article

The Conceptual and Categorical Apparatus of the Russian Middle Ages: Problems of Modern Interpretation

Natalia M. Zolotukhina¹, Tatiana V. Vlasova²

^{1, 2} Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

¹ nzolotuhina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0714-4800>

² t_vlasova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>

Abstract

Introduction. The conceptual and categorical apparatus of medieval political and legal doctrine is currently little studied by the humanities. Unfortunately, it has been ignored by historians of state and law, political and legal doctrines, which often leads to the substitution of terms, their incorrect interpretation and use without taking into account their historical and modern content.

Theoretical Basis. Methods. To obtain a scientific result, historical, historical-comparative and hermeneutic research methods, general logical techniques were used.

Results. The article critically analyzes the basic concepts of the Russian medieval state and law of the XI–XIII centuries and draws attention to the need to correctly determine their essential properties, signs and patterns.

Discussion and Conclusion. The value of the conceptual and categorical apparatus of any, including medieval, political and legal science is justified by the accurate interpretation and use of words and stable phrases expressed in concepts and categories, taking into account their historical content. It is unacceptable to use a modern conceptual and categorical apparatus without proper argumentation in relation to the Russian Middle Ages, since this will lead to the substitution of concepts or their identification, unjustifiably narrowing or expanding their content, and ultimately inadequate scientific conclusions.

Keywords: conceptual and categorical apparatus, the Middle Ages, law, righteousness, truth, grace, autocracy, autocracy

For citation: Zolotukhina, N. M., Vlasova, T. V., 2024. The conceptual and categorical apparatus of the Russian Middle Ages: problems of modern interpretation. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 57–70. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.57-70.

Введение

В современной российской историко-правовой науке не уделяется достаточного внимания отечественному средневековому государству и праву и понятийно-категориальному аппарату науки данного периода. Они оказались в сфере исследований таких отечественных гуманитарных наук, как филология, история, философия, социология и даже богословие, что весьма печально для историков государства и права, историков политических и правовых учений.

Теоретические основы. Методы

Авторами осмыслены подходы к обозначенной проблеме, сложившиеся и развиваемые в современной историко-правовой науке, а также взгляды мыслителей, сформированные в средневековых политико-правовых доктринах. Для получения научного результата в исследовании использовались исторический, историко-сравнительный и герменевтический методы исследования, общие логические приемы.

Результаты исследования

К сожалению, до настоящего времени в зарубежной, а отчасти и современной российской литературе сохраняются представления о средневековой России как о «царстве тьмы», в которое не проникали лучи просвещения. Французский историк И. Денисов утверждал, что первым просветителем и деятельным проповедником европейской культуры в России стал афонский философ Максим Грек (XVI в.) [Denissoff, E., 1954, p. 19–20]. Американский исследователь Ч. Гальперин считал, что русская государственность появилась не ранее XIV в., а обращение к Киеву было не реальным, а идеальным поиском легитимации Московского государства [Halperin, Ch., 1980, p. 320–321]. Ф. Карр хотя и признает наличие на Руси политических идей, но называет их слабыми и не оформившимися, полагая, что «Россия как страна скорее сформировалась как Азия, нежели Европа, и поэтому ее политическая мысль отражала такие черты русской жизни, как пассивность, фатализм и сервелизм, со свойственным им отрицанием прав человека, что способствовало ее отделению от всего остального мира» [Carr, F., 1981, p. 138]. Д. Кайзер вовсе сомневался, можно ли назвать Киевское государство государством в нашем современном понимании. «Русская правда», по его мнению, вообще не является законодательством, поскольку существующие в ней нормы основаны на мстительной (revenge) юстиции [Kaiser, D., 1980].

Не только иностранные ученые, но и современная исследовательница М. Б. Плюханова утверждает, что в средневековой России X–XVII вв. не было самостоятельного политического мышления; его приписали писателям этого времени советские ученые, опирающиеся в своих исследованиях на марксистскую идеологию; если ее отбросить, в трудах средневековых мыслителей не останется никакой самостоятельной мысли – «открывается хаос и пустота» [Плюханова, М. Б., 1995, с. 10]. В этом случае следует считать, что дореволюционные историки, юристы, филологи, философы и искусствоведы, вообще незнакомые с марксизмом или его отрицающие, заблуждались, поскольку многие из них (например, В. О. Ключевский, С. А. Князьков, М. А. Дьяконов, В. Е. Вальденберг, Г. Флоровский, Г. Флоренский и др.) признавали наличие политической и правовой мысли в доктринах русских средневековых писателей, ученых и даже живописцев (Н. Кондаков), обращая внимание на ее серьезный интеллектуальный уровень.

Для историков государства и права и политических и правовых учений давно назрела необходимость проанализировать воплощение поли-

тико-правовой мысли в правовых актах, начиная с древнейшей «Русской правды», включая Судебники 1497, 1550, 1589 гг. и законодательство, принятое после 1497 г. и до 1550 г., установив взаимоотношение между законами и общественным мнением, выраженным лучшими его представителями – мыслителями и писателями XI–XVI вв., тем более что наличие такого демонстрирует довольно редкий в истории пример прямого и обратного взаимодействия.

Трудность в исследовании государственно-правовых понятий и соответствующей им терминологии заключается еще и в том, что в исторической, историко-правовой, иных гуманитарных науках все еще остается дискуссионным вопрос о форме правления, существовавшей в России в течение всего Средневековья. Разногласия касаются двух ее определений: раннефеодальная монархия и республика. Между тем от единообразного понимания этого вопроса во многом зависит осмысление других, связанных с ним политико-правовых понятий и категорий.

Серьезное внимание при исследовании средневековых источников следует также обратить на анализ понятий и обозначающих их терминов, договорившись о единообразном понимании этимологии слов и устойчивых оборотов. Принимая во внимание, что на различных этапах государственно-правового строительства, соответствующего историко-политическим обстоятельствам, а в Средневековье еще и углубленному религиозно-философскому их восприятию, значение слов подвергается пересмотру с расширением или сужением их смысловой нагрузки, а иногда и полным ее изменением, при сохранении внешнего обозначения.

Для получения наиболее адекватного результата необходимо с достаточной четкостью отделять историческое значение понятий и определяющих их терминов от их современных аналогов. Известный советский и российский медиевист А. Я. Гуревич обращал внимание исследователей на следующий факт: «Основные понятия, которыми неизбежно пользуются гуманитарные науки, сложились в новое время, и применение этих понятий к обществам далекого прошлого чревато опасностью приписать им такие отношения, которых тогда не существовало... И здесь гарантией может служить только строго исторический подход к подобным категориям и общим понятиям, сознание того, что сами по себе они – результат длительного развития. Трудно назвать другую историческую эпоху, применительно к которой упомянутая односторонность достигала бы таких же поистине гомерических размеров, как Средневековье» [Гуревич, А. Я., 1984, с. 7].

Подобная терминологическая неразборчивость между современными и историческими понятиями существует как в государствоведении, так и в правоведении. Например, понятия «самодержавие» и «абсолютизм», «самодержавие» и «единодержавие», «самодержавие» и «самовластие», «абсолютизм» и «теократия» нередко подменяются одно другим или отождествляются, т. е. воспринимаются как синонимы, не являясь таковыми.

Так, Р. Г. Скрынников пишет: «Слово “самовластец” было дословным переводом греческого титула “автократор” (самодержец). Так Русь впер-

вые познакомилась с византийским понятием «самодержавие» [Скрынников, Р. Г., 2006, с. 79]. Но дело в том, что в Византии никогда понятие «самодержавие» не употреблялось в значении всевластия, так же как слово «самодержавие» не являлось синонимом слова «самовластие». В «княжеских зеркалах» при изложении принципов организации верховной власти обычно подчеркивалась роль советного органа при императорах, а «самовластие» осуждалось. В одном из них – «Наставлении» («Поучении») Агапита (VI в.), обращенном к Юстиниану I, давались советы по управлению государством, в котором существовали Сенат (Синклит) и выборные магистратуры в центре и на местах, поэтому Агапиту не требовалось склонять императора к коллегиальной форме правления; он в большей степени сосредоточился на подборе лиц, участвующих в управлении государством (советников князя) [Агапит Римский, 1827].

Такая же позиция была сформулирована и в трудах более поздних византийских писателей (Льва Диакона, Михаила Пселла, Михаила Аталлиата, Кекавмена и др.). В их произведениях часто употребляется слово «самодержец», но оно характеризует скорее территориальное пространство, находящееся под властью одного императора, а не объем его власти; называя каждого императора самодержцем, авторы и не помышляли о его единомличном самовластии.

Современный византинист Я. Н. Любарский, характеризуя политический идеал Михаила Пселла как «ограниченное самодержавие», употребляет термин «самодержавие» не в том смысле, в котором его воспринимали византийцы X–XIII вв., а в современном его понимании российскими исследователями, т. е. в значении неограниченной монархии¹. У ученого возникла необходимость дать пояснение, используя в качестве дополнения прилагательное «ограниченное» в силу того, что византийские императоры восприняли от Римской империи ее политическую организацию в виде главы государства, сената и иерархии чиновников, как назначаемых, так и выборных, ограниченных, как правило, определенным сроком исполнения своих должностных обязанностей.

В основном при описании своего политического идеала большинство византийских мыслителей, писателей и поэтов ссылались на организацию власти в Риме, существовавшую при Октавиане Августе, сохраняющую республиканские политические институты: Сенат и иерархию выборных на определенный срок чиновников. Сам Август не называл себя императором, а только принцепсом – первым среди равных. Данте Алигьери (1265–1321) в трактате «Монархия», характеризуя свой политический идеал, так-

¹ Русские мыслители XI–XVI вв. также не включали в содержание понятий «самодержец» и «самодержавие» объем властных полномочий, поскольку этим термином обозначался правитель, властвующий над всей своей территорией самостоятельно, никому не подчиняющийся в качестве вассала и никому не обязанный данью. О. И. Чистяков определил сложноставное содержание этого термина как «сам держу свой стол» (см.: История государства и права СССР. М. : МГУ, 1985. Гл. 7. § 3. С. 88).

же ориентировался «на совершенную монархию», существовавшую «при божественном монархе Августе». В его «идеальной монархии», как и в Риме при Октавиане Августе, сохраняются все республиканские институты и учреждения: выборный Сенат и традиционная иерархия выборных и срочных магистратур в центре и на местах. Мыслитель, рисуя свою идеальную монархию, в наибольшей степени заботился о ее территориальном единстве, а не форме правления, поэтому неоднократно повторял: «монархия, называемая империей» [Данте Алигьери, 1968, II, с. 305–306; IX, с. 305–306; XI, с. 312].

Отношение византийских писателей XI–XIII вв. к Синклиту как к высшему органу государственной власти, призванному обеспечивать социальную и политическую стабильность в стране, теоретически было всегда неизменным. Синклит для них являлся привычным, неотъемлемым органом власти, и ему приписывалась большая роль в управлении государством, решении всех важнейших вопросов внутренней и внешней политики.

Михаил Пселл добавлял к Синклиту, который также считал обязательным институтом организации верховной власти в стране, еще и наличие особого благомыслящего и широко образованного советника-философа, по-видимому, входящего в состав Синклита, необходимого «в гармоническом государстве» для поддержания «равновесия и порядка». Синклит он определял как высший совет, причем упоминал в его составе «о первых членах Синклита» [Михаил Пселл, 1978, с. 75], к которым относилось «избранное сословие, затем чины второй и третьей степени»; на торжественных заседаниях они выстраивались по рядам на расстоянии друг от друга [Михаил Пселл, 1978, с. 69–70, III], что позволяет предположить наличие у этого органа определенной структуры, а также отметить, что, по-видимому, Синклит вряд ли имел сугубо аристократический характер, как это было принято считать.

Лев Диакон (X в.) в своей «Истории» пишет, что наиболее сложные вопросы всегда обсуждались с участием Синклита и патриарха²; большую роль в принятии решений он также отводил советам прославленных мудрецов [Лев Диакон, 1988, с. 20–21, 24, 25, 26].

К сожалению, в современной исторической, филологической и философской литературе различие между приведенными понятиями, как и терминами, которые их обозначают, далеко не всегда наличествует, что способствует отсутствию договоренности между учеными о форме правления, существовавшей на Руси в XI–XIII вв.³, как и в Византии XI–XIV вв.

² У Льва Диакона иногда упоминается взаимодействие народа и Синклита; а для решения особо важных дел созывается совместное заседание Синклита и Синода; приводятся даже процессы обсуждения на Синклите предполагаемых мероприятий: император Никифор Варда иногда запрашивал письменное мнение Синклита по спорным вопросам.

³ Вопрос о форме правления в России в период Средневековья – большая и серьезная проблема, но в рамках данной статьи всесторонне обсудить и тем более решить ее не представляется возможным. Мы уже пытались привлечь к ней вни-

[Калделлис, Э., 2016, с. 17, 29 и др.]. Кроме того, во многих исследованиях не выделены элементы формы государства: форма правления, форма государственного устройства и государственный (политический) режим. В некоторых современных работах эти элементы либо подменяются один другим, либо совмещаются – наиболее часто форма правления и государственный (политический) режим, или вместо объявленной в тексте формы государственного устройства анализируется форма правления.

Понятийный ряд правоведения также небезупречен. Средневековая правовая мысль представлена следующими основными понятиями: правда, закон, справедливость, истина и благодать. Все они существуют и поныне, но некоторые до сих пор не имеют дефиниций, иные – дискуссионны. При этом совершенно не учитывается, что отдельные слова (кроме истины и благодати) меняли свою этимологию и сами изменялись по содержанию, когда одно из них определяло другое и наоборот, т. е. речь идет об изменении их исторического значения в смысле его расширения или ограничения в рамках соответствующей эпохи.

В случае если современные ученые не придут к соглашению о методиках исследования текстов средневековых памятников (о чем писали еще до-революционные ученые [Ключевский, В. О., 2003, с. 279; Князьков, С. А., 1906, с. 5, 7, 8, 10, 15 и др.; Вальденберг, В. Е., 2006, с. 13–15], то не только согласия, но и адекватного анализа их достигнуть будет весьма затруднительно.

Термин «закон» был известен на Руси еще до принятия христианства. В «Повести временных лет» сообщается, что все племена «от рода словенска нарекошася поляне, древяне от словен» и другие племена «имяху бо обычай свои, и закон отец своих и предания»⁴. В этот период понятия «обычай» и «закон» употреблялись в одинаковом значении – как правила поведения, сложившиеся исстари или исходящие от князя, но далее их значения расходятся. С принятием христианства термин «закон» сакрализуется и ему придается высшее значение: Законы Бога, Законы Моисея, Законы Вселенских соборов и т. п. Однако понятие «закон» с приданием ему высшего значения и нравственной характеристики не утрачивает и своего конкретного юридического содержания: не красть, не убивать, не поджигать, не прелюбодействовать, не завидовать, не лгать, не лжесвидетельствовать «не пожелать ничего, что у ближнего твоего»⁵. Возникает некое соединение нравственного и юридического значения закона.

Наряду со словом «закон» на Руси искони существовал и термин «правда», включавший в свое содержание множество значений: справедливость,

---

мание, см.: Золотухина Н. М., Власова Т. В. Форма правления в России в XI – первой трети XIII в. // Российское правосудие. 2022. № 8. С. 5–11.

⁴ Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова. М. : АН СССР, 1950. Т. 1. С. 14.

⁵ См., например: Исх. 20:2–17; Исх. 19:10; Исх. 20:2–17; Исх. 34:14–26; Втор. 5:6–21; Втор. 9:9, 11–15.

добродетель, честность, обет, обещание, но и свод правил, законы, отсюда «Русская правда» – сборник правовых норм, правил. При этом дать «правду» означало рассмотреть судом дело по иску или обвинению независимо от результата⁶. Так, в Поучении Владимира Мономаха: оправдайте вдовицу, сироту и т. п., т. е. дайте им скорый и правый (справедливый) суд.

В современном понимании слово «оправдать» имеет иное значение, под ним понимается признание судом подсудимого невиновным⁷; признание правым; признание допустимым в силу чего-нибудь (если речь идет о поступке); проявление себя достойным чего-нибудь (например, оказанного доверия); официальное удостоверение правильности чего-нибудь (например, оправдательный приговор)⁸.

От слова «правда» образовано множество отдельных прилагательных и словесных формул: правая грамота – документ, удостоверяющий сторону по делу об удовлетворении ее требований; правый свидетель – свидетельствующий истинно по правде; правый суд – надлежащий судебный орган, обладающий законным правом судить и миловать.

В Словаре русского языка XI–XVII вв. приводится 17 значений термина «правда», причем большинство из них относятся к юридической деятельности⁹. В словаре В. И. Даля правда понимается как истина на деле, правосудие, справедливость, честность, неподкупность, добросовестность, праведность, законность, безгрешность и одновременно: право суда, власть судить, карать и миловать, суд и расправа¹⁰. Особенность этого понятия, как и термина, его обозначающего, заключается в совмещении юридического и религиозно-этического (т. е. нравственного) содержания: истина, справедливость, правдивость, честность. Антонимами к слову «правда» являются беззаконие, несправедливость, непорядочность, неправда – т. е. как в первом, так и во втором случае юридические и нравственные критерии совмещаются.

При рассмотрении понятия «справедливость» следует отметить, что до настоящего времени оно остается дискуссионным как по значению, так и по занимаемому месту в юридической терминологии.

Например, В. С. Нерсеянц вводит справедливость в содержание права, отмечая, что «право обладает такими формально-содержательными (но не фактически-содержательными!) свойствами и характеристиками,

⁶ Повесть временных лет. Т. 1. С. 155:356.

⁷ См.: Большой энциклопедический словарь. М. : Большая рос. энцикл., 1997. С. 845 ; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. И. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1991. С. 454.

⁹ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М. : Наука, 1992. С. 96–99.

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь русского языка: Современное написание. М. : Астрель, 2004. С. 691–692.

как формально-всеобщая равная мера, свобода, справедливость» [Нерсесянц, В. С., 2023, с. 31–32].

В свою очередь О. В. Мартышин рассматривает справедливость как «идеал жизни общества, а следовательно, государства и права как ее составных частей» [Мартышин, О. В., 2000, с. 14].

Другие современные историки и правоведы считают справедливость не юридической, а философской категорией, применимой к любым понятиям, ибо справедливым и несправедливым может быть абсолютно все.

В то же время заслуживает внимания замечание С. В. Мирошник о том, что если рассматривать справедливость как правовую категорию, то закономерно возникает вопрос о ее критериях, и вот здесь обнаруживаются трудности, так как ее невозможно отразить в праве [Мирошник, С. В., 2021, с. 34].

В средневековой русской политико-правовой мысли справедливость рассматривалась как «качество Бога», к которому должны все стремиться, никогда ее не достигая.

В этом же семантическом ряду особое значение приобретает термин «истина», но ей в православной конфессии христианства дается четкое определение: «Истина есть Христос», соответствовать истине – выполнять все Заветы Иисуса Христа, изложенные в Евангелиях, приближающие человека к Спасителю, делающие его богоподобным, соответственно, достойным вечной жизни.

Впервые теоретическое обоснование соотношения закона и истины получило в политическом трактате митрополита Илариона «Слово о Законе и Благодати». Согласно концепции митрополита Илариона первоначально Создатель предусмотрел жесткое подчинение всех людей законам, начертанным Им перстом на скрижалях, врученных Его избраннику – пророку Моисею. Соблюдение данных законов предусматривало спасение всех людей на земле от взаимного истребления. Тем самым Бог сохранял свое творение – человека, предусматривая, что человечество, подобно нечистому сосуду, будет вначале омыто водой – законом, затем, очистившись, сможет принять молоко Благодати. «Прежде тень – закон, потом она, Истина – свет» [Иларион, 1994, с. 31–32, 33]. Человечество подчиняется законам, данным Богом Моисею, только до познания Истины, воплощенной в учении Христа. Всем людям, воспринявшим учение Христа и выполняющим Его заповеди, Всевышним даруется Благодать, которая «путеводит» ими, помогая правильно понимать Истину и воплощать ее в своей деятельности. Людям, воспринявшим Истину и реализующим ее требования в своем поведении, не будет нужды «тесниться в законе», ибо они смогут уже «свободно ходить в Благодати» [Иларион, 1994, с. 41], поскольку всегда будут поступать нравственно, справедливо и добродетельно, сохраняя Божественный дар Благодати, соединяющий их любовью с Богом и всем человечеством.

Иларион отметил, что ограниченность Ветхозаветных Законов заключается в том, что они предназначались только для одного народа – иудеев, поэтому срок их действия ограничен. Новое же учение (Новый Завет) ще-

дро простирается во все края земли и предназначается для всех людей независимо от их расы и национальности: «Закон прежде всего стал и вознесся в малом и отошел, христианская вера же после прихода первой стала и распространилась на множество языков (народов) и всю землю объяла и как вода морская покрыла ее» [Иларион, 1994, с. 45].

Таким образом, Иларион впервые теоретически вполне исчерпывающе сформулировал взаимоотношения Закона и Истины (христианской нравственности), опираясь на основную средневековую терминологию: Закон – Правда – Истина – Благодать. В этом ряду Истина не равнозначна ни Правде, ни Закону, потому что Истина есть Христос. Благодать же – божественный дар Всевышнего людям, задача которого в просвещении человечества и помощи ему в освобождении от жестких пут Закона и обретении свободы. Но при отсутствии добродетели в поведении и деятельности человека Божественный дар Благодати с него «совлекается», и он как бы лишается божественной защиты и вечной жизни. «Это хорошо понимали уже в Древней Руси, подчеркивая, что любой закон – государственный или моральный – есть лишь средство (как костыли для больного) на пути к более высокой цели, цели достижения совершенной духовной жизни через благодать Божию» [Поляков, А. В., 2001, с. 329–330].

Завершая наш анализ, следует отметить, что в позднем Средневековье и Московском государстве в выстроенном нами ряду правовых понятий и обозначаемых ими терминов произойдут существенные изменения. После принятия Судебников и других законов нормы права, содержащиеся в них, стали восприниматься как обязательные правила поведения, исходящие от высшей власти и снабженные санкцией за неисполнение или нарушение. Закон стал формой внешнего выражения этих правил, его понимание изменилось, да и сакральность заметно уменьшилась. Понимание правды, напротив, расширилось в своем содержании, приблизившись к истине. Правый суд стал пониматься как правосудие, правое государство, в котором соблюдаются законы и суд вершится по правде. Митрополит Макарий, венчая Ивана IV в написанном им Чине венчания, завещал государю: «...за обидящих же стой царьски и мужески, не попускай и не давай обидити не по суду и не по правде»¹¹.

А. М. Курбский утверждал, что законы, принимаемые от имени государства, должны быть праведными – не жестокими и не содержащими неисполнимых требований, в данном случае имея в виду, что закон прежде всего должен быть принят в установленном порядке, согласно ст. 98 Судебника 1550 г., а не по произволу царя [Курбский, А. М., 2001, с. 499; 509–613; Лихачев, Д. С., ред., 1993, с. 179]. Но это уже другая тема, касающаяся позднего Средневековья – Московского государства, и совместить их в одной статье затруднительно.

¹¹ Чин венчания на царство Ивана IV 16 января 1547 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 135. Древлехранилище. Отд. IV. Рубр. I. № 1. Л. 1–46.

Обсуждение и заключение

Подводя итоги проведенному исследованию, мы приходим к следующим выводам:

во-первых, любая система знаний нуждается в устойчивом и обоснованном понятийно-категориальном аппарате;

во-вторых, ценность понятийно-категориального аппарата любой, в том числе средневековой, политико-правовой науки обосновывается точной интерпретацией и использованием слов и устойчивых оборотов, выраженных в понятиях и категориях с учетом их исторического содержания;

в-третьих, недопустимо без должной аргументации применительно к русскому средневековью использовать современный понятийно-категориальный аппарат, поскольку это приведет к подмене понятий или их отождествлению и, соответственно, неоправданному сужению или расширению их содержания и в конечном итоге – неадекватным научным выводам.

Список источников

Агапит Римский. Увещательные главы, написанные Агапитом, Дьяконом святейшей великия церкви Божие // Христианское чтение. 1827. Ч. XXVII. С. 245–273.

Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М. : Территория будущего, 2006. 368 с. ISBN: 5-91129-021-9.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. 350 с.

Данте Алигьери. Малые произведения. М. : Наука, 1968. 651 с.

Иларион. Слово о Законе и Благодати. М. : ПИФ «Столица» : НИЦ «Скрипторий», 1994. 145 с. ISBN: 5-7055-0918-9.

Кадделлис Э. Византийская республика: народ и власть в Новом Риме. СПб. : Дмитрий Буланин, 2016. 448 с.

Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси // О. В. Ключевский. О государственности России. М. : Мысль, 2003. С. 3–448.

Князьков С. Самодержавие въ его исконномъ смысле. СПб., 1906. 37 с.

Курбский А. М. Первое и Второе послания Вассиану Муромцеву // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 2001. Т. 11 : XVI век. 683 с.

Лев Диакон. История. М. : Наука, 1988. 239 с. ISBN: 5-02-008918-4.

Мартышин О. В. Справедливость и право: Философия и теория юриспруденции // Право и политика. 2000. № 12. С. 4–15.

Мирошник С. В. Право и справедливость: вечный спор // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 30–35. DOI: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-30-35.

Михаил Пселл. Хронография. М. : Наука, 1978. 319 с.

Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для вузов. М. : Норма : Инфра-М, 2023. 560 с. ISBN: 978-5-91768-238-9.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / пер. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков ; отв. ред. Д. С. Лихачев. М. : Наука, 1993. 432 с.

Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб. : Акрополь, 1995. 336 с. ISBN: 5-86585-008-3.

Поляков А. В. Общая теория права : курс лекций. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2001. 642 с. ISBN: 5-94201-136-2.

Скрынников Р. Г. Русская история IX–XVII вв. СПб. : СПбГУ, 2006. 580 с. ISBN: 5-288-04011-7.

Carr F. Ivan the Terrible. London ; Newton Abbot : David & Charles ; Totowa, N. Y. : Barnes & Noble, 1981. 220 p.

Denissoff E. Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l’Eglise russe // Revue des etudes slaves. 1954. Vol. 31, issue. 1–4. Pp. 7–20.

Halperin Ch. Kiev and Moscow: An aspect of Early Muscovite Thought // Russian History. 1980. Vol. 7, issue 1. Pp. 312–321.

Kaiser D. The Growth of the Law in Medieval Russia. N. J. : Princeton University Press, 1980. 308 p.

References

Agapitus of Rome, 1827. [Exhortatory chapters written by Agapit, Deacon of the Most Holy Great Church of God]. *Hristianskoe chtenie* = [Christian Reading], XXVII, pp. 245–273. (In Russ.)

Carr, F., 1981. *Ivan the Terrible*. London; Newton Abbot: David & Charles; Totowa, N. Y.: Barnes & Noble. 220 p.

Dante Alighieri, 1968. *Malye proizvedeniya* = [Small works]. Moscow: Nauka. 651 p. (In Russ.)

Denissoff, E., 1954. Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l’Eglise russe. *Revue des etudes slaves*, 31(1–4), pp. 7–20.

Gurevich, A. Ya., 1984. *Kategorii srednevekovoj kul’tury* = [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo. 350 p. (In Russ.)

Halperin, Ch., 1980. Kiev and Moscow: An aspect of Early Muscovite Thought. *Russian History*, 7(1), pp. 312–321.

Hilarion, 1994. *Slovo o Zakone i Blagodati* = [The Word about Law and Grace]. Moscow: Mutual fund “Stolitsa”, SIC “Scriptorij”. 145 p. (In Russ.) ISBN: 5-7055-0918-9.

Kaiser, D., 1980. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. N. J.: Princeton University Press. 308 p.

- Kaldellis, E. 2016. *The Byzantine Republic: People and Power in the New Rome*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 448 p. (In Russ.)
- Klyuchevsky, V. O., 2003. [Boyar Duma of Ancient Russia]. In: V. O. Klyuchevsky. *O gosudarstvennosti Rossii* = [On the statehood of Russia]. Moscow: Mysl'. Pp. 3–448. (In Russ.)
- Knyazkov, S., 1906. *Samoderzhavie v ego iskonnom smysle* = [Autocracy in its original sense]. St. Petersburg. 37 p. (In Russ.)
- Kurbsky, A. M., 2001. The First and Second epistles to Vassian Muromtsev. In: D. S. Likhachev, L. A. Dmitriev, A. A. Alexeev, N. V. Ponyrko, eds. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* = [Library of Literature of Ancient Russia]. St. Petersburg: Nauka. Vol. 11: XVI century. 683 p. (In Russ.)
- Leo the Deacon, 1988. *Istoriya* = [History]. Moscow: Nauka. 239 p. (In Russ.) ISBN: 5-02-008918-4.
- Likhachev, D. S., ed., 1993. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* = [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky]. Transl. by Ya. S. Lurie, Yu. D. Rykov. Moscow: Nauka. 432 p. (In Russ.)
- Martyshin, O. V., 2000. [Justice and law: Philosophy and theory of jurisprudence]. *Pravo i politika* = [Law and Politics], 12, pp. 4–15. (In Russ.)
- Michael Psellos, 1978. *Khronografiya* = [Chronography]. Moscow: Nauka. 319 p. (In Russ.)
- Miroshnik, S. V., 2021. [Law and justice: eternal dispute]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik* = [North Caucasian Legal Bulletin], 3, pp. 30–35. (In Russ.) DOI: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-30-35.
- Nersesyants, V. S., 2023. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* = [General theory of law and the state]. Textbook for universities. Moscow: Norma; Infra-M. 560 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91768-238-9.
- Plyukhanova, M. B., 1995. *Syuzhety i simvol'y Moskovskogo tsarstva* = [Plots and symbols of the Moscow Kingdom]. St. Petersburg: Akropol'. 336 p. (In Russ.) ISBN: 5-86585-008-3.
- Polyakov, A. V., 2001. *Obshchaya teoriya prava* = [General theory of law]. Course of lectures. St. Petersburg: Law Center "Press". 642 p. (In Russ.) ISBN: 5-94201-136-2.
- Skrynnikov, R. G., 2006. *Russkaya istoriya IX–XVII vv.* = [Russian history of the IX–XVII centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. 580 p. (In Russ.) ISBN: 5-288-04011-7.
- Valdenberg, V. E., 2006. *Drevnerusskie ucheniya o predelakh tsarskoj vlasti: Ocherki russkoj politicheskoy literatury ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka* = [Ancient Russian teachings on the limits of tsarist power: Essays of Russian political literature from Vladimir the Saint to the end of the XVII century]. Moscow: Territoriya budushchego. 368 p. (In Russ.) ISBN: 5-91129-021-9.

Информация об авторах / Information about the authors

Золотухина Наталья Михайловна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Natalia M. Zolotukhina, Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher of the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Власова Татьяна Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Tatyana V. Vlasova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 27.04.2024.
The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 27.04.2024.

Научная статья

УДК 347.971.99

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.71-86

Институт присяжных заседателей в России (вторая половина XIX – начало XX в.): по материалам Екатеринодарского окружного суда Кубанской области

Наталья Викторовна Паршина

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

natalya.v.parshina2012@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье с помощью привлечения широкого перечня нормативных актов, работ отечественных и зарубежных правоведов, трудов Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части 1894 г. и материалов правоприменительной практики исследуется эволюция института присяжных заседателей в России с момента его образования в 1864 г. и до начала XX в. Помимо оценки общероссийского законодательства, проводится историко-юридический анализ региональной правовой базы рассматриваемого периода о суде присяжных заседателей. В частности, в работе отражены особенности функционирования данной формы судопроизводства в Кубанской области, основанные на архивных источниках.

Теоретические основы. Методы. Исследование проведено с использованием широкого спектра как общенаучных (принцип историзма, анализ, сравнение, индукция, дедукция, системный подход), так и частнонаучных методов познания (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой).

Результаты исследования. Законодательное закрепление правового статуса суда присяжных заседателей в нормативных актах Российской империи отличалось существенным динамизмом. Начиная с последней четверти XIX и до начала XX в. данный институт неоднократно реформировался, в частности, в отношении порядка формирования, подсудности уголовных преступлений. Эти изменения были обусловлены результатами правоприменительной практики, а также их оценкой государственными структурами. Значительная работа в этом плане была проведена Комиссией для пересмотра законоположений по судебной части в конце XIX в.

На Кубани согласно архивным источникам указанная форма судопроизводства была введена только в 1906 г., что объясняется национальными и этническими особенностями местного населения, его правосознанием и правовой культурой. В то же время в регионе даже после 1906 г. продолжали действовать сословные судебные учреждения, в работе которых присяжные заседатели участия не принимали.

Обсуждение и заключение. Таким образом, суд присяжных заседателей в России во второй половине XIX – начале XX в., несмотря на определенные недостатки, прочно закрепился в системе отечественного судопроизводства и был упразднен только в постимперский период – в 1917 г. На Кубани данный институт продолжал функционировать вплоть до 1920 г. – установления советской власти на этой территории.

Ключевые слова: Судебная реформа 1864 г., суд присяжных заседателей, правоприменительная практика, Кубанская область

Для цитирования: Паршина Н. В. Институт присяжных заседателей в России (вторая половина XIX – начало XX в.): по материалам Екатеринодарского окружного суда Кубанской области // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. 71–86. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.71-86.

Original article

The Institute of Jurors in Russia (the Second Half of the XIX – Early XX Century): Based on the Materials of the Yekaterinodar District Court of the Kuban Region

Natalya V. Parshina

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
natalya.v.parshina2012@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article examines the evolution of the institute of jurors in Russia from the moment of its formation in 1864 to the beginning of the XX century by using a wide list of normative acts, works of domestic and foreign jurists, the works of the Commission for the Revision of legal provisions on the judicial part of 1894 and materials of law enforcement practice. In addition to assessing the all-Russian legislation, a historical and legal analysis of the regional legal framework of the period under review on the jury trial is being conducted. In particular, the paper reflects the peculiarities of the functioning of this form of legal proceedings in the Kuban region, based on archival sources.

Theoretical Basis. Methods. The study was conducted using a wide range of both general scientific (the principle of historicism, analysis, comparison, induction, deduction, systematic approach) and private scientific methods of cognition (formal legal, historical legal, comparative legal).

Results. The legislative consolidation of the legal status of the jury court in the normative acts of the Russian Empire was characterized by significant dynamism. Starting from the last quarter of the XIX and up to the beginning of the XX centuries, this institution was repeatedly reformed, in particular, with regard to the order of formation; jurisdiction of criminal offenses. These changes were due to the results of law enforcement practice; their assessment by government agencies. Significant work in this regard was carried out by the Commission to review the legal provisions on the judicial part at the end of the XIX century.

In Kuban, according to archival sources, this form of legal proceedings was introduced only in 1906, which is explained by the national and ethnic characteristics of the local

population, its legal awareness and legal culture. At the same time, even after 1906, estate judicial institutions continued to operate in the region, in which jurors did not participate.

Discussion and Conclusion. Thus, the jury trial in Russia in the second half of the XIX – early XX century, despite certain shortcomings, was firmly entrenched in the system of domestic judicial proceedings and was abolished only in the post-imperial period – in 1917. In Kuban, this institution continued to function until 1920 – the establishment of Soviet power in this territory.

Keywords: Judicial reform of 1864, jury trial, law enforcement practice, Kuban region

For citation: Parshina, N. V., 2024. The institute of jurors in Russia (the second half of the XIX – early XX century): based on the materials of the Yekaterinodar District Court of the Kuban region. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 71–86. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.71-86.

Введение

В этом году исполняется 160 лет со времени утверждения и начала осуществления Судебной реформы, призванной водворить в России суд «...ско-рый, правый, милостивый и равный для всех подданных...» [Гессен, И. В., 1905, с. 121]. 2024 год станет юбилейным и для южного региона нашей страны: прошло 155 лет со дня введения Судебных уставов в Кубанской области. Несмотря на давность этих событий, до сих пор в юриспруденции не утихает научный интерес к становлению и развитию пореформенных органов юстиции, и нередко он касается особенностей их функционирования в разных районах Империи. Такое внимание к данному вопросу обуславливается неравномерным территориальным изменением судостройства в России вследствие разнообразных социально-экономических причин, имевших место во второй половине XIX в.

Как известно, сложившийся в имперской России суд присяжных в силу ряда идеологических и политических факторов в первые годы советской власти был законодательно предан забвению [Шукюров, А. Т., 2014, с. 39]. Государство обратилось к вопросу о возвращении к этой форме уголовного судопроизводства только в конце 80-х гг. XX в.¹ В то же время впервые дело с участием присяжных было рассмотрено уже после распада СССР [Черноморец, Ю. А., 2014, с. 152].

Сегодня правовой статус суда присяжных закреплен в действующем законодательстве Российской Федерации², такой суд функционирует на

¹ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве (приняты Верховным Советом СССР 13 ноября 1989 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 23. Ст. 441.

² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 22.11.2023) ; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27 ноября 2023 г.) // Официаль-

практике³. В частности, суд присяжных в Краснодарском крае (в 1860–1918 гг. – Кубанская область) начал работу в 1994 г. [Терешина, А. Н., 2011, с. 283]. В 1995 году администрацией Краснодарского края и краевым судом был организован прием делегации французских юристов в целях ознакомления с деятельностью суда присяжных заседателей в регионе⁴.

Таким образом, данный институт в условиях меняющейся российской правовой реальности, с момента его образования и до сегодняшнего времени, прошел в своем развитии закономерные исторические этапы законодательной эволюции.

Теоретические исследования. Методы

Для анализа объекта исследования в данной работе использованы общенаучные и частнонаучные подходы. Так, с помощью принципа историзма, системного и историко-правового методов научного познания проанализирован статус присяжных заседателей по нормативным актам Судебной реформы 1864 г. и показано его отражение в отечественной правовой доктрине второй половины XIX в. Применение индукции и сравнительно-правового метода позволило выявить правовые последствия нормативных изменений, принятых в ходе работы Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части 1894 г. относительно данной формы судопроизводства. На основе дедукции, историко-архивного и формально-юридического методов исследования в статье изучены особенности формирования и функционирования суда присяжных в Кубанской области.

Результаты исследования

Приступая к анализу закрепления суда присяжных заседателей в отечественном праве, интересно отметить, что данный вопрос стал обсуждаться законодателем задолго до второй половины XIX в.: впервые в период работы Уложенной комиссии 1767 г., а затем – при императоре Александре I по предложению М. М. Сперанского [Мионов, И. Б., 2016, с. 23].

Однако только в 1860-х гг. государству удалось воплотить в жизнь эту идею: «...после принятия Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости в 1861 г., разработка судебной реформы пошла быстрым темпом...» [Дроздова, А. А., 2016, с. 96]. Комиссией для составления Судебных уставов, которая работала под председательством В. П. Бут-

---

ный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (дата обращения: 29.11.2023).

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 (ред. от 28 июня 2022 г.) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8027/> (дата обращения: 22.05.2023).

⁴ См.: Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1855. Оп. 1. Д. 159. Л. 165, 167.

кова, изучался опыт не только английского и французского судопроизводства. Во внимание принималось также процессуальное законодательство Женевы и Сардинского королевства [Казанцев, С. М., сост., 1991, с. 6].

Правовой статус присяжных заседателей был сформулирован в Учреждении судебных установлений 1864 г.⁵ Высочайше закреплялись требования к кандидатуре заседателя: наличие российского подданства, возраст от 25 до 70 лет, ценз оседлости – не менее двух лет. Следует подчеркнуть: на должность присяжного заседателя могли претендовать представители практически всех сословий и профессий, за исключением духовенства, действующих военнотружущих и учителей. В качестве присяжных заседателей не рассматривались кандидатуры осужденных, лиц, не отличающихся нравственными качествами (расточителей, отстраненных от службы за пороки), имеющих нарушения физического либо психического здоровья; представителей, находящихся в услужении у частных лиц. Кроме этого, Судебные уставы 1864 г. регулировали подробный порядок формирования очередных и запасных списков присяжных заседателей [Lehr, E., 1875, p. 284]. Регламент участия присяжных заседателей в суде, закреплялся в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.⁶

Присяжные заседатели избирались по жребию и в составе двенадцати человек образовывали судебное присутствие; двое запасных присяжных заседателей принимали участие в судебном процессе только в случае, если кто-то из основных заседателей выбывал из сформированного состава. Стороне обвинения и подсудимому было предоставлено право отвода присяжных заседателей без объяснения причин.

Первые судебные процессы с участием присяжных заседателей открылись в 1866 г. в Санкт-Петербургском и Московском судебных округах [Квачевский, А. А., 1873, с. 6]. В период с 1873 по 1878 г. в России «...примерно три четверти уголовных дел разбирались судом с участием присяжных заседателей» [Ежов, В. А., 2011, с. 55]. С 1879 по 1892 г. в пределах всей Империи присяжными заседателями было разрешено около 208 000 дел [Кони, А. Ф., 1895, с. 5]. Как свидетельствуют приведенные данные правоприменительной практики, такая форма судопроизводства была весьма востребована имперской судебной системой.

Следует отметить, что институт присяжных заседателей в первые годы своей работы высоко оценивался в трудах современников Судебной реформы.

Например, профессор уголовного права Л. Е. Владимиров целесообразность введения данного института видел в возможности получения судом объективной оценки доказательств, представленных в уголовном процессе. Поскольку, как считал ученый, «никогда судейская коллегия, поглощенная своею специальной профессией, не может внести в суд такого обширного и

⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. II. Т. XXXIX. Ч. II. № 41475.

⁶ ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXXIX. Ч. II. № 41476.

глубокого знания ежедневной жизни, как состав присяжных... Эти сведения в особенности важны в стране, где различные сословия народа живут совершенно отдельною жизнью, различными идеями, и имеют различный характер» [Владимиров, Л. Е., 1873, с. 57–58].

Другой виднейший дореволюционный юрист – Н. П. Тимофеев – именвал суд присяжных «судом совести» и считал его неоспоримым достоинством возможность устранения «неблагонадежных элементов». Например, в работе, посвященной анализу пореформенной юстиции, ученый осветил довольно показательный случай, когда по заявлению присяжных заседателей, простых крестьян, прямо на уездной сессии окружного суда прокурором был исключен один член из их состава. Основанием для этого устранения стали свидетельства односельчан, принимающих участие в процессе в качестве присяжных, о том, что этот крестьянин, будучи волостным судьей, был уличен во взяточничестве [Тимофеев, Н. П., 1881, с. 8].

В 1875 году правовед Н. Д. Сергеевский в лекциях по уголовному судопроизводству отмечал, что суд присяжных в России призван обеспечивать гибкость положительного права, посредством которой «...закон, несмотря на свою консервативность, являлся бы справедливой нормой для каждой новой жизненной комбинации» [Сергеевский, Н. Д., 1875, с. 8]. Однако в дальнейшем правоприменительная судебная практика стала причиной формирования критических суждений о суде присяжных. Выражались мнения даже о необходимости постепенной ликвидации данного института [Соловьев, А. Л., 2003, с. 41]. Начало этому процессу было положено небезызвестным оправдательным вердиктом В. Засулич, вынесенным присяжными заседателями в 1878 г. [Кони, А. Ф., 1933, с. 245; Kucherov, S., 1952, p. 86].

Решение присяжных заседателей по делу В. Засулич исходило не из отсутствия состава преступления – покушения на жизнь человека, градоначальника Санкт-Петербурга Ф. Ф. Трепова, что было доподлинно установлено следствием и не отрицалось самой подсудимой. Такой вердикт во многом объяснялся нарастанием антиправительственных настроений в российском обществе того периода, заметным размахом деятельности революционных кружков [Bergman, J., 1979, p. 243].

Статистические данные Московского юридического общества за 1876–1887 гг. свидетельствовали, что «...присяжные к женщинам снисходительнее, нежели к мужчинам... строже всего карают религиозные преступления (73% осуждения), легче всего относятся... к преступлениям по должности (30%)» [Джаншиев, Г. А., 1896, с. 67–68].

Следствием вердикта в отношении В. Засулич стало законодательное изъятие из подсудности присяжных заседателей дел о государственных преступлениях⁷. Преступления, совершенные против должностных лиц, стали подведомственны военным судам⁸. К подсудности мировых судов

⁷ ПСЗРИ. Собр. II. Т. LIII. Ч. I. № 58489.

⁸ ПСЗРИ. Собр. II. Т. LIII. Ч. II. № 58778.

были отнесены дела о кражах со взломом⁹, которые ранее рассматривались судом присяжных. Это позволило значительно снизить количество оправдательных приговоров за данное преступление. Среди прочего в течение 1884–1887 гг.¹⁰ был усовершенствован порядок формирования очередных и запасных списков присяжных заседателей; вводился образовательный ценз (знание русского языка и умение читать по-русски) для кандидатуры присяжного заседателя.

Попытка дальнейшей модернизации правового статуса суда присяжных заседателей сделана в ходе судебных преобразований Александра III. В апреле 1894 г. при Министерстве юстиции была образована Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Значимым предметом обсуждения на одном из заседаний Комиссии стал вопрос об участии общественного элемента в отправлении правосудия. В частности, ввиду отсутствия необходимого опыта суда присяжных были отмечены следующие недостатки. Во-первых, присяжные заседатели признавались неспособными объективно оценивать представленные сторонами доказательства и, как следствие, выносить справедливое решение о виновности или невиновности подсудимого. Во-вторых, присяжные заседатели, будучи только «судьями факта» совершенного преступления, по мнению членов Комиссии, при вынесении приговора часто не руководствовались законностью вменяемой подсудимому санкции, а оценивали только последствия такого наказания. В итоге это влекло недостаточную обоснованность вынесенных вердиктов, что объяснялось, в том числе, и отсутствием у присяжных заседателей специальных юридических познаний.

Самым главным недостатком суда присяжных Комиссия сочла их постоянно меняющийся состав, территориальную неоднородность правосознания у населения Империи. Вследствие этого вердикты присяжных за одно и то же преступление существенно отличались друг от друга в зависимости от состава заседателей и особенностей правовой культуры местности, в пределах которой разрешалось дело в суде. Неслучайно известный дореволюционный юрист Г. А. Джаншиев по этому поводу писал: «Темперамент, экономические условия, этнографический состав, степень образования населения – все эти факторы, которые не могут не отражаться... на суде присяжных» [Джаншиев, Г. А., 1896, с. 73].

В результате члены Комиссии пришли к заключению, что существующий в Российской империи суд присяжных характеризуется «...столь значительными несовершенствами, что дальнейшее сохранение этого института представляется возможным и совместимым с интересами правильного отправления правосудия лишь при условии осуществления в его устройстве коренных изменений»¹¹.

⁹ ПСЗРИ. Собр. III. Т. II. № 890.

¹⁰ См.: ПСЗРИ. Собр. III. Т. IV. № 2314; Т. VII. № 4396.

¹¹ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения

Как известно, Судебная реформа конца XIX в. была признана незавершенной [Краковский, К. П., 2018]. Вместе с тем некоторые изменения в правовом статусе суда присяжных были оформлены законодательно. Так, согласно Закону 1894 г.¹² по-новому регламентировались порядок привода присяжных заседателей к присяге и разъяснение им их прав, обязанностей и ответственности за исполнение возложенных полномочий. С 1910 года председательствующий суда по просьбе присяжных заседателей был обязан разъяснять им признаки преступного деяния, совершенного подсудимым, и меру предусмотренного законом наказания. Вручая старшине присяжных заседателей вопросный лист, председательствующий излагал «общие юридические основания к суждению о силе доказательств, приведенных в пользу и против подсудимого»¹³. Кроме этого, улучшилось финансовое вознаграждение присяжного заседателя. В случае проживания вне места судебного заседания ему оплачивался проезд, полагалось суточное денежное довольствие в размере, установленном министром юстиции¹⁴.

В результате с 1895 г. число обвинительных приговоров, вынесенных присяжными заседателями, стало постепенно увеличиваться [Джаншиев, Г. А., 1896, с. 73] наряду с общим сокращением количества рассмотренных ими дел.

Как уже упоминалось, применение нормативных правовых актов Судебной реформы осуществлялось асинхронно в пределах Империи. Государство заботилось об эффективном внедрении судебных преобразований, поэтому считало необходимым вводить суд присяжных в административных единицах России дифференцированно. Это коснулось и территории Кубанской области, которая характеризовалась спецификой геополитического местоположения, сословного и национально-этнического состава населения.

С конца XVIII в. Кубань считалась исконно казачьей территорией. Как известно, еще в 1794 г. Кубань была передана Екатериной II «в вечное владение»¹⁵ казачеству – пограничной страже южных рубежей Империи. В течение первой половины XIX в., стремясь сохранить сословную замкнутость этой социальной группы, Николай I в некоторой степени ограничивал постоянное проживание на казачьей территории представителей других сословий¹⁶. Именно поэтому судебная система, сложившаяся здесь в дореформенный период, отличалась своей оригинальностью, обусловленной функционированием преимущественно казачьих судов, которые работали в составе специальных комиссий.

судебных установлений. СПб., 1900. [1215] с. Текст: электронный. С. 81. URL: <https://znanium.com/catalog/product/505670> (дата обращения: 15.12.2023).

¹² ПСЗРИ. Собр. III. Т. XIV. № 10710.

¹³ ПСЗРИ. Собр. III. Т. XXX. Ч. I. № 33152.

¹⁴ ПСЗРИ. Собр. III. Т. XXXIII. Ч. I. № 40563.

¹⁵ ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXIII. № 17055.

¹⁶ ПСЗРИ. Собр. II. Т. II. № 908.

Вторая половина XIX в. потребовала от государства переосмыслить внутреннюю миграционную политику. Так, успешное завершение Кавказской войны (в 1864 г.), результатом которой стало вхождение в состав России Западного Кавказа¹⁷, обозначило необходимость освоения этой территории за счет увеличения численности местного населения, так называемых «иногородних». Кроме этого, теперь в Российскую империю были включены и проживающие на присоединенных землях горские народы, суд которых исторически строился на нормах шариата и адата. Следовательно, в силу названных причин государству было необходимо выстроить новую судебную систему, не только отличавшуюся от дореформенной юстиции, но и соответствующую правовой культуре здешнего населения.

Поэтому законодателем было принято решение о введении судебных уставов в Кубанской области только в 1869 г.¹⁸ Екатеринодарский окружной суд был открыт в 1871 г.¹⁹ Помимо внесловных судебных учреждений, в области работали специальные горские словесные суды, которые функционировали вплоть до 20-х гг. XX столетия. Для казачьего населения сохраняла свое действие специальная казачья юстиция.

Обращаясь к предмету исследования, следует отметить, что суд присяжных заседателей был введен на Кубани только в начале XX в., хотя данный вопрос стал активно обсуждаться на страницах российской печати еще в конце предшествующего столетия. Авторы статей, посвященных судебным преобразованиям, аргументировали данное утверждение тем, что население Кубанской области не отставало в своем развитии и составе от центральных губерний Российской империи (например, Казанской, Пермской), где суд присяжных был введен еще в 1870-х гг. Кроме того, подчеркивалось, что отсутствие земских учреждений на Кубани не могло служить причиной отсутствия в системе органов местной юстиции суда присяжных, поскольку аналогичное обстоятельство не стало барьером для работы данного института в области войска Донского еще с 1873 г. [Зозуля, И. В., 2008, с. 75].

Идея введения суда присяжных была поддержана и Я. Д. Маламой – начальником Кубанской области и наказным атаманом Кубанского казачьего войска. В 1899 году он внес соответствующее предложение на имя императора, которое мотивировал тем, что местное население вполне созрело «...к восприятию судебной реформы в полном объеме... к отправлению обязанностей присяжных заседателей» [Гондаренко, А. С., Зозуля, И. В., 2002, с. 105–106]. 17 июня 1900 г. из Главного военно-судного управления Военного министерства на имя командующего войсками Кавказского военного округа²⁰ Г. С. Голицына поступило письмо, в нем адресату предлагалось выразить свое мнение по поводу включения в число присяжных заседателей

¹⁷ ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXXIX. Ч. I. № 41048.

¹⁸ ПСЗРИ. Собр. II. Т. XLIV. Ч. II. № 47848.

¹⁹ ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

²⁰ Командующий войсками Кавказского военного округа с 1886 г. одновременно совмещал должность войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск.

офицеров армии и флота²¹. Этот вопрос получил дальнейшее обсуждение с Я. Д. Маламой. По поручению последнего 29 июля 1900 г. есаулом Кубанского казачьего войска было составлено заключение, в котором признавалось «...весьма желательным привлечь войсковых офицеров к отправлению правосудия в качестве присяжных»²².

В итоге благодаря усилиям местной общественности и административных властей в 1906 г.²³ в Кубанской области был наконец введен суд присяжных, на первых сессиях которого «...урядники и казаки занимали одну треть... от числа избранных в эти заседания...» [Паршина, Н. В., 2023, с. 33]. Следует отметить, что правоприменительная деятельность присяжных заседателей в регионе одобрительно оценивалась судебными чиновниками [Гондаренко, А. С., Зозуля, И. В., 2002, с. 109]. Присяжные все чаще привлекались к участию в судопроизводстве для рассмотрения уголовных дел. Так, статистические сведения, представленные Министерством юстиции, показывают, что в Кубанской области количество лиц, осужденных судом с участием присяжных заседателей с 1906 по 1914 г., увеличилось с 11 до 1149 человек соответственно [Гондаренко, А. С., Зозуля, И. В., 2002, с. 290].

Местные судебные учреждения вели строгий надзор за явкой присяжных заседателей в суд. Например, согласно выписке из протокола судебного заседания Екатеринодарского окружного суда по 2-му Уголовному отделению от 15 мая 1912 г.²⁴ неявившиеся в судебное заседание без уважительной причины присяжные И. Д. Герт, Я. П. Василенко, В. Е. Лященко были оштрафованы на 100 руб. каждый в соответствии со ст. 651 Устава уголовного судопроизводства.

Существенное изменение в правовом статусе суда присяжных произошло после февральских событий 1917 г. Временным правительством были отменены все цензы для их кандидатур [Дроздова, А. А., 2014, с. 2476]. Кроме этого, новой властью была предпринята попытка введения военного суда присяжных заседателей [Илюхин, А. В., Илюхина, В. А., Везенова, П. Р., 2018, с. 203]. Согласно архивным материалам, относящимся к организации работы военно-революционных и полковых судов в Кубанской области, в июле 1917 г. был сформирован список присяжных заседателей из числа офицеров и казаков 19-го Кубанского пластунского батальона для работы в военных судах²⁵. Важно подчеркнуть, что, несмотря на упразднение в ноябре 1917 г.²⁶ имперской судебной системы в целом, в Кубанской области суд присяжных заседателей функционировал вплоть до 1920 г.²⁷

²¹ ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7846. Л. 13.

²² Там же. Л. 21.

²³ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 3389. Л. 2.

²⁴ ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 343. Л. 68.

²⁵ ГАКК. Ф. 443. Оп. 1. Д. 134. Л. 26–27.

²⁶ Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 24 нояб.

²⁷ ГАКК. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 213. Л. 42.

Обсуждение и заключение

Таким образом, введение суда присяжных заседателей стало одним из значимых этапов зарождения процесса демократизации уголовного судопроизводства в Российской империи [Wortman, R., 2013, p. 21].

Данный институт положил начало обеспечению реализации принципов формального равенства, законности и справедливости, по сути, несвойственных дореформенной юстиции. Такая характеристика этой формы судопроизводства нашла свое отражение в трудах не только отечественных [Духовской, М. В., 1908, с. 21; Фукс, В. Я., 1889, с. 97; Берендтс, Э. Н., 1915, с. 17], но и зарубежных правоведов [Perris, G. H., 1905, p. 34; Wallace, D. M., 1914, p. 40–41; Hourwich, I. A., 1892, p. 684].

Однако практика применения законодательства, регламентирующего правовой статус суда присяжных, со временем выявила определенные недостатки в его работе, которые были подробно сформулированы Комиссией для пересмотра законоположений по судебной части. Что касается Кубанской области, то государство сочло нецелесообразным введение суда присяжных в данном регионе сразу после реформы 1864 г. ввиду специфических черт национально-этнического состава местного населения, многомерности его правовой культуры. Однако к началу XX в. законодатель принял решение о готовности окружных судов Кубани к восприятию данного института. Безусловно, социально-экономическая и политическая обстановка в России в конце XIX – начале XX в. отразилась как на работе судебной системы в целом, так и на суде присяжных в частности. Поэтому органы государственной власти законодательно изъяли из их подсудности определенные категории преступлений. Вместе с тем данная форма судопроизводства в рассматриваемый период положительно зарекомендовала себя в уголовном процессе.

Попытка возвращения к суду присяжных в РСФСР была сделана в начале 1990-х гг. [Ильина, Т. Н., 2021, с. 60], однако на практике данный замысел был реализован только в современной России. В настоящее время институт присяжных заседателей в Российской Федерации выступает одной из фундаментальных основ обеспечения прав человека и гражданина, гарантированных на конституционном уровне. Сегодня такая форма народного представительства в нашей стране позитивно оценивается как обществом, так и юристами [Овчинникова, Е. А., 2023, с. 135].

Список источников

Берендтс Э. Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и влияние ее на государственный и общественный быт России. Пг. : Сенат. тип., 1915. 202 с.

Владимиров Л. Е. Суд присяжных. Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. Харьков : Унив. тип., 1873. 257 с.

- Гессен И. В. Судебная реформа. СПб. : Книгоизд-во П. П. Гершунина, 1905. 267 с.
- Гондаренко А. С., Зозуля И. В. Судебная система в России: сравнительное исследование развития на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков: (На примере Кубани и Ставрополья). Ставрополь : Изд-во СГУ, 2002. 315 с.
- Джаншиев Г. А. Суд над судом присяжных. М. : Тип. «Рассвет», 1896. 181 с.
- Дроздова А. А. Развитие судебной системы и судебной реформы в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 95–102. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.95.102.
- Дроздова А. А. Суд присяжных: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11. С. 2475–2479.
- Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М. : Склад изд. в кн. маг. М. В. Ключкина, 1908. 464 с.
- Ежов В. А. Судебные преобразования в России в последней четверти XIX века // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3. С. 54–57.
- Зозуля И. В. Анализ судопроизводства на Северном Кавказе в начале XX века // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 2. С. 73–78.
- Илюхин А. В., Илюхина В. А., Везенова П. Р. Военный суд присяжных в России как объект хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 201–207. DOI: 10.17223/15617793/427/28.
- Ильина Т. Н. Проекты реформирования судебной системы в России в конце 1980-х – начале 1990-х годов: замыслы и результаты // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2021. № 4. С. 56–68. DOI: 10.24412/2309-1592-2021-4-56-68.
- Квачевский А. А. Суд присяжных по русским законам. СПб. : Тип. Ф. С. Сущинского, 1873. 566 с.
- Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. М. ; Л. : Academia, 1933. 581 с.
- Кони А. Ф. О суде присяжных и о суде с сословными представителями. СПб. : Тип. Правительствующ. сената, 1895. 31 с.
- Краковский К. П. Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894–1899 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 9–28.
- Миронов И. Б. История становления суда присяжных в России // Право и государство: теория и практика. 2016. № 4. С. 22–26.
- Овчинникова Е. А. Беспристрастность присяжных заседателей в отечественных и зарубежных научных исследованиях // Право-

судие/Justice. 2023. Т. 5, № 2. С. 132–153. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.2.132-153.

Паршина Н. В. К вопросу о проведении судебной реформы на территории Кубанского казачьего войска во второй половине XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 1. С. 27–35. DOI: 10.24412/2309-152-2023-1-27-35.

Сергеевский Н. Д. О суде присяжных. Ярославль : Тип. Губ. правл., 1875. 93 с.

Соловьев А. Л. К. П. Победоносцев и политика контрреформ // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 25. С. 37–45.

Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы, 1864–1917 гг. : сб. / сост. С. М. Казанцев. Л. : Лениздат, 1991. 510 с.

Терешина А. Н. Территориальное распространение суда присяжных в России: история и современность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 281–285.

Тимофеев Н. П. Суд присяжных в России. Судебные очерки. М. : Тип. А. М. Мамонтова и К°, 1881. 636 с.

Фукс В. Я. Суд и полиция : в 2 ч. М. : Унив. тип., 1889. 522 с.

Черноморец Ю. А. Суд присяжных вчера, сегодня и завтра // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 150–156.

Шукюров А. Т. Политические причины упразднения института присяжных заседателей большевиками // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 2. С. 37–42.

Bergman J. The Political Thought of Vera Zasulich // Slavic Review. 1979. Vol. 38, issue 2. P. 243–258. URL: <https://doi.org/10.2307/2497085>.

Hourwich I. A. The Russian Judiciary // Political Science Quarterly. 1892. Vol. 7, issue 4. P. 673–707. URL: <https://doi.org/10.2307/2139447>.

Kucherov S. The Case of Vera Zasulich // The Russian Review. 1952. Vol. 11, issue 2. P. 86–96. URL: <https://doi.org/10.2307/125658>.

Lehr E. La nouvelle organisation judiciaire de la Russie d'après l'oukase du 26 novembre 1864 // Revue de Législation Ancienne & Moderne Française et Étrangère. 1875. Vol. 5. P. 270–311. URL: <http://www.jstor.org/stable/43841416>.

Perris G. H. Russia in revolution. London : Chapman & Hall, 1905. 359 p.

Wallace D. M. A short history of Russia and the Balkan states. London : Encycl. Britannica, 1914. 186 p.

Wortman R. Russian monarchy: representation and rule : collected articles. Boston : Academic studies press, 2013. 332 p. ISBN: 9781618112583.

References

- Berendts, E. N., 1915. *Svyaz' sudebnoj reformy s drugimi reformami imperatora Aleksandra II i vliyanie ee na gosudarstvennyj i obshchestvennyj byt Rossii* = [The connection of judicial reform with other reforms of Emperor Alexander II and its impact on the state and social life of Russia]. Petrograd: Senate Printing House. 202 p. (In Russ.)
- Bergman, J. 1979. The Political Thought of Vera Zasulich. *Slavic Review*, 38(2), pp. 243–258. URL: <https://doi.org/10.2307/2497085>.
- Chernomorets, Yu. A., 2014. [Jury trial yesterday, today and tomorrow], *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* = [Person: Crime and Punishment], 4, pp. 150–156. (In Russ.)
- Drozdova, A. A., 2014. [Jury trial: history and modernity]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* = [Actual Problems of Russian Law], 11, pp. 2475–2479. (In Russ.)
- Drozdova, A. A., 2016. Development of the judicial system and judicial reform in Russia. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 3, pp. 95–102. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.95.102.
- Dukhovskoy, M. V., 1908. *Russkij ugolovnyj protsess* = [Russian criminal trial]. Moscow: Warehouse publishing house in the bookstore of M. V. Klyukin. 464 p. (In Russ.)
- Dzhanshiev, G. A., 1896. *Sud nad sudom prislyazhnykh* = [Trial by jury]. Moscow: Rassvet Printing House. 181 p. (In Russ.)
- Ezhov, V. A., 2011. [Judicial transformations in Russia in the last quarter of the 19th century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki* = [Bulletin of the Orenburg State University], 3, pp. 54–57. (In Russ.)
- Fuks, V. Ya., 1889. *Sud i politsiya* = [The court and the police]. In 2 pts. Moscow: University Printing House. 522 p. (In Russ.)
- Gessen, I. V., 1905. *Sudebnaya reforma* = [Judicial reform]. St. Petersburg: Publishing House of P. P. Gershunin. 267 p. (In Russ.)
- Gondarenko, A. S., Zozulya, I. V., 2002. *Sudebnaya sistema v Rossii: sravnitel'noe issledovanie razvitiya na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov: (Na primere Kubani i Stavropol'ya)* = [The judicial system in Russia: comparative study of development at the turn of the XIX–XX and XX–XXI centuries: (On the example of Kuban and Stavropol)]. Stavropol: Publishing House of Stavropol State University. 315 p. (In Russ.)
- Hourwich, I. A., 1892. The Russian Judiciary. *Political Science Quarterly*, 7(4), pp. 673–707. URL: <https://doi.org/10.2307/2139447>.
- Ilyukhin, A. V., Ilyukhina, V. A., Vezenova, P. R. 2018. [Judicial transformations in Russia in the last quarter of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = [Bulletin of Tomsk State University], 427, pp. 201–207. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/427/28.

- Ilyina, T. N. 2021. [Judicial system reform projects in Russia in the late 1980s and early 1990s: ideas and results]. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs* = [Historical and Legal Problems: a New Perspective], 4, pp. 56–68. (In Russ.) DOI: 10.24412/2309-1592-2021-4-56-68.
- Kazantsev, S. M., comp., 1991. *Sud prisyazhnykh v Rossii: gromkie ugolovnye protsessy, 1864–1917 gg.* = [Trial by jury in Russia: high-profile criminal trials, 1864–1917]. Collection. Leningrad: Lenizdat. 510 p. (In Russ.)
- Koni, A. F., 1895. *O sude prisyazhnykh i o sude s soslovnymi predstaviteleyami* = [About the trial by jury and the trial with estate representatives]. St. Petersburg: Printing House of the Governing Senate. 31 p. (In Russ.)
- Koni, A. F., 1933. *Vospominaniya o dele Very Zasulich* = [Memories of the Vera Zasulich case]. Moscow; Leningrad: Academia. 581 p. (In Russ.)
- Krakovsky, K. P., 2018. [Unfinished judicial counter-reform: the Muraviev Commission (1894–1899)]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik* = [North Caucasian Legal Bulletin], 4, pp. 9–28. (In Russ.)
- Kucherov, S. 1952. The Case of Vera Zasulich. *The Russian Review*, 11(2), pp. 86–96. URL: <https://doi.org/10.2307/125658>.
- Kvachevsky, A. A., 1873. *Sud prisyazhnykh po russkim zakonam* = [Jury trial according to Russian laws]. St. Petersburg: Printing House of F. S. Sushchinsky. 566 p. (In Russ.)
- Lehr, E., 1875. La nouvelle organisation judiciaire de la Russie d'après l'oukase du 26 novembre 1864. *Revue de Législation Ancienne & Moderne Française et Étrangère*, 5, pp. 270–311. URL: <http://www.jstor.org/stable/43841416>.
- Mironov, I. B., 2016. [The history of the formation of the jury trial in Russia]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = [Law and the State: Theory and Practice], 4, pp. 22–26. (In Russ.)
- Ovchinnikova, E. A., 2023. [Impartiality of juries in domestic and foreign scientific research]. *Pravosudie/Justice*, 5(2), pp. 132–153. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-19.9241.2023.2.132-153.
- Parshina, N. V., 2023. [On the issue of judicial reform in the territory of the Kuban Cossack army in the second half of the XIX century]. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs* = [Historical and Legal Problems: a New Perspective], 1, pp. 27–35. (In Russ.) DOI: 10.24412/2309-152-2023-1-27-35.
- Perris, G. H., 1905. *Russia in revolution*. London: Chapman & Hall. 359 p.
- Sergeevsky, N. D., 1875. *O sude prisyazhnykh* = [About the jury trial]. Yaroslavl: Printing House of the Provincial Government. 93 p. (In Russ.)
- Shukuyurov, A. T., 2014. Political causes of abolition of the institution of the jury members by the Bolsheviks. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, 2, pp. 37–42. (In Russ.)

Soloviev, A. L., 2003. [K. P. Pobedonostsev and the policy of counter-reform]. *Izvestiya. Ural State University*, 25, pp. 37–45. (In Russ.)

Tereshina, A. N., 2011. [Territorial distribution of jury trials in Russia: history and modernity]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* = [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1, pp. 281–285. (In Russ.)

Timofeev, N. P., 1881. *Sud prisyazhnykh v Rossii. Sudebnye ocherki* = [Jury trial in Russia. Judicial essays]. Moscow: Printing House of A. M. Mamontov and Co. 636 p. (In Russ.)

Vladimirov, L. E., 1873. *Sud prisyazhnykh. Usloviya dejstviya instituta prisyazhnykh i metod razrabotki dokazatel'stv* = [A jury trial. The conditions of the jury institute and the method of developing evidence]. Kharkov: University Printing House. 257 p. (In Russ.)

Wallace, D. M., 1914. *A short history of Russia and the Balkan states*. London: Encycl. Britannica. 186 p.

Wortman, R., 2013. *Russian monarchy: representation and rule*. Collected articles. Boston: Academic studies press. 332 p. ISBN: 9781618112583.

Zozulya, I. V., 2008. [Analysis of judicial proceedings in the North Caucasus at the beginning of the twentieth century]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* = [Cultural life in the South of Russia], 2, pp. 73–78. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Паршина Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета имени А. А. Хмырова Кубанского государственного университета (Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149).

Natalya V. Parshina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Khmyrov Faculty of Law, Kuban State University (149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 27.04.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 27.04.2024.

Научная статья

УДК 342.8

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.87-97

Процедура проведения собрания и регистрации группы избирателей для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации: конституционно-правовая ответственность за ее нарушение

Виктор Николаевич Корнев

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация*

kornev51@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9364-0398>

Аннотация

Введение. В статье на основе анализа постановлений ЦИК России об отказе в регистрации групп избирателей, созданных для поддержки самовыдвижения кандидатов на должность Президента Российской Федерации, и их уполномоченных представителей, в рамках выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 г., и вступивших в силу решений Верховного Суда Российской Федерации по итогам оспаривания таких постановлений раскрыты проблемные аспекты процедуры создания и регистрации группы избирателей для поддержки самовыдвижения кандидата.

Методы. При написании статьи использовались общенаучные методы: анализ, синтез, систематизация. Кроме того, применялся формально-юридический метод. В процессе анализа эмпирического материала, который составляют решения Верховного Суда Российской Федерации, постановления ЦИК Российской Федерации, были задействованы социологические методы.

Результаты исследования. Отмечается, что с учетом действующего законодательства и постановлений ЦИК установлен порядок процедуры проведения собрания и регистрации группы избирателей для поддержки кандидата на должность Президента Российской Федерации, которая состоит из ряда этапов с определенным режимом проведения и документального оформления. За нарушение процедуры закреплена соответствующая конституционно-правовая ответственность в виде отмены решения собрания и ее регистрации.

Обсуждение и заключение. Анализ действующего законодательства и решений ВЦИК позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время установленная процедура является гарантией демократичности и надежности реализации избирательных прав.

Ключевые слова: избирательный процесс, выборы, избирательные процедуры, группа избирателей, собрание группы избирателей, удостоверительная надпись нотариуса, ходатайство о регистрации группы избирателей, протокол регистрации членов группы избирателей, протокол собрания группы избирателей, самовыдвижение кандидата на должность Президента Российской Федерации, конституционно-правовая ответственность

Для цитирования: Корнев В. Н. Процедура проведения собрания и регистрации группы избирателей для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации: конституционно-правовая ответственность за ее нарушение // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. 87–97. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.87-97.

Original article

Procedure for Holding a Meeting and Registering a Group of Voters to Support the Self-Nomination of a Candidate for the Position of President of the Russian Federation: Constitutional and Legal Responsibility for its Violation

Viktor N. Kornev

*Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
kornev51@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9364-0398>*

Abstract

Introduction. The article is based on an analysis of the decisions of the Central Election Commission of Russian Federation on the refusal to register groups of voters created to support the self-nomination of candidates for the position of President of the Russian Federation and their authorized representatives, within the framework of the elections of the President of the Russian Federation, scheduled for March 17, 2024, and the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation, based on the results of challenging such decisions, revealed problematic aspects of the procedure for creating and registering a group of voters to support the self-nomination of a candidate.

Methods. When writing the article, general scientific methods were used: analysis, synthesis, systematization. In addition, a formal legal method was used. In the process of analyzing the empirical material, which consists of decisions of the Supreme Court of the Russian Federation, decisions of the Central Election Commission of the Russian Federation, sociological methods were used.

Results. It is noted that, taking into account the current legislation and resolutions of the Central Election Commission, the procedure for holding a meeting and registering a group of voters to support a candidate for the position of President of the Russian Federation has been established, which consists of a number of stages with a certain mode of conduct and documentation. For violation of the procedure, corresponding

constitutional and legal liability is established in the form of cancellation of the decision of the meeting and its registration.

Discussion and Conclusion. An analysis of the current legislation and the decisions of the All-Russian Central Executive Committee allows us to conclude that the currently established procedure is a guarantee of democracy and reliability in the implementation of electoral rights.

Keywords: electoral process, elections, election procedures, a group of voters, a meeting of a group of voters, a notary's certification inscription, a petition for registration of a group of voters, a protocol for registering members of a group of voters, a protocol for a meeting of a group of voters, self-nomination of a candidate for the position of President of the Russian Federation, constitutional and legal liability

For citation: Kornev, V. N., 2024. Procedure for holding a meeting and registering a group of voters to support the self-nomination of a candidate for the position of President of the Russian Federation: constitutional and legal responsibility for its violation. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 87–97. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.87-97.

Введение

Поддержка гражданами самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации является производным правом от установленных ч. 1 и 2 ст. 32 Конституции Российской Федерации прав участвовать в управлении делами государства и избирать в органы государственной власти. Указанная процедура детально урегулирована положениями ст. 34 специального Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 19-ФЗ), поэтапно раскрывающими правила и условия самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации [Абаева, Е. А., 2022, с. 74; Краснов, М. А., 2011, с. 92].

Можно сразу же отметить демократичность данной процедуры, поскольку Федеральный закон № 19-ФЗ предусматривает, что для поддержки самовыдвижения кандидата необходимо создать группу избирателей в количестве всего лишь не менее 500 граждан Российской Федерации, обладающих активным избирательным правом (п. 2 ст. 34).

Теоретические основы. Методы

Принимая во внимание, что численность зарегистрированных в Российской Федерации и за пределами территории Российской Федерации избирателей по состоянию на 1 января 2024 г. составляет более 114 млн граждан², установленное законом количество в 500 граждан составляет около 0,0004% от количества обладающих активным избирательным правом граждан Российской Федерации. Либерализацию законодательства в ча-

¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

² См. статистику на официальном сайте ЦИК России. URL: <http://cikrf.ru/izbiratel/quantity/20240101.php> (дата обращения: 01.03.2024).

сти поддержки самовыдвижения кандидатов подтверждает также уменьшение с 2012 г. требуемого законом количества подписей избирателей, необходимых для предоставления в ЦИК России после регистрации соответствующей группы избирателей в установленном законом порядке, с двух миллионов до трехсот тысяч.

Между тем выбор кандидатуры на должность Президента Российской Федерации имеет высочайшую значимость для публичных правоотношений, поэтому либеральность требований к численности группы избирателей, создаваемой для поддержки такого кандидата, прямо пропорциональна тенденции правового усложнения процедур, необходимых как для ее регистрации, так и для иных этапов в целях допуска к участию в избирательной кампании наиболее достойных и имеющих подтвержденную поддержку граждан России кандидатов, умеющих организовать работу своего штаба, знающих и понимающих закон, готовых трудиться на благо страны [Лошкарев, И. О., Смагин, А. А., 2018, с. 119].

При написании статьи использовались общенаучные методы: анализ, синтез, систематизация. Кроме того, применялся формально-юридический метод. В процессе анализа эмпирического материала, который составляют решения Верховного Суда Российской Федерации, постановления ЦИК Российской Федерации, были задействованы социологические методы.

Результаты исследования

Рассмотрим подробнее этапы и проблемные аспекты процедуры проведения собрания и создания группы избирателей для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации, необходимой для регистрации такой группы ЦИК России в соответствии с требованиями, установленными ст. 34 Федерального закона № 19-ФЗ.

Каждый гражданин Российской Федерации, обладающий пассивным избирательным правом, после официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов Президента Российской Федерации вправе выдвинуть свою кандидатуру на должность Президента Российской Федерации (п. 1 ст. 34 Федерального закона № 19-ФЗ). При этом такой кандидат не позднее чем через 20 дней (до 18 часов по московскому времени) со дня официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов Президента Российской Федерации обращается в ЦИК России с ходатайством в письменной форме о регистрации группы избирателей (п. 3 ст. 34 Федерального закона № 19-ФЗ).

С учетом принятия Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации постановления от 7 декабря 2023 г. № 678-СФ «О назначении выборов Президента Российской Федерации»³ кандидаты имели возможность представить соответствующие документы в ЦИК России в срок до 27 декабря 2023 г. (включительно). Учитывая количество организационных действий, которые кандидатам необходимо совершить, и документов, которые необходимо подготовить, такой срок представляется довольно коротким.

³ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Как было упомянуто, для поддержки самовыдвижения кандидата необходимо создать группу избирателей в количестве не менее 500 граждан Российской Федерации, обладающих активным избирательным правом.

Законом не конкретизировано, кто именно обязан предпринимать первичные действия по созданию такой группы – сам кандидат или инициативные избиратели. Однако, поскольку законом предусмотрено, что с ходатайством в письменной форме о регистрации группы избирателей в ЦИК России обращается именно кандидат, логично полагать, что изначально все должно быть организовано под его общим руководством. Примечательно, что форма такого ходатайства законом не установлена, перечень требуемых в отношении подлежащих отражению в нем сведений о кандидате и избирателях изложен в п. 4 ст. 34 Федерального закона № 19-ФЗ. Стоит отметить, что для проведения избирательной кампании в 2024 г. ЦИК России была разработана рекомендуемая форма соответствующего ходатайства в Перечне и формах документов, представляемых кандидатами, уполномоченными представителями политических партий в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации при проведении выборов Президента Российской Федерации, утвержденном постановлением ЦИК России от 22 ноября 2023 г. № 138/1056-8⁴. Анализ такой рекомендуемой формы показывает, что она лишь структурирует положения закона и, по-видимому, создана для дополнительного удобства кандидатов.

Пунктом 2 ст. 34 Федерального закона № 19-ФЗ также установлена обязанность (не конкретизировано – чья) оповестить ЦИК России о месте и времени проведения собрания группы избирателей не позднее чем за пять дней до дня его проведения в целях обеспечения возможности присутствия на указанном собрании представителя ЦИК России.

Иных упоминаний о задачах, роли и действиях, в том числе по оформлению наблюдений представителей ЦИК России по итогам такого присутствия, в законе не содержится. Однако, как следует из правоприменительной практики, оно имеет большое значение для фиксации соблюдения установленного порядка проведения собрания, а равно выводов ЦИК России и судебных органов в случае отказа в регистрации такой группы.

К примеру, сведения из отчета о посещении собрания группы избирателей, составленного представителями ЦИК России, о несоблюдении установленных законом процедур проведения такого собрания были положены в основу принимаемых ЦИК России решений об отказе в регистрации данных групп, что прямо отражено в постановлениях ЦИК России, исследованных в рамках настоящей статьи⁵.

⁴ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См. постановление ЦИК России от 23 декабря 2023 г. № 144/1111-8 «Об отказе в регистрации группы избирателей, созданной для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации Дунцовой Екатерины Сергеевны, и ее уполномоченных представителей»; постановление ЦИК России от 29 декабря 2023 г. № 146/1151-8 «Об отказе в регистрации группы

Как следует из постановлений ЦИК России от 23 декабря 2023 г. № 144/1111-8, от 29 декабря 2023 г. № 146/1151-8, от 29 декабря 2023 г. № 146/1152-8, представители ЦИК России осуществляют наблюдение преимущественно за процедурами начала и завершения составления списка избирателей, его нотариальной регистрации, а равно проведения собрания, поскольку результаты выполнения данных процедур являются содержанием требуемых в соответствии с п. 5 ст. 34 Федерального закона № 19-ФЗ для предоставления вместе с ходатайством нотариально удостоверенного протокола регистрации членов группы избирателей и протокола собрания данной группы избирателей.

Согласно сохраненным на официальном сайте ЦИК России видеотрансляциям заседаний комиссии, на которых принимались вышеуказанные решения, коллегиальный орган при принятии решений руководствовался как отчетами представителей ЦИК России, присутствовавшими на таких собраниях, так и сделанными ими видеозаписями в ходе данных мероприятий⁶. Примечателен тот факт, что в дальнейшем при участии в судебных процессах в результате оспаривания принятых ею решений об отказах в регистрации групп избирателей и их уполномоченных представителей ЦИК России также использовала указанные отчеты и видеозаписи как доказательство, что нашло отражение в судебных решениях, которые будут рассмотрены нами далее.

Стоит отметить, что многие детальные требования к процедурам нотариального удостоверения протокола регистрации членов группы избирателей либо проведения собрания такой группы граждан до избирательной кампании 2024 г. не имели отражения ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике. Между тем, анализируя указанные выше постановления ЦИК России и вступившие в законную силу решения Верховного Суда Российской Федерации по результатам их оспаривания⁷, можно сделать ряд выводов о таких требованиях и неявных, но важных аспектах

избирателей, созданной для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации Отраковского Ивана Александровича, и ее уполномоченных представителей»; постановление ЦИК России от 29 декабря 2023 г. № 146/1152-8 «Об отказе в регистрации группы избирателей, созданной для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации Александры Евгеньевны Тищенко, и ее уполномоченных представителей». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ URL: <http://www.cikrf.ru/vid/archive/meeting/> (дата обращения: 25.02.2024).

⁷ См. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2023 г. № АКПИ23-1149; Решение Верховного Суда Российской Федерации от 9 января 2024 г. № АКПИ24-3; Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2024 г. № АПЛ24-13; Решение Верховного Суда Российской Федерации от 8 января 2024 г. № АКПИ24-1; Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2024 г. № АПЛ24-11. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

рассматриваемых процедур, поскольку правоприменительная практика по ним была наконец сформирована.

При нотариальном удостоверении протокола регистрации членов группы избирателей при проведении собрания ключевыми моментами, по нашему мнению, являются следующие.

Во-первых, регистрация прибывших на собрание в необходимом количестве (более 500 человек) членов группы избирателей должна завершиться до начала рассмотрения вопросов повестки дня. Между тем, как правило, такая регистрация в рассматриваемых случаях продолжалась на протяжении всего мероприятия.

Во-вторых, нотариус должен заверить также соответствующий список прибывших избирателей до начала рассмотрения повестки собрания.

Указанные факты при оценке ЦИК России, судя по всему, подтверждались обзором удостоверительной надписи нотариуса с соответствующей датой и зафиксированными на видеосъемке наблюдениями представителей ЦИК России.

Несмотря на тот факт, что закон не закрепляет прямо подобного требования для указанной процедуры, оно обусловлено установленным правовым регулированием.

Так, в соответствии с п. 118 Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксации, утвержденного приказом Минюста России от 30 августа 2017 г. № 156⁸, при удостоверении протокола регистрации членов группы избирателей при проведении собрания в поддержку самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации нотариус лично и непосредственно устанавливает информацию о соответствии сведений, указанных в данных документах, предъявленному нотариусу документу, удостоверяющему личность, и фиксирует ее в тексте удостоверительной надписи.

Верховным Судом Российской Федерации в решениях, упомянутых в настоящей статье, выработана позиция, согласно которой регистрация членов группы избирателей, присутствующих на собрании, посредством их подписей в протоколе регистрации, удостоверяемых нотариально, является самостоятельным этапом, подтверждающим создание такой группы, предшествующим проведению собрания группы избирателей и необходимым для подтверждения легитимности его проведения, в том числе для определения действительности волеизъявления лиц, участвующих в поддержке самовыдвижения, и их количества. Следовательно, протокол регистрации членов группы избирателей при проведении собрания в поддержку самовыдвижения кандидата должен быть удостоверен до начала проведения такого собрания как подтверждение факта создания этой группы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нотариальное удостоверение протокола регистрации членов группы избирателей до начала про-

⁸ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ведения собрания граждан в поддержку самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации является одним из важнейших условий признания ЦИК России и судами соблюдения процедуры его проведения, а равно легитимности волеизъявления граждан на данном мероприятии. В ином случае, с большой долей вероятности, в регистрации группы избирателей и ее уполномоченных представителей будет отказано на основании п. 16 ст. 34 Федерального закона № 19-ФЗ ввиду невыполнения требований п. 2 указанной статьи – т. е. отсутствия подтвержденного факта создания группы избирателей в установленном законом количестве при должной процедуре проведения собрания избирателей.

Как упомянуто ранее, большую роль при принятии ЦИК России решения о регистрации группы избирателей, созданной для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации, либо об отказе в ее регистрации играет также оценка процедуры проведения непосредственно самого собрания группы избирателей.

В текстах исследуемых в настоящей статье актов ЦИК России и Верховного Суда Российской Федерации указано, что при посещении собрания групп избирателей представителями ЦИК России обращалось особое внимание на вопросы утверждения повестки дня собрания, регламента проведения собрания, избрания рабочих органов собрания (в том числе председательствующего, секретаря и членов счетной комиссии), порядка подсчета голосов участников собрания и порядка принятия решений. Отсутствие соблюдения указанных условий и правил при проведении собрания, сведений о них в протоколе проведения собрания также трактовалось ЦИК России и Верховным Судом Российской Федерации как нарушение п. 2 ст. 34 Федерального закона № 19-ФЗ.

Отметим, что законодательство о выборах указанные правила и условия для процедуры проведения собрания группы избирателей не устанавливает.

Отсутствуют они и в рекомендуемой форме приложения № 5 «Протокол собрания группы избирателей, созданной для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации» к Перечню и формам документов, представляемых кандидатами, уполномоченными представителями политических партий в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации при проведении выборов Президента Российской Федерации, утвержденному постановлением ЦИК России от 22 ноября 2023 г. № 138/1056-8.

Решения ЦИК России и Верховного Суда Российской Федерации, указанные нами в настоящей статье, не содержат ссылки на какие-либо правовые нормы либо принципы права в указываемой части.

Между тем представляется, что выводы данных органов к оформлению результатов собрания избирателей основывались на положениях ст. 181.2 «Решения собраний» Гражданского кодекса Российской Федерации⁹, и в особенности п. 4 данной статьи, согласно которому в протоколе, составлен-

⁹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ном по итогам проведения заседания участников любого гражданско-правового сообщества, должны быть указаны: дата и время проведения заседания, место проведения заседания и (или) способ дистанционного участия членов гражданского-правового сообщества в заседании, а в случаях заочного голосования – дата, до которой принимались документы, содержащие сведения о голосовании членов гражданского-правового сообщества, и способ отправки этих документов; сведения о лицах, принявших участие в заседании, и (или) о лицах, направивших документы, содержащие сведения о голосовании; результаты голосования по каждому вопросу повестки дня; сведения о лицах, проводивших подсчет голосов, если подсчет голосов был поручен определенным лицам; сведения о лицах, голосовавших против принятия решения собрания и потребовавших внести запись об этом в протокол; сведения о ходе проведения заседания или о ходе голосования, если участник гражданского-правового сообщества требует их внести в протокол; сведения о лицах, подписавших протокол.

Требования законодательства Российской Федерации к содержанию протокола собрания граждан направлены на обеспечение достоверности даты принятия решения на таком собрании, его содержания и установления лиц, ответственных за содержащиеся в протоколе сведения.

Безусловно, участники избирательного процесса при реализации своих законных прав должны и обязаны выполнять требования не только законодательства о выборах, но и всего массива законодательства Российской Федерации.

Однако представляется целесообразным для упрощения и более полного понимания процедуры самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации отразить в актах ЦИК России, имеющих рекомендательный характер и содержащих разъяснения для участников избирательного процесса, тонкости оформления представляемых ими избирательных документов в части необходимости указания соответствующих сведений в протоколе собрания группы избирателей. Полагаем, что указание такой информации а priori повлечет повышение качества проведения самих собраний групп избирателей и оформления документов по их итогам.

Факт, который также хотелось бы отметить в рамках данной статьи, – это нераспространение на процедуру представления в ЦИК России избирательных документов и их оценки ЦИК России положений п. 1.1 ст. 38 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁰. Из толкования указанного положения Закона не следует, что ЦИК России обязана уведомлять кандидата либо иных субъектов избирательного процесса о неполноте сведений в представленных для регистрации группы избирателей документах, а кандидаты имеют право устранить допущенные неточности, поскольку названное законоположение регулирует

¹⁰ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ет отношения, связанные исключительно с регистрацией кандидата (кандидатов), списка кандидатов, и его действие не распространяется на процедуры, предусмотренные ст. 34 Федерального закона № 19-ФЗ. Полагаем, что указанное регулирование можно признать обоснованным, поскольку закон не запрещает провести собрание группы избирателей и составить требуемые в соответствии с законом документы, представить их также в ЦИК России повторно. Хотя, безусловно, стоит отметить довольно короткие сроки, отведенные на весь этап создания и регистрации группы избирателей для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации, а равно немалые затраты на аренду помещения и обеспечение работы нотариуса.

Отметим также, что несоответствия в сведениях об участниках группы избирателей, содержащиеся в таких избирательных документах, как ходатайство о регистрации группы избирателей и нотариально заверенный протокол регистрации членов группы избирателей (данные требуются идентичные), вызывали замечания со стороны ЦИК России и Верховного Суда Российской Федерации, хотя, конечно же, указанные органы ориентировались первоочередно на информацию, удостоверенную нотариусом. Между тем указанные факты свидетельствовали о небрежности проведения процедуры и подтверждали иные имеющиеся в ходе проведения такого мероприятия ошибки организаторов.

Обсуждение и заключение

В заключение стоит отметить, что можно наблюдать как относительную демократичность законодательно установленных требований к проведению процедуры создания и регистрации группы избирателей для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации, так и высокие требования к правилам и условиям ее реализации. Весомое значение в регламентации и разъяснении наиболее сложных аспектов данной процедуры приобретают акты ЦИК России, которые способны создать надежную опору для участников избирательного процесса, стремящихся реализовать свое конституционное право избирать кандидатуру и быть избранным на должность одного из самых важных институтов публичной власти в нашей стране – Президента Российской Федерации.

Список источников

Абаева Е. А. Место Президента РФ в конституционной системе публичной власти (в свете конституционной реформы 2020) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 73–77. DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-1-73-77.

Краснов М. А. Законодательно закрепленные полномочия Президента России: необходимость или сервизм? // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 4 (83). С. 91–103.

Лошкарев И. О., Смагин А. А. Порядок избрания Президента Российской Федерации: конституционные и гражданско-правовые аспекты // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 119–123.

References

Abaeva, E. A., 2022. The place of the President of the Russian Federation in the constitutional system of public authority (In the light of the 2020 constitutional reform). *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 22(1), pp. 73–77. (In Russ.) DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-1-73-77.

Krasnov, M. A., 2011. [Legislative powers of the President of Russia: necessity or servility?]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozreniye* = [Comparative Constitutional Review], 4, pp. 91–103. (In Russ.)

Loshkarev, I. O., Smagin, A. A., 2018. The order of election of the President of the Russian Federation: constitutional and civil-law aspects. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* = [Problems of Economics and Legal Practice], 3, pp. 119–123. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Корнев Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Российского государственного университета правосудия имени Н. В. Витрука (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), главный редактор журнала «Правосудие/Justice».

Viktor N. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Editor-in-Chief of the Journal “Pravosudie/Justice”.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 21.03.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 27.04.2024.

The article was submitted 21.03.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 27.04.2024.

Научная статья

УДК 342.3

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.98-108

Правовое обеспечение суверенитета в цифровом пространстве

Дмитрий Игоревич Провалинский

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
dmi38288850@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Суверенитет, т. е. независимое от воли иных внешних субъектов существование государства, во все времена являлся целью для общества, объединенного, кроме всего прочего, проживанием в границах собственной территории. В условиях глобализации традиционных факторов сохранения государственного суверенитета становится уже недостаточно. Серьезной причиной, способной оказывать влияние на суверенитет государства, является развитие цифровых технологий.

Теоретические основы. Методы. Предметом настоящего исследования являются теоретико-юридические аспекты обеспечения суверенитета в цифровом пространстве как одного из факторов государственного суверенитета. Исследование проведено на основе методов логического и юридического анализа. С их помощью были выделены составляющие цифрового суверенитета, которые условно можно разделить на две группы: 1) информационная безопасность; 2) технологический суверенитет.

Результаты исследования. Цифровое пространство имеет присущие ему особенности: в отличие от физического, оно не имеет территориальных границ; в своем объеме зависит только от технических возможностей электронно-вычислительных машин. По причине отсутствия с самого начала формирования сети «Интернет» осознания всеми без исключения государствами и мировым сообществом в целом опасности неконтролируемого правом и моралью поведения пользователей цифровое пространство приобрело образ «зазеркалья», в котором традиционное понимание права и правопорядка размыто, искажено либо вовсе отсутствует. В то же время современное цифровое пространство является своеобразным продолжением «традиционного» физического мира и ввиду своих свойств является одной из составляющих обеспечения государственного суверенитета.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования сделаны следующие выводы: для обеспечения цифрового суверенитета Российской Федерации необходимы: 1) теоретическая разработка концепции правового регулирования цифрового пространства; 2) формирование условий по развитию технологической самостоятельности в отраслях микроэлектроники и программного обеспечения; 3) выработка и реализация государственной политики по активному пре-

быванию в цифровом пространстве в качестве равноправного участника таких правоотношений посредством продвижения собственных интересов в глобальной телекоммуникационной сети «Интернет».

Процесс правового регулирования правоотношений в цифровом пространстве со стороны государства должен строиться не только на принципе достижения доступности контента, но и на принципе обеспечения качества его содержания.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое пространство, правоотношения, правоотношения в цифровом пространстве, суверенитет, цифровой суверенитет, правовое регулирование цифровых правоотношений

Для цитирования: Провалинский Д. И. Правовое обеспечение суверенитета в цифровом пространстве // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. С. 98–108. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.98-108.

Original article

Legal Support for Sovereignty in the Digital Space

Dmitry I. Provalinsky

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
dmi38288850@yandex.ru

Abstract

Introduction. Sovereignty, that is, the existence of a state independent of the will of other external entities has at all times been the goal for a society united, among other things, by living within the boundaries of its own territories. In the context of globalization, traditional factors of preserving state sovereignty are no longer enough. A serious reason that can influence the sovereignty of a state is the development of technology, namely digital technology.

Theoretical Basis. Methods. The subject of this study is the theoretical and legal aspects of ensuring sovereignty in the digital space, as one of the factors of state sovereignty. The study was conducted based on methods of logical and legal analysis. With their help, the components of digital sovereignty were identified, which can be divided into two groups: 1) information security; 2) technological sovereignty.

Results. Digital space has its own characteristics: unlike physical space, it has no territorial boundaries and its volume depends only on the technical capabilities of electronic computers. Due to the lack of awareness from the very beginning of the formation of the Internet on the part of all states without exception and the world community as a whole of the danger of user behavior uncontrolled by law and morality, the digital space has acquired the image of a “through the looking glass”, in which the traditional understanding of law and order is blurred, distorted or completely absent. At the same time, the modern digital space is a kind of continuation of the “traditional” physical world and, due to its properties, is one of the components of ensuring state sovereignty.

Discussion and Conclusion. Based on the results of the study, the following conclusions were drawn: to ensure the digital sovereignty of the Russian Federation, it is necessary: 1) theoretical development of the concept of legal regulation of the digital space; 2) creating conditions for the development of technological independence in the microelectronics and software industries; 3) development and implementation of

state policy on active presence in the digital space as an equal participant in such legal relations by promoting one's own interests in the global telecommunications network Internet.

The process of legal regulation of legal relations in the digital space by the state should be built not only on the principles of achieving accessibility of content, but also ensuring the quality of its content.

Keywords: digitalization, digital space, legal relations, legal relations in the digital space, sovereignty, digital sovereignty, legal regulation of digital legal relations

For citation: Provalinsky, D. I., 2024. Legal support for sovereignty in the digital space. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 98–108. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.98-108.

Введение

На протяжении всей истории существования государства как формы организации человеческого общества традиционно самые серьезные усилия прилагались к тому, чтобы обеспечить его независимое от воли иных внешних субъектов существование, т. е. суверенитет.

Факторами, определяющими возможность отстаивания и сохранения собственного суверенитета, выступали не только сильная государственная власть, но и уровень развития экономики, наличие боеспособной армии, духовное единение общества посредством совместной с государственными структурами деятельности различных идеологических институтов (в том числе церкви), наличие военных союзов на определенных этапах и в более позднее время – создание международных организаций, призванных обеспечивать соблюдение интересов государств-участников.

Однако с недавнего времени, а именно с начала эпохи глобализации, этих факторов сохранения государственного суверенитета становится уже недостаточно. Не затрагивая существо экономических и политических факторов, этому способствующих, отметим, что в современном мире серьезной причиной, способной оказывать влияние на суверенитет государства, является развитие технологий, а в интересующем нас аспекте – именно цифровых технологий (развитие и расширение влияния глобальной телекоммуникационной сети «Интернет», цифровизация общественных отношений, создание и применение так называемого искусственного интеллекта и др.).

На обеспечении суверенитета в цифровом пространстве как одного из факторов государственного суверенитета следует остановиться подробнее.

Теоретические основы. Методы

Напомним, что под *суверенитетом* понимается независимость государства во внешних и верховенство государственной власти во внутренних делах [Провалинский, Д. И., 2020, с. 52]. Государство обладает собственной властью, государственная власть является верховной, распространяется на всю территорию, занимаемую соответствующим государством.

Применительно к понятию суверенитета в цифровом пространстве в научной литературе наряду с термином «цифровой» встречаются такие, как

«технологический», «сетевой», «компьютерный», «информационный», «кибернетический», зачастую они используются как синонимы. Не вовлекаясь в дискуссию на предмет обсуждения терминологических и лингвистических значений данных понятий, а также правильности их применения в научной литературе, в нашем исследовании мы будем использовать термин «цифровой суверенитет». На наш взгляд, из перечисленных только он соответствует требованию юридической техники о недопустимости использования терминов, которые имеют или в зависимости от ситуации могут иметь различные смысловые оттенки (значения).

Принимая во внимание, что понятие «цифровой» означает дословно: «использующий технологии, инфраструктуру и данные, основанные на или используемые при помощи электронных компьютерных технологий» [Peters, B., 2016, p. 94], а также учитывая приведенную выше дефиницию термина «суверенитет», считаем возможным предложить следующее авторское определение понятия «цифровой суверенитет»: это верховенство суверенного государства в лице государственной власти над использованием цифровых технологий, компьютерной техники и мобильных устройств связи в целях отстаивания национальных интересов государства, общества и граждан в цифровом пространстве.

Результаты исследования

Отметим, что ввиду множества обстоятельств заявленная тема недостаточно разработана, в процессе ее исследования вскрывается множество специфических вопросов, находящихся в плоскости как технических, так и общественных наук, каждая из которых изучает собственный предмет исследования изолированно друг от друга. И в этом, на наш взгляд, кроется основная проблема. Вместе с тем отдельные теоретические исследования вполне укладываются в рамки исключительно юридической науки, и необходимы они, прежде всего, в целях разработки единого категориального аппарата во избежание подмен и манипуляций понятиями, которые способны повлечь за собой далеко идущие негативные последствия, в том числе для государственного суверенитета.

Следует напомнить, что классическое понимание понятия «суверенитет» неразрывно связано с таким признаком государства, как наличие собственной территории.

Цифровое же пространство, в отличие от физического, на территории которого и существует то или иное государство, не только не имеет каких-либо ограничений в своем объеме (за исключением технических возможностей электронно-вычислительных машин), но, кроме всего прочего, не обладает естественными границами. Это и позволяет пользователям глобальной телекоммуникационной сети «Интернет» беспрепятственно в режиме реального времени взаимодействовать с пользователями, находящимися не только в пределах одного поселения или государства, но и за его пределами, а также в значительно отдаленных уголках мира.

Образно говоря, если известное нам физическое пространство трехмерное, то цифровое пространство выступает в качестве своеобразного «окна»

в четвертое измерение, за которым ввиду отсутствия (с самого начала и на протяжении уже значительного отрезка времени) осознания всеми без исключения государствами и мировым сообществом в целом опасности не контролируемого правом и моралью поведения пользователей в сети «Интернет» уже прочно закрепился образ «зазеркалья», где традиционное понимание права и правопорядка размыто, искажено либо вовсе отсутствует.

Такое состояние неопределенности, и прежде всего правовой, порождает множество проблем, а также вызывает большое количество вопросов, основные из которых можно сформулировать следующим образом. В чьей юрисдикции должно находиться цифровое пространство? Должны ли оно и его участники кому-то вообще подчиняться?

Следует отметить, что за время существования интернет-пространства по этому вопросу были высказаны некоторые позиции.

Так, согласно «Декларации независимости киберпространства», предложенной Джоном Барлоу [Barlow, J. P., 1996, p. 1–2], глобальная сеть «Интернет» выходит за рамки государственного суверенитета, а соответственно, и за рамки правового регулирования, т. е. интернет должен быть независим от государственного вмешательства. Ведь, как утверждает данный автор, глобальная сеть «Интернет» появилась и существует без какого-либо участия государства.

В момент своего появления (1996 г.) идеи, изложенные в названной Декларации, были восприняты простыми пользователями в качестве идеологии выстраивания фактических цифровых правоотношений и отчасти послужили основой для закрепления на долгие годы за глобальной сетью «Интернет» статуса анархического образования без установленного правового регулирования.

Популярность данной Декларации была обусловлена (по крайней мере, в западном сегменте цифрового пространства) еще и тем, что начиная с июня 1990 г., считающегося годом появления глобальной сети «Интернет», правительство США стало разрабатывать и вводить определенные правовые регуляторы деятельности отдельных интернет-ресурсов, а именно: интернет-ресурсов, посвященных азартным играм, а также интернет-ресурсов, содержащих и распространяющих контент эротической и порнографической направленности.

Согласно концепции «Народного суверенитета», изложенной Милтоном Мюллером [Mueller, M., 2017], носителями суверенитета в цифровом пространстве должны стать люди, т. е. простые пользователи глобальной сети «Интернет», а никак не национальные государства. Основным же регулятором фактических правоотношений в цифровом пространстве, по мнению автора идеи, могут выступить «Форум по управлению интернетом» (Internet governance forum, IGF) или профильные организации, такие как Корпорация по присвоению доменных имен (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers (ICANN)).

Данная концепция продвигает идею вытеснения государства из классической парадигмы «государство – общество – личность» и передачи его функций по управлению и правовому регулированию правоотношений,

складывающихся в цифровом пространстве, так называемым «независимым» организациям. Предлагаемая модель управления цифровым пространством вызывает больше вопросов, нежели ответов. Например, на каких принципах права должны выстраиваться и какими нормами права должны регулироваться цифровые правоотношения? Насколько подобные «независимые» организации сами независимы в своей деятельности от вмешательства каких-либо государств и их политических элит, а также от надгосударственных политических образований?

Внятных ответов на эти и многие другие вопросы, которые возникают по мере распространения влияния цифровизации на все без исключения аспекты жизнедеятельности человеческого общества, пока не имеется.

В процессе поиска истины не следует забывать, что современное цифровое пространство является своеобразным продолжением «традиционного» физического мира и ввиду своих свойств является одной из составляющих обеспечения государственного суверенитета. Поэтому в идеале цифровое пространство должно как находиться под национальным управлением (причем приоритетно), так и сохранять многостороннее управление через создаваемые независимые международные совещательные организации (площадки) по регулированию фактических цифровых правоотношений и разрешению спорных вопросов, основанному на принципах и нормах международного права.

Такая схема регулирования складывающихся в цифровом пространстве фактических правоотношений позволит: во-первых, сохранить традиционную схему государственного управления «государство – общество – личность»; во-вторых, снизить риски утраты государственного суверенитета, по крайней мере в цифровом пространстве; в-третьих, защитить своих граждан от неправомерного вмешательства извне в их личностные и правовые интересы.

Подтверждением жизнеспособности данной модели правового и индивидуального правового регулирования правоотношений в цифровом пространстве служит многолетняя практика ряда государств.

Так, общеизвестным является опыт *Китайской Народной Республики*, установившей внешний firewall, который блокирует пользователям из Китая доступ к западным интернет-ресурсам, а именно – цифровым площадкам, находящимся под управлением американских корпораций (например, Google, Facebook, Instagram и др.). Данное ограничение обусловлено исключительно политическими мотивами коммунистической партии Китая по ограждению граждан КНР от западной антикитайской и антикоммунистической пропаганды.

Еще в 2014 г. президент *Бразилии* Дилма Русеф представила план вывода бразильского сегмента интернета из-под влияния США и американских IT-компаний [Rhodes, S. D., Armijo, L. E., 2014].

В последние годы все чаще стали обращать внимание на необходимость укрепления цифрового суверенитета и в ряде европейских государств.

Так, в 2013 г. после скандала, связанного с выявлением установленной спецслужбами США прослушки личного сотового телефона действовав-

шего тогда канцлера Германии Ангелы Меркель, а также международного скандала вокруг обнародования бывшим сотрудником ЦРУ и Агентства национальной безопасности США Эдвардом Сноуденом информации о тотальной слежке американских спецслужб за информационными коммуникациями по всему миру в ФРГ был инициирован процесс по созданию немецкой системы обмена электронными сообщениями [Rhodes, S. D., Armijo, L. E., 2014].

Во Франции после взлома в ходе предвыборной кампании 2017 г. базы данных правительства последним были выделены средства на разработку шифруемого правительственного мессенджера¹.

По аналогичным основаниям призывы к собственному правительству о выработке стратегий по укреплению цифрового суверенитета высказываются и в Канаде [Obar, J. A., Clement, A., 2013, p. 3–10].

Важно отметить и то, что в Российской Федерации также ведется работа по укреплению цифрового суверенитета. Особое внимание уделяется развитию программ информационной безопасности в связи с наводнением в последнее время цифрового пространства вредоносным контентом и недостоверной информацией (fake news), а также активным распространением мошенничества в сети. Функции по осуществлению индивидуального правового регулирования правоотношений в российском сегменте цифрового пространства выполняет специально созданный государственный орган – Роскомнадзор. Но даже при всей очевидности данной проблемы на сегодняшний день, за исключением отдельных правовых актов², у нас не выработаны ни единая политика, ни программа по развитию и укреплению цифрового суверенитета Российской Федерации.

Об этом свидетельствует и не увенчавшаяся каким-либо реальным успехом предпринятая Роскомнадзором в 2018 г. попытка заблокировать мессенджер Telegram, вызванная отказом руководства данного мессенджера в предоставлении доступа к ключам шифрования сообщений, отправляемых пользователями, которая в результате привела лишь к одномоментной блокировке российским пользователям доступа к 18 млн IP-адресов в сети «Интернет» и ухудшению работы совершенно иных интернет-ресурсов для пользователей из России и сподвигла часть из них на использование так называемых VPN-прокси серверов, алгоритм работы которых построен на

¹ Publication sur la souveraineté technologique (Janvier 2018). URL: <https://aar.fr/revue/article/publications-souverainete-technologique-janvier-2018/> (дата обращения: 08.01.2024).

² См.: Указ Президента Российской Федерации от 30 марта 2022 г. № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203300001?index=1> (дата обращения: 08.01.2024) ; Указ Президента Российской Федерации от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205010023> (дата обращения: 08.01.2024).

генерировании виртуального IP-адреса пользователя, что достаточно легко позволяет обходить такие блокировки [Провалинский, Д. И., 2019].

В связи с открытой информационной войной, развернутой западными политическими элитами в цифровом пространстве против Российской Федерации, начиная с первых дней проведения специальной военной операции (24 февраля 2022 г.), со стороны нашего государства также последовали блокировки ряда зарубежных интернет-ресурсов (Instagram и Facebook), которые целенаправленно нарушали не только установленные собственные правила цифровых сообществ, но и действующие российские законы.

Безусловно, с технической точки зрения, используя специальное программное обеспечение, любой пользователь достаточно легко может обойти данную блокировку и получить доступ к указанным ресурсам, но определенный эффект все же был достигнут: за один год блокировки интернет-трафик из России на указанные интернет-ресурсы был снижен в несколько раз³.

Следует отметить, что приведенные примеры далеко даже не вершина айсберга тех задач и проблем обеспечения цифрового суверенитета, которые стоят перед Российской Федерацией. Условно их можно разделить на две группы.

Первая из них – информационная безопасность, которая заключается в защите персональных данных, противодействии распространению недостоверной информации (fake news) и деятельности так называемых «кибер-войск», т. е. подразделений иностранных государств, занимающихся подрывной информационной деятельностью против России (например, деятельность украинского ЦИПСО).

Вторая – проблемы технологического суверенитета. В нашем случае это отсутствие массового производства и научных разработок в области микроэлектроники, программного обеспечения, развития так называемого искусственного интеллекта и т. д.

Важно отметить, что определенное внимание со стороны государства и активность в указанной сфере все же имеют место⁴, но, как и во многих других сферах, это происходит лишь после начала специальной военной операции и введения рекордного числа санкций со стороны западных государств против Российской Федерации.

Выводы

На наш взгляд, для полноценного обеспечения цифрового суверенитета Российской Федерации необходимы не только создание государственных программ или принятие «одиночных» правовых актов, но и:

³ За год блокировки аудитория Instagram упала в 5 раз, а Facebook – в 3,5 раза URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2023/03/04/965272-auditoriya-instagram-upala> (дата обращения: 08.01.2024).

⁴ Правительство выделит около 1,2 млрд рублей на поддержку индустрии искусственного интеллекта. URL: <http://government.ru/docs/49737/> (дата обращения: 08.01.2024).

- теоретическая разработка концепции правового регулирования цифрового пространства;
- формирование условий по развитию технологической самостоятельности в отраслях микроэлектроники и программного обеспечения;
- выработка и реализация государственной политики по активному пребыванию в цифровом пространстве в качестве равноправного участника таких правоотношений посредством продвижения собственных интересов в глобальной телекоммуникационной сети «Интернет», наполнения цифрового пространства материалами (контентом), формирующими положительный имидж российского государства, как минимум в русскоязычном сегменте цифрового пространства, а в перспективе – и в других сегментах глобальной сети «Интернет».

Процесс правового и индивидуального правового регулирования правоотношений в цифровом пространстве со стороны государства должен строиться не только на принципе достижения доступности контента, но и на принципе обеспечения качества его содержания, как минимум – с установлением фильтров (цензов) возрастных, а в перспективе – и тематических.

В такой ситуации речь уже будет идти уже не о выдавливании государства из традиционной парадигмы «государство – общество – личность», а о необходимости поиска, разработки и внедрения принципов и норм права, направленных на обеспечение и поддержание суверенитета российского государства в современных цифровых реалиях.

Список источников

Провалинский Д. И. Некоторые проблемы, связанные с реализацией прав человека в сети «Интернет» // Енисейские политико-правовые чтения : сб. науч.ст. по материалам XII Всерос.науч.-практ. конф. (20–21 сент. 2019 г.) / отв. ред. Г. А. Москалев, Е. А. Акунченко. Красноярск : Обществен. комитет по защите прав человека, 2019. С. 83–91. ISBN: 978-5-9500618-5-1.

Провалинский Д. И. Теория государства и права в таблицах и схемах : учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов. Казань : Бук, 2020. 510 с. ISBN: 978-5- 00118-562-8.

Barlow J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace // Electronic Frontier Foundation, 1996. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 08.01.2024).

Mueller M. Will the Internet Fragment? Sovereignty, Globalization, and Cyberspace. Cambridge, UK : Polity. 2017. 140 p.

Obar J. A., Clement A. Internet Surveillance and Boomerang Routing: A Call for Canadian Network Sovereignty // TEM 2013 : Proceedings of the Technology & Emerging Media Track – Annual Conference of the Canadian Communication Association (Victoria, June 5–7, 2012) / eds. P. Ross, J. Shtern. URL: <https://papers.ssrn.com/abstract=2311792> (дата обращения: 08.01.2024).

Peters B. *Digital // Digital Keywords: A Vocabulary of Information Society and Culture* / ed. B. Peters. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2016. P. 93–108. ISBN: 9780691167336.

Rhodes S. D., Armijo L. E. *Brazilian leadership and the global Internet // AULA Blog*. URL: <https://aulablog.net/2014/04/28/brazilian-leadership-and-the-global-internet/> (дата обращения: 08.01.2024).

References

Barlow, J. P., 1996. A Declaration of the Independence of Cyberspace. *Electronic Frontier Foundation*. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (Accessed: 08.01.2024).

Mueller, M., 2017. *Will the Internet Fragment? Sovereignty, Globalization, and Cyberspace*. Cambridge, UK: Polity. 140 p.

Obar, J. A., Clement A., 2013. Internet Surveillance and Boomerang Routing: A Call for Canadian Network Sovereignty. In: P. Ross, J. Shtern, eds. *TEM 2013: Proceedings of the Technology & Emerging Media Track – Annual Conference of the Canadian Communication Association (Victoria, June 5–7, 2012)*. URL: <https://papers.ssrn.com/abstract=2311792> (Accessed: 08.01.2024).

Peters, B., 2016. Digital. In: B. Peters, ed. *Digital Keywords: A Vocabulary of Information Society and Culture*. Princeton, NJ: Princeton University Press. P. 93–108. ISBN: 9780691167336.

Provalinsky, D. I., 2019. Some problems associated with the implementation of human rights on the Internet. In: G. L. Moskalev, E. A. Akunchenko, ed. *Enisejskie politiko-pravovye chteniya* = [Yenisei political and legal readings]. Collection of scientific articles based on materials of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference (September 20–21, 2019). Krasnoyarsk: Public Committee for the Protection of Human Rights. Pp. 83–91. (In Russ.) ISBN: 978-5-9500618-5-1.

Provalinsky, D. I., 2020. *Teoriya gosudarstva i prava v tablitsakh i skhemakh* = [Theory of state and law in tables and diagrams]. Textbook for students, undergraduates and graduate students. Kazan: Buk. 510 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-00118-562-8.

Rhodes, S. D., Armijo, L. E., 2014. Brazilian leadership and the global Internet. *AULA Blog*. URL: <https://aulablog.net/2014/04/28/brazilian-leadership-and-the-global-internet/> (Accessed: 08.01.2024).

Информация об авторе / Information about the author

Провалинский Дмитрий Игоревич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Dmitry I. Provalinsky, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 18.01.2024; дата одобрения после рецензирования: 19.02.2024; дата принятия статьи к опубликованию: 27.04.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 27.04.2024.

Научная статья

УДК 346.7

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.109-120

О совершенствовании системы инновационной деятельности в Министерстве обороны Российской Федерации: перспективы реализации модели «стартап-студия»

**Алексей Владимирович Барков^{1, 2},
Яна Сергеевна Гришина³**

¹ Военный университет имени князя Александра Невского, Министерство обороны Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

³ Российский государственный университет правосудия, Москва, Российская Федерация

¹ barkov_a_v@mail.ru, ³ grishinel@inbox.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы исследования в сложных военно-политических условиях обусловлена необходимостью совершенствования системы инновационной деятельности Министерства обороны Российской Федерации.

Методы. При написании статьи использовался широкий спектр общенаучных, частных научных и специальных методов исследования.

Результаты исследования. Обобщение передового правотворческого и правоприменительного опыта реализации специальными подразделениями по инновационному развитию Министерства обороны США концепции «Предпринимательского университета» («Университета 3.0») позволило положительно оценить перспективы встраивания Министерства обороны Российской Федерации в инновационную модель «стартап-студия», ориентированную на разработку перспективных новаторских технологий двойного назначения, реализуемую в настоящее время Фондом инфраструктурных и образовательных программ совместно с Минобрнауки России. Обоснован вывод: встраивание Министерства обороны в апробированную финансовую модель способно усилить привлекательность сотрудничества для всех сторон партнерства (инвестора, университета, студентов, представителей оборонно-промышленного комплекса, государства) в плане потенциальной возможности участия в оборонном заказе, карьерного роста в научно-исследовательских структурах оборонно-про-

мышленного комплекса и военного ведомства, использования научно-исследовательской инфраструктуры Технополиса, дополнительных инвестиций через ООО «Фонд ЭРА». Одновременно это обусловит совершенствование системы развития инновационной деятельности Министерства обороны и обороноспособности государства.

Обсуждение и заключение. Разработаны рекомендации по совершенствованию модели инновационной деятельности малых университетских предприятий – «стартап-студия», адаптированной под потребности Минобороны России, представленные в виде авторской концепции нормативного правового акта.

Ключевые слова: Министерство обороны Российской Федерации, инновационная деятельность, университетское инновационное предприятие, стартап-студия

Для цитирования: Барков А. В., Гришина Я. С. О совершенствовании системы инновационной деятельности в Министерстве обороны Российской Федерации: перспективы реализации модели «стартап-студия» // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. С. 109–120. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.109-120.

Original article

On Improving the Innovation System in the Ministry of Defense of the Russian Federation: Prospects for the Implementation of the Startup Studio Model

Alexey V. Barkov^{1, 2}, Yana S. Grishina³

¹ Prince Alexander Nevsky Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

³ Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

¹ barkov_a_v@mail.ru, ² grishinel@inbox.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research topic in difficult military and political conditions is determined by the need to improve the innovation system in the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Methods. When writing the article, a wide range of general scientific, private scientific and special research methods were used.

Results. The generalization of advanced law-making and law enforcement experience in the implementation by special units for innovative development of the US Department of Defense of the concept of “Entrepreneurial University” (“University 3.0”), allowed us to positively assess the prospects for embedding the Ministry of Defense of the Russian Federation in the innovative model “startup studio”, focused on the development of promising innovative dual-use technologies, currently implemented by the Fund for Infrastructure and educational programs jointly with the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The conclusion is substantiated that the inte-

gration of the Ministry of Defense into a proven financial model can enhance the attractiveness of cooperation between all parties to the partnership (investor, university, students, representatives of the defense industry, the state) in terms of the potential opportunity to participate in the defense order, career growth in the research structures of the defense industry and the military department, the use of the research infrastructure of Technopolis, additional investments through the ERA Foundation LLC, This will have a positive impact on improving the innovation development system of the Ministry of Defense and the state's defense capability.

Discussion and Conclusion. Recommendations have been developed to improve the model of innovative activity of small university enterprises – “startup studio”, adapted to the needs of the Ministry of Defense of the Russian Federation, presented in the form of an author's concept of a regulatory legal act.

Keywords: Ministry of Defense of the Russian Federation, innovation activity, university innovation enterprise, startup studio

For citation: Barkov, A. V., Grishina, Ya. S., 2024. On improving the innovation system in the Ministry of Defense of the Russian Federation: prospects for the implementation of the startup studio model. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 109-120. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.109-120.

Введение

Актуальность правового обеспечения развития системы инновационной деятельности в Министерстве обороны Российской Федерации в условиях накалившейся в последнее время до опасных пределов агрессивной политики США и их сателлитов по блоку НАТО, угрожающей суверенитету Российской Федерации, не может вызывать сомнений. Ведь обеспечение национальной безопасности государства очевидно требует высочайшего уровня инновационно-технологического оснащения Вооруженных Сил Российской Федерации новейшими системами и комплексами вооружения, военной и специальной техники, способными отразить весь спектр сгущающихся военных угроз. Очевидно, что высочайшей степени инновационно-технологического оснащения должен соответствовать и уровень инновационной деятельности в Минобороны России.

В Министерстве обороны организацию «...деятельности по инновационному развитию в области обороны, сопровождению научно-технических и инновационных программ и проектов в установленной сфере деятельности, а также созданию условий для их реализации»¹ призвано осуществлять Главное управление инновационного развития Министерства обороны Российской Федерации (ГУИР МО РФ). В целом система организации инновационной деятельности в Минобороны России создана. Данная система базируется на следующих «...основных составляющих: мониторинг новейших разработок и технологий, отбор, экспертиза, апробация инновационных проектов и внедрение лучших из них в образцы вооружения, военной

¹ Главное управление инновационного развития Министерства обороны Российской Федерации. URL: https://structure.mil.ru/structure/ministry_of_defence/details.htm?id=11376@egOrganization (дата обращения: 09.01.2024).

и специальной техники» [Попов, П. А., 2022]. Вместе с тем некоторые элементы этой системы, например механизм взаимодействия с субъектами инновационной деятельности, малыми инновационными предприятиями, нуждаются в совершенствовании. При совершенствовании этого элемента системы инновационной деятельности в Минобороны России может учитываться зарубежный опыт вероятного противника, в частности США.

Методы

Методологическую основу исследования составляют общие логические методы познания социально-правовых явлений (анализ, синтез, обобщение, систематизация и др.), а также общие научные, частные научные и специальные методы – формально-юридический, логический, сравнительно-правовой, межотраслевой и другие, применяемые в комплексе, позволившие обеспечить разработку авторской концепции правового обеспечения некоторых направлений совершенствования системы инновационной деятельности Министерства обороны Российской Федерации.

Результаты исследования

Одной из наиболее перспективных и известных во всем мире форм взаимодействия с субъектами инновационной деятельности представляется формирование модели, идеологически соответствующей концепции, получившей название «Предпринимательский университет» или «Университет 3.0». Наиболее известной концептуальной основой подобной модели, основанной на партнерском взаимодействии гражданского общества (университетского научного сообщества), бизнеса и государства в лице Министерства обороны, признается теория «тройной спирали» (англ. triple helix), авторами которой стали Генри Ицковиц и Лойет Лейдесдорф [Etzkowitz, H., Leydesdorff, L., 2000]. Эта правовая модель является усовершенствованной конструкцией государственно-частного партнерства [Барков, А. В., Соколов, А. П., 2021]. Для успешного развития этой конструкции в США разработана обширная законодательная база. Одним из первых и наиболее значимых нормативных актов в области обеспечения развития государственно-частного партнерства в инновационной сфере является Закон Бэя – Доула 1980 г. (The Bayh-Dole Act of 1980²).

Практическая реализация концепции «Университет 3.0» успешно осуществлена Министерством обороны США [Барков, А. В., Соколов, А. П., 2021, с. 93–98], в первую очередь в калифорнийской Кремниевой долине (англ. Silicon Valley), крупнейшем технологическом центре, инновационном кластере, привлекающем не менее трети всех венчурных капиталовложений, производящихся в Штатах [Акопян, А. Р., 2016, с. 162–163]. На этой концептуальной основе сегодня в США происходит модернизация системы оборонных закупок Better Buying Power 3.0 (BBP-3.0) (Лучшая покупатель-

² The Bayh-Dole Act of 1980. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-110hhrg36592/pdf/CHRG-110hhrg36592.pdf> (дата обращения: 09.01.2024).

ная способность 3.0), девизом которой выступает тезис: «Достижения конкурентных преимуществ через техническое совершенство и инновации»³.

Курирует разработку перспективных технологий и инновационных разработок двойного назначения специально созданный для этих целей департамент Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA) (Управление перспективных исследовательских проектов) (аналог российского ГУИР МО РФ), входящий в структуру высшего руководства Министерства обороны США. Его годовой бюджет сегодня составляет 3,5 млрд долл., а количество одновременно администрируемых программ – около 250 [Сафонов, С., 2024].

Для лучшей координации военно-инновационного развития Пентагона дополнительно были сформированы следующие спецподразделения: Экспериментальный блок по оборонным инновациям (англ. Defense Innovation Unit Experimental – DIUx), Управление развития стратегических возможностей (англ. Strategic Capabilities Office), Комитет по оборонным инновациям (англ. Defense Innovation Board – DIB) и Центр оборонной технической информации (Defense Technical Information Center – DTIC). При этом в целях оперативного взаимодействия между Министерством обороны и малыми инновационными предприятиями «Предпринимательского университета» штаб-квартиры этих спецподразделений расположены непосредственно в офисах Кремниевой долины⁴.

Достоинства модели, сконструированной на базе концепции «тройной спирали», заключаются в том, что в ней наглядно отображается динамика взаимодействия Минобороны США «со всеми субъектами инновационной деятельности (университетом, бизнесом и государством) на каждом этапе создания инновационного продукта “жизненного цикла инновационной деятельности”, в котором “инновации рождают инновации”. Инновационные университеты при финансовой поддержке государства и бизнеса генерируют новые идеи, а инновационный продукт, имеющий двойное назначение, создаваемый малыми университетскими инновационными предприятиями, оказывается востребованным в оборонной промышленности, нацеленной на обеспечение военного превосходства США» [Барков, А. В., Соколов, А. П., 2021, с. 98]. Государство стимулирует партнерство налоговыми льготами и преференциями, в частности оставляя университетам патентные права на изобретения, профинансированные в значительной степени за счет федерального бюджета, что обеспечивает их конкурентоспособность на рынке двойных технологий [Ицковиц, Г., 2010],

³ Better Buying Power 3.0. Achieving Dominant Capabilities through Technical Excellence and Innovation. URL: file:///C:/Users/User1/Desktop/США/США%20закупки%203/ЕН3_S5_Better_Buying_Power_3.0_v2_CLP.pdf (дата обращения: 09.01.2024).

⁴ Рельсотроны Пентагона. Как работает система оборонных инноваций. URL: <https://newsland.com/user/4297693453/content/relsotronny-pentagona-kak-rabotaet-sistema-oboronnykh-innovation/5765771> (дата обращения: 09.01.2024).

Стабильная прибыль бизнеса обеспечивается коммерциализацией инновационного продукта, дошедшего до потребителя. Двойное (военное и гражданское) назначение перспективных технологий и инновационных разработок гарантирует высокий уровень жизни населения. Многие из используемых во всем мире перспективных технологий и инновационных разработок были созданы по заказу Пентагона. К примеру, это не только широко известные «интернет или глобальные системы геолокации GPS», но также «шоколадные конфеты, которые тают во рту, а не в ладонях», которые также создавались под оборонные потребности [Сафонов, С., 2024].

Подобное сотрудничество выгодно всем сторонам партнерства: государству, бизнесу, гражданскому обществу. При этом, по оценке экспертов, ведущая роль в концепции «тройной спирали» остается за «Предпринимательским университетом», стремящимся к наращиванию коммерциализации своих исследований [Ицковиц, Г., 2011]. Однако «сливки» от этого государственно-частного сотрудничества традиционно снимает Минобороны США, использующее инновации для укрепления военного потенциала.

Следует подчеркнуть: мы не призываем к копированию этой американской модели, однако она заслуживает внимания, поскольку в настоящее время США занимают лидирующие позиции в инновационном развитии, и игнорировать этот опыт недопустимо.

По оценке экспертов, «американский венчурный рынок с объемом \$164 млрд (оценка NVCA) занимает примерно половину от глобального, а соотношение венчурных инвестиций к ВВП в США приближается к 1%, что превышает показатели других крупных развитых стран. Для сравнения: в России данный показатель составляет лишь 0,02%» [Сафонов, С., 2024].

Опыт Китайской Народной Республики показывает, что страна не смогла бы выйти на лидирующие инновационные позиции, если бы не извлекла уроки из ошибок США и не воспроизвела только сильные стороны американской модели. Поэтому и создание в структуре ГУИР МО РФ подразделения, аналогичного Центру оборонной технической информации Пентагона, нацеленного на консультационное сопровождение инновационных проектов, видится целесообразным.

Есть основания считать, что критическое осмысление, с учетом российской национальной действительности, и реализация наиболее перспективных идей концепции «тройной спирали» при модернизации взаимодействия Минобороны России с организациями Российской Федерации для ускоренного внедрения перспективных технологий и инновационных разработок позволят обогатить действующую систему инновационной деятельности в Министерстве обороны Российской Федерации на всех этапах инновационного жизненного цикла новыми моделями взаимодействия.

Следует отметить, что сегодня подобная модель инновационной деятельности реализуется Фондом инфраструктурных и образовательных программ, курирующим инновационные проекты в рамках федерального проекта «Платформа университетского технологического предприниматель-

ства»⁵, предназначенного для грантовой поддержки высокотехнологичных стартап-проектов студентов. Достоинство модели «стартап-студия» в контексте реализации концепции «Предпринимательский университет» заключается в том, что она совмещает в себе функции предпринимателя и инвестора. Капитал, полученный от продажи первых компаний, реинвестируется в создание новых стартапов. Сопровождение стартапов на всех этапах инвестиционного цикла помогает избежать стереотипных ошибок.

Данная инновационная модель представляется взаимовыгодной всем участникам проекта. У студента появляется возможность попробовать себя в роли предпринимателя в реальном инновационном проекте, с реальными деньгами и в защищенных условиях, а значит, получить на практике все навыки и знания, нужные для создания технологического бизнеса, и заработать в случае успеха проекта. Преимущества инвестора – получить доступ к проверенным командам с проверенными бизнес-гипотезами и готовыми прототипами продуктов, на порядок снизить риск ошибочных инвестиций, вкладываясь только в валидированные бизнес-гипотезы. У студентов университета больше возможностей осуществить привлекательную и актуальную карьерную траекторию, реализовать концепцию «стартап как диплом». Этот опыт сегодня положительно оценивается многими экспертами [Александрова, А. Р., 2024; Арташина, И. А., Жулькова, Ю. Н., 2023; Попов, А. Н., 2020; Радыгина, С. В., 2022], связывающими новаторскую практику с инструментарием обеспечения технологического суверенитета России.

Финансовая основа поддержки этой модели в настоящее время установлена постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июля 2022 г. № 1225 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета Фонду инфраструктурных и образовательных программ в целях создания и поддержки инструментов университетского венчурного строительства (университетские «стартап-студии»), а также на финансовое обеспечение затрат, связанных с выполнением возложенных на него функций по организации мероприятий по популяризации федерального проекта»⁶ (далее – постановление Правительства № 1225). На наш взгляд, разработку предложений в проект нормативного правового акта, определяющего порядок взаимодействия Минобороны России с субъектами инновационной деятельности Российской Федерации, вполне обоснованно осуществить на этой апробированной правовой основе, но с учетом потребностей Министерства обороны и рекомендаций по обобщению подобного зарубежного опыта.

Разработка нормативного правового акта, определяющего порядок взаимодействия Минобороны России с университетскими «стартап-студиями», посредством встраивания военного ведомства в апробированную модель

⁵ Федеральный проект «Платформа университетского технологического предпринимательства». URL: <https://univertechpred.ru/> (дата обращения: 09.01.2024).

⁶ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421802/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 09.01.2024).

позволит осуществлять финансирование инновационных проектов двойного назначения вне рамок достаточно забюрократизированного и консервативного с правовой точки зрения оборонного заказа. Не потребуются также дополнительных бюджетных затрат, поскольку программа обеспечивается государством в рамках федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства».

Роль военного ведомства будет заключаться в формировании тематики перспективных оборонных инновационных исследований с четкой формулировкой тем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, адаптированных под конкретные потребности Министерства обороны, выявленных на основе анализа опыта специальной военной операции и заявок заинтересованных органов военного управления, экспертной оценке запроса на грант, консультационно-информационном сопровождении куратором проекта двойного назначения Минобороны – от этапа подачи заявки до его возможной реализации. Таким образом, Министерство обороны принимает на себя обязательства организатора конкурса и куратора инновационного проекта двойного назначения. В настоящее время эту роль играет в данной модели Министерство образования и науки.

Встраивание Министерства обороны в действующую модель предполагает разделение указанных полномочий Минобрнауки России с Министерством обороны в интересах обеспечения обороноспособности государства. Финансирование результатов инновационного проекта возлагается на Фонд инфраструктурных и образовательных программ, получающий субсидии из федерального бюджета на оказание государственной поддержки «стартап-студий» студенческого технологического предпринимательства. Методология формирования «стартап-студий» разрабатывается Фондом. Организацией инновационно-проектной деятельности, в соответствии с предложенной методологией и коммерциализацией ее результатов, занимается университет (образовательная организация высшего образования).

Обсуждение и заключение

С учетом высказанных замечаний в постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета Фонду инфраструктурных и образовательных программ на создание и оказание государственной поддержки университетских «стартап-студий» в интересах обеспечения национальной безопасности и обороноспособности», как представляется, должны быть концептуально определены следующие элементы:

- 1) цель предоставления гранта;
- 2) используемые понятия;
- 3) обязанности Министерства обороны Российской Федерации по организации конкурса;
- 4) правила подачи заявок на участие в конкурсе;
- 5) права и обязанности конкурсной комиссии;
- 6) порядок определения победителя конкурса, критерии и показатели оценки заявки на грант;

- 7) основания для отклонения заявки организации;
- 8) требования к организациям, подающим заявку на предоставление гранта;
- 9) финансовые обязательства Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по предоставлению грантов победителям конкурса;
- 10) содержание соглашения о предоставлении гранта;
- 11) показатели, необходимые для достижения результата предоставления гранта;
- 12) требования к концепции создания и развития университетской стартап-студии в интересах обеспечения национальной безопасности и обороноспособности;
- 13) основания для отказа в заключении соглашения о предоставлении гранта;
- 14) возможные направления финансового обеспечения целевых расходов;
- 15) отчетная документация, порядок ее предоставления и рассмотрения;
- 16) правила финансового контроля и обязательных проверок соблюдения организацией целей, условий и порядка предоставления гранта;
- 17) отсылочная норма, согласно которой порядок предоставления субсидий из федерального бюджета, финансовое обеспечение затрат, связанных с выполнением возложенных на Фонд инфраструктурных и образовательных программ функций по организации мероприятий по популяризации федерального проекта, расчет размера субсидий, подлежащих возврату в федеральный бюджет за недостижение значений результатов предоставления субсидий и показателей, необходимых для достижения результатов предоставления субсидий, будут определяться в соответствии с положениями постановления Правительства № 1225.

Встраивание Министерства обороны в эту финансовую модель с предложениями реализации перспективных направлений инновационных проектов военного и двойного назначения способно усилить привлекательность сотрудничества для всех сторон партнерства (инвестора, университета, студентов, представителей оборонно-промышленного комплекса) в плане потенциальной возможности участия в оборонном заказе, карьерного роста в научно-исследовательских структурах оборонно-промышленного комплекса и военного ведомства, использования научно-исследовательской инфраструктуры Технополиса, дополнительных инвестиций через ООО «Фонд ЭРА». Это обусловит также совершенствование системы развития инновационной деятельности военного ведомства.

Вместе с тем представляется, что моделирование встраивания Министерства обороны в конструкцию «стартап-студия» должно максимально учитывать и положительный зарубежный опыт. Есть основание полагать, что усовершенствованная модель инновационной деятельности «стартап-студия», адаптированная под потребности Министерства обороны Российской Федерации, сможет усилить действующую конструкцию, а в последующем, в случае успешной апробации, получить и закрепление в отдельном нормативном акте.

Список источников

- Акопян А. Р. Роль инновационных кластеров в развитии национальной экономики США // Вестник университета. 2016. № 6. С. 162–165.
- Александрова А. Р. Акселератор и стартап-студия как толчок развитию технологического предпринимательства в России // Молодой ученый. 2024. № 1 (500). С. 180–181.
- Арташина И. А., Жулькова Ю. Н. Практические аспекты формирования организационной модели студенческой стартап-студии // Региональная экономика: теория и практика. 2023. Т. 21, № 2. С. 304–326. <https://doi.org/10.24891/re.21.2.304>.
- Барков А. В., Соколов А. П. Зарубежный опыт государственно-частного партнерства в оборонно-промышленном комплексе и критическая оценка возможности его применения в России : моногр. М. : Унив. кн., 2021. 249 с. ISBN: 978-5-907413-61-0.
- Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. № 4. С. 5–10.
- Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии : пер. с англ. / под ред. А. Ф. Уварова. Томск : ТУСУР, 2010. 238 с. ISBN: 978-5-86889-528-9.
- Попов П. А. Инновационный потенциал для армии будущего // Красная звезда : [сайт]. URL: <http://redstar.ru/innovatsionnyj-potentsial-dlya-armii-budushhego/> (дата обращения: 09.01.2024).
- Попов А. Н. Стартап-студия как перспективная модель развития инноваций в контексте венчурных и корпоративных инноваций в России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. Вып. 80. С. 260–285. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10073.
- Радыгина С. В. Создание стартап-студии в качестве ключевого элемента инфраструктуры поддержки молодежного предпринимательства // Научные исследования и разработки. Экономика. 2022. Т. 10, № 2. С. 35–40. DOI: 10.12737/2587-9111-2022-10-2-35-40.
- Сафонов С. Военные инновации. Американские научные агентства обеспечивают весь мир прорывными технологиями // Коммерсантъ. 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5218329> (дата обращения: 09.01.2024).
- Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from national systems and “mode 2” to a triple helix of university-industry-government relations. URL: <https://leydesdorff.net/rp2000/> (дата обращения: 09.01.2024). DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00055-4.

References

- Akopyan, A. R., 2016. Role of innovative clusters in development of national economy of the USA. *Vestnik universiteta* = [Bulletin of the University], 6, pp. 162–165. (In Russ.)

- Alexandrova, A. R., 2024. Accelerator and startup studio as an impetus to the development of technological entrepreneurship in Russia. *Molodoj uchenyj* = [Young Scientist], 1, pp. 180–181. (In Russ.)
- Artashina, I. A., Zhulkova, Yu. N., 2023. Developing the organizational model of a student startup studio: Practical aspects. *Regional Economics: Theory and Practice*, 21(2), pp. 304–326. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/re.21.2.304>.
- Barkov, A. V., Sokolov, A. P., 2021. *Zarubezhnyj opyt gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v oboronno-promyshlennom komplekse i kriticheskaya otsenka vozmozhnosti ego primeneniya v Rossii* = [Foreign experience of public-private partnership in the military-industrial complex and a critical assessment of the possibility of its application in Russia]. Monograph. Moscow: University Book. 249 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-907413-61-0.
- Etzkowitz, H., Leydesdorff, L., 2020. *The dynamics of innovation: from national systems and “mode 2” to a triple helix of university-industry-government relations*. URL: <https://leydesdorff.net/rp2000> (Accessed: 09.01.2024). DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00055-4.
- Etzkowitz, H., 2010. *The Triple Helix. Universities – enterprises – the state. Innovations in action*. Transl. from Engl. Ed. A. F. Uvarov. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radio-electronics. 238 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-86889-528-9.
- Etzkowitz, H., 2011. Triple helix model. *Innovatsii* = [Innovations], 4, pp. 5–10. (In Russ.)
- Popov, A. N., 2020. Startup studio as promising model for developing innovations in the context of venture capital and corporate innovations in Russia. *E-journal “Public Administration”*, 80, pp. 260–285. (In Russ.) DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10073.
- Popov, P. A., 2021. [Innovative potential for the army of the future]. *Krasnaya zvezda* = [The Red Star]. Site. URL: <http://redstar.ru/innovatsionnyj-potentsial-dlya-armii-budushhego> (Accessed: 09.01.2024). (In Russ.)
- Radygina, S. V., 2022. Startup studio as a key element of youth entrepreneurship support infrastructure. *Scientific Research and Development. Economics*, 10(2), pp. 35–40. (In Russ.) DOI: 10.12737/2587-9111-2022-10-2-35-40.
- Safonov, S., 2022. [Military innovations. American scientific agencies provide the whole world with breakthrough technologies]. *Kommersant* = [Kommersant]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5218329>. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, стр. 1), профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2).

Alexey V. Barkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil Law Department, Prince Alexander Nevsky Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation (build. 1, 14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow, 123001, Russian Federation), Professor of the Legal Regulation of Economic Activity Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation).

Гришина Яна Сергеевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушчинская, д. 69).

Yana S. Grishina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Civil Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 13.03.2024; принята к публикации 27.04.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 13.03.2024; accepted for publication 27.04.2024.

Научная статья

УДК 347.91/95

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.121-136

Процессуальные соглашения в производстве по защите прав и законных интересов группы лиц

Ирина Владимировна Гинзбург

*Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева,
Саранск, Российская Федерация*

Irinag88@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4219-8345>

Аннотация

Введение. Возможность заключения процессуальных соглашений в гражданском процессе выступает одним из проявлений частноправовых начал в рамках гражданского судопроизводства. Ввиду сложного субъектного состава и объединения в одном деле множества различных интересов, характерного для групповых производств, проблема реализации в их рамках права на заключение процессуальных соглашений представляется актуальным направлением научных исследований.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу научной статьи составили труды российских и зарубежных ученых. Применяемые в работе сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования наряду с компаративистским анализом позволили выявить ряд особенностей и проблем в области заключения процессуальных соглашений в групповых производствах. *Результаты исследования.* Выявленные достоинства и недостатки российского подхода в части урегулирования ряда процессуальных соглашений в групповых производствах способствовали формированию рекомендаций для изменения законодательства и правоприменительной практики.

Обсуждение и заключение. Групповые производства со всеми присущими им проблемами в области заключения процессуальных соглашений требуют не только законодательного устранения ряда пробелов, но и дополнительного аналитического разбора в процессе правоприменения, чтобы гарантировать защиту интересов группы лиц.

Ключевые слова: процессуальные соглашения, групповой иск, соглашение группы лиц, мировое соглашение, соглашение о проведении процедуры медиации

Для цитирования: Гинзбург И. В. Процессуальные соглашения в производстве по защите прав и законных интересов группы лиц // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. С. 121–136. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.121-136.

Original article

Procedural Agreements in the Proceedings to Protect the Rights and Legitimate Interests of a Group of Persons

Irina V. Ginzburg

*National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk,
Russian Federation*

Irinag88@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4219-8345>

Abstract

Introduction. The possibility of concluding procedural agreements in civil proceedings is one of the manifestations of private law principles within the framework of civil proceedings. In view of the complex subject composition and the combination in one case of many different interests, characteristic of group proceedings, the problem of implementing within their framework the right to conclude procedural agreements seems to be a relevant area of scientific research.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the scientific article was the works of Russian and foreign scientists. The comparative legal and formal legal research methods used in the work, along with comparative analysis, made it possible to identify a number of features and problems in the field of concluding procedural agreements in group proceedings.

Results. The identified advantages and disadvantages of the Russian approach in terms of resolving a number of procedural agreements in group proceedings contributed to the formation of a number of recommendations for changing legislation and law enforcement practice.

Discussion and Conclusion. Group proceedings, with all their inherent problems in the field of concluding procedural agreements, require not only the legislative elimination of a number of gaps, but also additional analytical analysis in the enforcement process to ensure the protection of the interests of the class.

Keywords: procedural agreements, class action, group agreement, settlement agreement, agreement to conduct a mediation procedure

For citation: Ginzburg, I. V., 2024. Procedural agreements in the proceedings to protect the rights and legitimate interests of a group of persons. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 121–136. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.121-136.

Введение

Исследование сущности процессуальных соглашений, их значения в контексте реализации задач судопроизводства выступает актуальным направлением научных изысканий как отечественных исследователей, так и зарубежных. О. Н. Шеменова определяет процессуальные соглашения как пример процессуального сотрудничества лиц с несовпадающими юридическими интересами к исходу дела [Шеменова, О. Н., 2019]. М. А. Рожкова справедливо отмечает, что процессуальное соглашение является сред-

ством, способствующим реализации процессуальной правосубъектности и нацеленным в ряде случаев на достижение процессуальной экономии в гражданском процессе [Рожкова, М. А., 2009].

Ввиду сложного субъектного состава и объединения в одном деле множества различных интересов, что характерно для групповых производств, исследование вопроса о реализации в их рамках права на заключение процессуальных соглашений – значимый вопрос как с позиций реализации принципа процессуальной экономии, так и с точки зрения реализации процессуальной правосубъектности. Заключение процессуальных соглашений участниками группового производства имеет ряд особенностей, которые найдут освещение в рамках данной работы с учетом анализа российского законодательства, правоприменительной практики и зарубежного опыта.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу научной статьи составили труды российских и зарубежных ученых, занимающихся исследованием как проблематики процессуальных соглашений в целом, так и отдельных аспектов их заключения в рамках производства по защите прав и законных интересов группы лиц (групповых производств).

Посредством сравнительно-правового и формально-юридического методов исследования в статье выявлены особенности заключения процессуальных соглашений в групповых производствах, установлены достоинства российского законодательства в части урегулирования ряда процессуальных соглашений и некоторые недостатки, требующие устранения. Компаративистский анализ позволил обосновать рекомендации по изменению российского законодательства и сложившейся правоприменительной практики в области рассмотрения и разрешения дел о защите прав и законных интересов группы лиц.

Результаты исследования

Соглашение о территориальной подсудности. Традиционно в числе процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве называется соглашение о территориальной подсудности. Цивилистический процесс допускает возможность изменения подсудности по соглашению сторон. Учитывая, что иски по защите прав и законных интересов группы лиц довольно часто подаются в связи с массовыми нарушениями прав потребителей, разберем на данном примере вопрос о территориальной подсудности соответствующих исков. Вопрос о возможности включения в договор с гражданином-потребителем оговорки о территориальной подсудности, которая по сути ограничивает право истца-потребителя, предусмотрено ст. 29 Гражданского процессуального кодекса¹ (ГПК РФ), неоднократно ставился под сомнение. Судебная практика в отношении данного вопроса долгое время также не отличалась единообразием. Совсем недавно Верховный

¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Суд Российской Федерации в Обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей указал на то, что ограничение права потребителя на свободный выбор территориальной подсудности является нарушением ст. 16 Закона о защите прав потребителей² и в силу этого ничтожно. Таким образом, потребитель может предъявить иск по правилам альтернативной подсудности, несмотря на наличие в договоре условий договорной подсудности³. При этом относительно множества потребителей, объединившихся в целях коллективной защиты своих нарушенных прав и законных интересов (как и в целом в отношении всех исков о защите прав и законных интересов группы лиц), действует правило об исключительной подсудности – групповой иск может быть подан только по адресу ответчика. Исключительная подсудность посредством договора изменена быть не может.

Рассмотрим зарубежный опыт в части реализации права на выбор суда в рамках гражданско-правового договора. Так, в США договорным положениям о выборе суда отводится решающее значение во всех случаях, кроме исключительных. Верховный Суд США определил четыре основания, при наличии которых суд может отказать в применении договорных положений о выборе суда:

- положение сформировано под влиянием мошеннических действий экономически сильного субъекта или в связи с явным злоупотреблением последнего;

- истец фактически будет ограничен в возможности обратиться за судебной защитой из-за неудобства в территориальной доступности выбранного суда;

- договорное положение лишает истца средств и способов защиты нарушенного права;

- положение противоречит государственной политике.

В деле Davis v. Oasis Legal Finance Operating Co⁴ группа заемщиков подала коллективный иск в штате Джорджия против кредиторов в связи с тем, что их кредитные соглашения нарушают действующее законодательство штата. Ответчик предложил отклонить иск, так как согласно заключенным с потребителями договорам выбран иной суд, компетентный в рассмотрении иска (расположенный в штате Иллинойс), кроме того, в договоре содержится положение, согласно которому потребители отказываются от возможности подать коллективный иск. Окружной суд пришел к выводу, что оба положе-

² Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 октября 2023 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 1.

⁴ Davis v. Oasis Legal Finance Operating Co., Court of Appeals, 11th Circuit 2019. URL: https://scholar.google.com/scholar_case?case=9644815414066304202&q=Davis+v.+Oasis+Legal+Finance+Operating+Co&hl=en&as_sdt=2003&as_ylo=2019 (дата обращения: 12.01.2024).

ния не имеют юридической силы, ибо противоречат государственной политике Джорджии, отметив, что несправедливой и недопустимой является ситуация, позволяющая экономически сильному субъекту фактически отменять защиту прав потребителей путем отказа от прав. Вышестоящая инстанция согласилась с мнением окружного суда.

Таким образом, учитывая фактическую и правовую сложность групповых производств, мы считаем правильным подход российского законодателя: он четко определяет подсудность соответствующих исков, устраняет все возможные спорные ситуации и путаницу с определением суда, компетентного рассматривать соответствующие споры.

Третейское соглашение. Статья 22.1 ГПК РФ закрепляет споры, подлежащие передаче на рассмотрение третейского суда. В пункте 2 этой статьи указаны споры, которые на рассмотрение третейского суда переданы быть не могут. В последнее время участились случаи включения арбитражных оговорок в договоры с потребителями. По смыслу ст. 22.1 ГПК РФ в потребительский контракт может быть включено соглашение о рассмотрении спора третейским судом, однако наличие такого соглашения само по себе не является препятствием для обращения в суд общей юрисдикции. Суд, прежде чем принимать решение о возвращении искового заявления или оставлении его без рассмотрения, должен дать оценку данному соглашению с точки зрения реализации права на судебную защиту⁵. А. В. Терентьева отмечает, что третейские оговорки в потребительских контрактах следует относить к оспоримым сделкам, недействительность которых может быть признана только в судебном порядке, в случае, если будет доказана недобросовестность их включения [Терентьева, А. В., 2020]. При этом с точки зрения российского законодательства (глава 28.2 АПК РФ, 22.3 ГПК РФ) дела о защите прав и законных интересов группы лиц не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда⁶.

Рассмотрим американский опыт в части включения третейских оговорок в договоры, стороной которых является гражданин. По мнению профессора Марии Дж. Гловер, групповые иски на протяжении нескольких десятилетий находились в центре «процессуальной войны», инициируемой со стороны ответчиков, их адвокатов и коллегий адвокатов, Торговой палаты США [Glover, J. M., 2022]. При этом «арбитражная революция», выразившаяся в повсеместном включении в договоры арбитражных оговорок, оказалась наиболее успешным способом избежать групповые иски. Ученый

⁵ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 2 декабря 2022 г. № 88-30422/2022. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=111734&cacheid=80259EB9BEC4C4F8F954618F3A76D9B&mode=splus&rnd=FZrCZ2UBr6h00riL#7FtCZ2UtDKNACeAF>.

⁶ См. также: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Российская газета. 2019. 25 дек.

отмечает, что эта революция оказала глубокое влияние на систему правосудия: многие требования, которые вполне могли бы быть объединены в групповые иски, практически исчезли на какое-то время из сферы гражданского правосудия США [Glover, J. M., 2022]. Арбитражные оговорки с отказом от групповых исков стали включаться в трудовые договоры с работниками, в договоры с потребителями и т. д. Так называемое «частное процессуальное регулирование» признается американскими судами, а арбитраж понимается как двустороннее разрешение частных споров, поэтому последний стал не просто действенным механизмом обхода системы коллективного урегулирования, но и настоящей победой для корпораций. Однако победа экономически сильных субъектов одновременно с этим стала потерей для заведомо уязвимых субъектов. Общественный резонанс постепенно нарастал. При этом Мария Дж. Гловер отмечает, что в результате фактического устранения групповых исков массовый вред не устранился, а образовавшаяся пустота вполне может быть заполнена массовым арбитражем [Glover, J. M., 2022].

Главным отличием массового арбитража является тот факт, что граждане, планирующие в нем участвовать, должны подать индивидуальные арбитражные иски. Результат рассмотрения исков также может быть не одинаковым для истцов (в групповых исках есть ведущий истец, представляющий большую группу, члены группы, как правило, получают одинаковую компенсацию). Тем не менее при массовом арбитраже ответчики стараются урегулировать все сходные дела сразу или одинаково, чтобы сэкономить время и деньги, связанные с арбитражем каждого отдельного дела. Интересным является тот факт, что недавний массовый арбитраж (75 000 арбитражных исков), инициированный против Amazon, привел к тому, что компания перестала использовать арбитражную оговорку в пользовательских соглашениях⁷.

Соглашение о порядке осуществления прав и обязанностей группы лиц (соглашение группы лиц). Соответствующий вид процессуального соглашения характерен только для производства по защите прав и законных интересов группы лиц по гражданскому процессуальному законодательству. При этом сами нормы главы 22.3 ГПК РФ сформулированы таким образом, что оставляют простор для различий относительно сущности и значения соответствующего соглашения в гражданском процессе. Так, в ст. 244.22 ГПК РФ отмечается, что, если иное не предусмотрено соглашением о порядке осуществления прав и обязанностей группы лиц, лицо, ведущее дело в интересах группы, пользуется всеми процессуальными правами, несет все обязанности, в том числе в части обязанности по уплате судебных расходов и права на поручение ведения дела представителю. В статье 244.26 ГПК РФ закреплено, что в рамках подготовки дела к

⁷ Информация взята с юридического новостного веб-сайта National Law Review. Amazon Removes Arbitration Provision from its Terms of Service. URL: <https://natlawreview.com>.

судебному разбирательству судья предлагает лицам, присоединившимся к требованию, заключить соглашение группы лиц или присоединиться к уже заключенному соглашению. В цитируемых статьях ГПК РФ дается отсылка на ст. 244.27 ГПК РФ, которая определяет порядок несения судебных расходов по делу о защите прав и законных интересов группы лиц. Таким образом, по смыслу данной статьи речь в главе 22.3 ГПК РФ идет именно о соглашении об определении порядка несения судебных расходов, которое удостоверяется нотариально и является обязательным к применению судом при рассмотрении и разрешении дела. При этом, формально подходя к толкованию указанных выше норм, можно предположить, что существует два процессуальных соглашения: соглашение о порядке осуществления прав и законных интересов группы лиц (которое включает в том числе наличие или отсутствие права на поручение ведения дела представителю) и соглашение группы лиц, что, по нашему мнению, является нарушением правил юридической техники и вводит в заблуждение. Так, лицо, ведущее дело в интересах группы (ведущий истец), осуществляет свои полномочия на основании заявлений членов группы о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц. Кроме того, ведущий истец должен быть обозначен в самом исковом заявлении. При этом он пользуется всеми распорядительными процессуальными правами истца. А. В. Афтахова отмечает, что, несмотря на процессуальную самостоятельность ведущего истца, регламентация его процессуальных прав представляется целесообразной. Также имеется необходимость регулярно отчитываться перед членами группы о ходе судебного разбирательства. Все это может быть закреплено в соглашении группы лиц [Афтахова, А. В., 2022]. В. О. Ватаманюк считает, что расширение функционального назначения соглашения группы лиц (посредством включения в него порядка осуществления процессуальных прав ведущим истцом, в том числе в части заключения мирового соглашения) способствовало бы обеспечению «правовой свободы» участников группового производства, их автономности и самостоятельности [Ватаманюк, В. О., 2021]. По нашему мнению, в функциональном расширении соглашения о группе лиц нет необходимости. Ведущий истец – это не судебный представитель, его права нарушены так же, как и у других членов группы, поэтому он действует не только в интересах группы, но и в своих, что дает основания полагать, что он будет действовать добросовестно. Если же ведущий истец имеет намерение действовать в процессе по каким-либо причинам недобросовестно (например, в связи со сговором с ответчиком), то соглашение группы лиц вряд ли будет действенным инструментом, способным предотвратить последствия этих действий (например, ведущий истец попросту может отказаться от иска, что скажется на сроках рассмотрения дела и повлечет необходимость в его замене: группа должна будет выбрать нового ведущего истца). Во избежание злоупотреблений со стороны ведущего истца в групповом производстве законодательно усилена роль судьи, рассматривающего дело (причем с точки зрения как российской практики, так и зарубежной). Судья устанавливает состав группы лиц, тщательно следит за соблюдением прав и законных интересов членов группы,

в том числе при заключении мирового соглашения, подаче заявления об отказе от иска, может наложить судебный штраф на ведущего истца в случае злоупотребления им своими процессуальными правами и т. д. Кроме того, процессуальное законодательство наделяет членов группы рядом прав, которые позволяют влиять на ход судебного разбирательства и контролировать действия ведущего истца (п. 4 ст. 244.22, ст. 244.23 ГПК РФ).

Таким образом, соглашение о порядке осуществления прав и обязанностей группы лиц (соглашение группы лиц) – это соглашение об определении порядка несения судебных расходов, в том числе расходов на представителя. Заключение такого соглашения является правом группы лиц, а в отсутствие соглашения применяется правило о том, что ведущий истец осуществляет все процессуальные обязанности истца, в том числе обязанность по уплате судебных расходов.

Анализируя зарубежный опыт в этой части, констатируем, что возможность заключения соглашения группой лиц об определении порядка несения судебных расходов должна оцениваться исключительно положительно. Так, Марта Паколд применительно к американской практике рассмотрения групповых исков обращает внимание на то, что до подачи иска невозможно заключить договор между группой лиц и их адвокатом на представление их интересов. Связано это с тем, что группа не может быть сертифицирована, пока не будет подан иск адвокатом [Pacold, M., 2001]. Именно поэтому возникают дополнительные сложности по определению гонорара адвоката, который устанавливается судом после урегулирования спора или после судебного разбирательства. При этом довольно много споров возникает в связи с определением разумности, справедливости и достаточности данного гонорара как применительно к самому адвокату, так и применительно к группе. Верховный Суд США обращал внимание на данную проблему, отмечая, что «запрос на оплату услуг адвоката не должен привести ко второму крупному судебному разбирательству»⁸.

Джеффри Дж. Касурелла также обращает внимание на указанную проблему, отмечая, что общее американское правило относительно распределения судебных издержек заключается в том, что «каждый истец платит гонорар своему адвокату независимо от того, выиграет он или проиграет, если только законом или договором не предусмотрено иное». При этом адвокат группы лиц в большинстве случаев просит суд отступить от этого правила. Иной подход означал бы, что групповому адвокату придется обратиться к клиенту, являющемуся представителем группы, с требованием оплаты своих услуг. Автор отмечает, что это крайне редкая (или даже не существующая) практика [Casarella, J. G., 2022]. Чаще всего групповой адвокат получает процент из общего фонда, созданного в интересах группы и являющегося результатом урегулирования между сторонами группового производства. Считается, что этот вариант делает процедуру расчетов с групповым адвокатом максимально прозрачной и справедливой. Более

⁸ “Hensley v. Eckerhart”, 461 U.S. 424, 437 (1983). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/461/424/> (дата обращения: 12.01.2024).

того, на суд, рассматривающий дело, возлагаются фидуциарные обязательства в отношении членов группы, особенно отсутствующих.

В деле «Пирсон против NBTY» Апелляционный суд седьмого округа США указал в одном из своих постановлений, что установлен некоторый ориентир для судов при рассмотрении вопроса о соотношении выплат, которые получают члены группы, и размера гонорара группового адвоката – 25% (по делам о возмещении 5–15 млн долл.)⁹.

Джеффри Дж. Касурелла в своей работе дополняет, что, если классный адвокат требует вознаграждения, превышающего 25%, судам предписывается проанализировать ряд факторов, которые могут повлиять на процентные корректировки, например новизна и сложность рассматриваемых вопросов в групповом производстве, опыт и репутация адвоката и т. д.) [Casurella, J. G., 2022].

По делу «Пирсон против NBTY» гонорар адвоката, включенный в проект мирового соглашения между сторонами группового производства, составил в первоначальном варианте 70% общего фонда (4,5 млн долл. при соотношении с выплатами группе из 30 245 граждан в размере менее 900 000 долл.) и был впоследствии изменен.

Интересно, что в решении Апелляционного суда седьмого округа США, принятом 19 ноября 2014 г., указывается на несвойственные российской правовой системе процессуальные соглашения между адвокатом и ответчиком по групповым производствам – чистые соглашения («clear-sailing» agreement) и кикерную оговорку («kicker» clause). Анализ чистых соглашений («clear-sailing» agreement) приводится в работе Уильяма Д. Хендерсона, который определяет их как некоторый компромисс, в котором ответчик по групповому иску соглашается не оспаривать ходатайство группового адвоката о выплате гонорара, но при этом любая часть возмещения, которая считается судьей чрезмерной, вернется к ответчику (это и есть «kicker» clause) [Henderson, W. D., 2003]. Уильям Д. Хендерсон отмечает, что чистые соглашения и кикерные оговорки часто способствуют недобросовестному сговору в урегулировании споров, так как возвращают все невостребованные деньги ответчику. По его мнению, несмотря на то что суды, осуществляя свои фидуциарные обязательства, применяют «повышенную проверку» к урегулированию споров, включающему соответствующие соглашения, у судов нет четких ориентиров в данном вопросе, что приводит к правовой неопределенности [Henderson, W. D., 2003].

Таким образом, групповые производства со всеми присущими им агентскими проблемами требуют дополнительного аналитического разбора в процессе правоприменения, чтобы гарантировать защиту интересов класса.

Медиативное соглашение и мировое соглашение. Вопрос о возможности применения процедуры медиации в производстве о защите прав и

⁹ “Pearson v. NBTY, Inc.”, 772 F.3d 778 (7th Cir. 2014). URL: https://cei.org/court_case/pearson-v-nbty-inc/ (дата обращения: 12.01.2024).

законных интересов группы лиц недостаточно раскрыт как с точки зрения российского законодательства, так и с точки зрения правоприменительной практики. Статья 244.26 ГПК РФ предусматривает совокупность действий, которые совершает судья на стадии подготовки группового дела к судебному разбирательству. При этом согласно указанной статье судья выполняет также действия, предусмотренные ст. 150 ГПК РФ. Согласно п. 1 ст. 150 ГПК РФ судья содействует примирению сторон, принимает меры по заключению сторонами мирового соглашения, в том числе по результатам проведения процедуры медиации. Как видно, прямого запрета на проведение процедуры медиации в групповом производстве нет, однако нет и разъяснений относительно возможности и основных условий ее проведения. Еще один важный момент заключается в том, что ст. 244.22, 244.27 ГПК РФ не называют в числе «процессуальных возможностей» ведущего истца, которые могут быть согласованы с группой лиц, право на обращение в процессе рассмотрения дела к профессиональному медиатору (если ответчик не против соответствующего способа урегулирования).

По нашему мнению, с точки зрения российской практики рассмотрения групповых исков есть одна интересная особенность – стороны по делу в основном не ориентированы на заключение мирового соглашения. В отличие, например, от США, где возбужденные групповые производства изначально направлены на их урегулирование с учетом компромисса спорящих сторон и его последующей тщательной проверки со стороны суда [Melnick, J. D., 2008]. Этим объясняется тот факт, что процедура медиации в американских групповых производствах – это очень распространенная практика. Так, Джеймс Ричард Кобен отмечает, что во многих коллективных исках наступает момент, когда стороны соглашаются обратиться к посреднику (медиатору), так как это позволяет не только согласовать условия мирового соглашения, но и получить их последующее одобрение судом. Таким образом, медиативное соглашение как результат проведенной процедуры медиации может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения. Кроме того, обращение к независимому и незаинтересованному в исходе дела медиатору выступает дополнительной гарантией соблюдения прав и законных интересов отсутствующих членов группы (в том числе в части урегулирования вопроса о гонорарах адвокатов) [Coben, J. R., 2013].

Так, в деле «Cleary v. American Airlines» стороны неоднократно принимали участие в процедуре медиации. В рамках соглашений, представленных на одобрение суда, этот факт был отмечен и указано, что урегулирование производилось «на расстоянии вытянутой руки» – принцип, который лежит в основе справедливого урегулирования, означающий, что стороны не влияли друг на друга и преследовали в процессе урегулирования исключительно свои интересы¹⁰.

¹⁰ «Cleary v. American Airlines, Inc.» (4:21-cv-00184-O). URL: <https://www.courtlistener.com/docket/59680280/cleary-v-american-airlines-inc/> (дата обращения: 12.01.2024).

Как уже было отмечено выше, большинство групповых производств в США заканчивается утверждением мирового соглашения между сторонами. При этом соответствующее соглашение заключается между ответчиком и групповым адвокатом или представителями группы; это не соглашение с членами класса. В связи с этим утверждение справедливого, разумного и адекватного мирового соглашения, позволяющего учесть интересы группы, особенно отсутствующих членов, и ответчика, – это одна из основных задач групповых производств. Кристен Элия отмечает, что суды крайне внимательно, с учетом ряда факторов оценивают мировые соглашения, прежде чем их одобрить и утвердить, факторы, применяемые судом при утверждении или отклонении мирового соглашения, указываются в текстах вынесенных судебных постановлений. На основании проведенного анализа Кристен Элия выделяет факторы, которые обычно принимают во внимание судьи при оценке мирового соглашения: имеется ли риск мошенничества или сговора между сторонами; действуют ли адвокаты и представители группы в наилучших интересах группы; действительно ли представители группы имеют общие интересы с отсутствующими членами класса, осознают ли наличие фидуциарных обязательств перед ними; сложность, расходы и вероятная продолжительность судебного разбирательства в случае отказа в утверждении мирового соглашения и насколько утверждение мирового соглашения облегчит фактическое положение группы; является ли возмещение, предложенное в мировом соглашении, адекватным с учетом нарушения прав членов группы; является ли урегулирование справедливым в свете общесоциальных факторов и интересов общественности в целом [Elia, K., 2018]. Как видно, роль судьи, рассматривающего дело, ключевая в данном процессе. При этом она строго ограничена целью защиты отсутствующих членов группы. Вмешательство в соглашение сторон, не обусловленное этой целью, недопустимо, поскольку суд стороной мирового соглашения не является.

С точки зрения российского законодательства какой-либо специфики в отношении заключения мирового соглашения в производстве по защите прав и законных интересов группы лиц не предусмотрено. Учитывая, что ведущий истец обладает всеми распорядительными процессуальными правами в групповом производстве, мировое соглашение заключается им; какое-либо предварительное одобрение членами группы не требуется.

Такой подход законодателя неоднократно подвергался критике со стороны научного сообщества. Так, В. А. Колотов отмечает, что заключение мирового соглашения в групповом производстве только по воле ведущего истца недопустимо. По его мнению, утверждение мирового соглашения возможно только после уведомления ведущим истцом членов группы, с тем чтобы последние имели возможность отказаться от своего заявления о присоединении к групповому иску и обратиться в суд с личными заявлениями (если по характеру правоотношений такой выход возможен) [Колотов, В. А., 2021]. В. О. Ватаманюк обращает внимание на то, что процессуальное законодательство не предусматривает специальных критериев оценки мирового соглашения, не определяет процессуальное положение

участников, присоединившихся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц. По его мнению, также следует поставить в зависимость возможность утверждения мирового соглашения в групповом производстве от одобрения его условий заинтересованными участниками группы [Ватаманюк, В. О., 2021].

По нашему мнению, указанные позиции, если бы они были отражены в российском законодательстве, также повлекли бы за собой серьезные правоприменительные трудности. Во-первых, при оценке недобросовестности в групповых производствах прежде всего оценивается наличие/отсутствие таковой в действиях ведущего истца (представителя группы) и ответчика. Однако те же американские исследования показали, что отдельные члены группы могут злоупотреблять своими процессуальными правами ничуть не меньше, несмотря на то что сторонами группового производства не являются. В уже рассмотренном нами выше деле – «Пирсон против NBTU» в ряде судебных документов упоминается такое понятие, как «профессиональный отказник», – это особый юридический термин, относящийся к адвокатам членов группы, которые по согласованию с ними «пытаются или угрожают сорвать мировое соглашение» путем подачи многочисленных возражений и жалоб, если адвокаты ведущих истцов не подкупят их. Таким образом, некоторые суды полагают, что юридические аргументы стороны, подающей возражение, довольно часто формируются с заведомо недобросовестной целью. По нашему мнению, если поставить саму возможность заключения мировых соглашений в зависимость от одобрения членами группы, мировых соглашений не будет в принципе, кроме того, это создаст волокиту в групповом производстве. Учитывая, что природа группового иска заключается в объединении множества различных интересов (интересы ведущего истца, ответчика и каждого члена группы, которая может быть многочисленной), наделение каждого истца активной позицией в области согласования условий мирового соглашения ни к чему не приведет. Именно поэтому по-прежнему считаем, что в групповых производствах особую роль в соблюдении прав и законных интересов как сторон, так и других членов группы играет независимый и беспристрастный судья, рассматривающий дело. При этом согласимся, что необходимы установленные критерии оценки мирового соглашения судьей. Однако закреплять их в процессуальном законодательстве, по нашему мнению, необходимости нет, достаточно было бы предусмотреть раскрытие данного вопроса в постановлениях Верховного Суда Российской Федерации.

Обсуждение и заключение

Анализ норм ГПК РФ, их сравнение в ряде аспектов с зарубежным законодательством позволяет сделать выводы относительно российского подхода к урегулированию ряда процессуальных соглашений в групповых производствах.

1. Процессуальное законодательство закрепляет исключительную подсудность групповых производств, которая не может быть изменена соглашением сторон, что позволяет устранить все возможные спорные ситуации

и путаницу с определением суда, компетентного рассматривать групповой иск.

2. Дела о защите прав и законных интересов группы лиц не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда. При этом включение третейских оговорок экономически сильным субъектом в договор с гражданином может ограничить право последнего выбирать форму защиты, в том числе в части обращения в суд с групповым иском. Выход из данной проблемы отчасти сформулирован в отдельных судебных решениях: судья, прежде чем принимать решение о возвращении искового заявления (группового иска) или оставлении его без рассмотрения при наличии в договоре третейской оговорки, должен дать оценку данному соглашению с точки зрения реализации права граждан на судебную защиту. Однако отсутствует системообразующее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое способствовало бы единообразию судебной практики.

3. Возможность заключения соглашения группой лиц об определении порядка несения судебных расходов должна оцениваться исключительно положительно. По нашему мнению, в функциональном расширении соглашения группы лиц путем закрепления распорядительных прав ведущего истца, в том числе в части заключения мирового соглашения, необходимости нет. Однако в соглашении группы лиц наряду с закреплением права на поручение ведения дела представителю может быть определено право на обращение в процессе рассмотрения дела к профессиональному медиатору. На это должно быть указание в ГПК РФ, которое в настоящее время отсутствует.

4. Особую роль в соблюдении прав и законных интересов как сторон, так и других членов группы, особенно при заключении сторонами мирового соглашения, играет независимый и беспристрастный судья, рассматривающий дело. При этом необходимы установленные критерии оценки мирового соглашения судьей. По нашему мнению, закреплять их в процессуальном законодательстве необходимости нет, достаточно было бы предусмотреть раскрытие данного вопроса в постановлениях Верховного Суда Российской Федерации.

Список источников

Афтахова А. В. К вопросу о соотношении процессуального статуса представителя и лица, которое ведет дело в интересах группы лиц // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Право. 2022. № 4 (72). С. 23–29. DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.023.

Ватаманюк В. О. Заключение мирового соглашения в групповом производстве // Вестник гражданского процесса. 2021. № 2. С. 127–174. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-2-127-174.

Колотов В. А. Защита прав и законных интересов группы лиц в гражданском и арбитражном судопроизводствах : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2021. 29 с.

Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М. : Статут, 2009. 332 с. ISBN: 978-5-8354-0611-1.

Терентьева Л. В. Арбитражные оговорки в соглашениях с участием потребителя // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 28–44. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.28.44.

Шеменева О. Н. Критерии разграничения гражданско-правовых договоров и процессуальных соглашений // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 61–68. DOI: 10.12737/art_2019_4_5.

Casurella J. G. How Class Action Fees Work in the Eleventh Circuit // Mercer Law Review. 2022. Vol. 73, no. 3. Art. 9. P. 879–908. URL: https://digitalcommons.law.mercer.edu/jour_mlr/vol73/iss3/9.

Coben J. R. Creating a 21st Century Oligarchy: Judicial Abdication to Class Action Mediators // Yearbook on Arbitration and Mediation. 2013. Vol. 5. P. 162–193. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2297959.

Elia K. Hard-look judicial review of class action settlements // University of Cincinnati Law Review. 2018. Vol. 85. P. 1135–1163. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/ucinlr85&div=45&id=&page>.

Glover J. M. Mass Arbitration // Stanford Law Review. 2022. Vol. 74. P. 1283–1392. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3575765.

Henderson W. D. Clear Sailing Agreements: A Special Form of Collusion in Class Action Settlements // Tulane Law Review. 2003. Vol. 77, no. 4. P. 813–838. URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/facpub/343>.

Melnick J. D. The Mediation of Securities Class Action Suits – A Panel Discussion Hosted by the Benjamin N. Cardozo School of Law // Cardozo Journal of Conflict Resolution. 2008. Vol. 9. P. 397–437. URL: <https://www.jamsadr.com/publications/2008/melnick-the-mediation-of-securities-class-action-suits>.

Pacold M. Attorneys' Fees in Class Actions Governed by Fee-Shifting Statutes // University of Chicago Law Review. 2001. Vol. 68, issue 3. Art. 15. P. 1007–1034. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclr/vol68/iss3/15>.

References

Aftakhova, A. V., 2022. On the question of the relationship of the procedural status of the representative and the person which does case in the interests of a group of persons. *Herald of Tver State University. Series: Law*, 4, pp. 23–29. (In Russ.) DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.023.

Casurella, J. G., 2022. How Class Action Fees Work in the Eleventh Circuit. *Mercer Law Review*, 73(3), art. 9, pp. 879–908. URL: https://digital-commons.law.mercer.edu/jour_mlr/vol73/iss3/9.

Coben, J. R., 2013. *Creating a 21st Century Oligarchy: Judicial Abdication to Class Action Mediators*. *Yearbook on Arbitration and Mediation*, 5, pp. 162–193. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2297959.

Elia, K., 2018. Hard-look judicial review of class action settlements. *University of Cincinnati Law Review*, 85, pp. 1135–1163. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/ucinlr85&div=45&id=&page>.

Glover, J. M., 2022. Mass Arbitration. *Stanford Law Review*, 74, pp. 1283–1392. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3575765.

Henderson, W. D., 2003. Clear Sailing Agreements: A Special Form of Collusion in Class Action Settlements. *Tulane Law Review*, 77(4), pp. 813–838. URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/facpub/343>.

Kolotov, V. A., 2021. *Zashchita prav i zakonnykh interesov gruppy lits v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstvakh* = [Protection of the rights and legitimate interests of a group of persons in civil and arbitration proceedings]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 29 p. (In Russ.)

Melnick, J. D., 2008. The Mediation of Securities Class Action Suits – A Panel Discussion Hosted by the Benjamin N. Cardozo School of Law. *Cardozo Journal of Conflict Resolution*, 9, pp. 397–437. URL: <https://www.jamsadr.com/publications/2008/melnick-the-mediation-of-securities-class-action-suits>.

Pacold, M., 2001. Attorneys' Fees in Class Actions Governed by Fee-Shifting Statutes. *University of Chicago Law Review*, 68(3), art. 3, pp. 1007–1034. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/ucirev/vol68/iss3/15>.

Rozhkova, M. A., 2009. *Yuridicheskie fakty grazhdanskogo i processual'nogo prava: soglasheniya o zashchite prav i protsessual'nye soglasheniya* = [Legal facts of civil and procedural law: agreements on the protection of rights and procedural agreements]. Moscow: Statut. 332 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-0611-1.

Shemeneva, O. N., 2019. Criteria of differentiating civil contracts and procedural agreements. *Journal of Russian Law*, 4, pp. 61–68. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2019_4_5.

Terenteva, L. V., 2020. Arbitration clauses in agreements involving consumers. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2, pp. 28–44. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.28.44.

Vatamanyuk, V. O., 2021. Conclusion of a settlement agreement in group proceedings. *Herald of Civil Procedure*, 2, pp. 127–174. (In Russ.) DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-2-127-174.

Информация об авторе / Information about the author

Гинзбург Ирина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева (Российская Федерация, 430005, Саранск, ул. Большевикская, д. 68).
Irina V. Ginzburg, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Civil Law and Procedure Department, National Research Ogarev Moravia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 27.04.2024.
The article was submitted 29.02.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 27.04.2024.

Научная статья

УДК 343.2

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.137-158

Сущность и значение неоднократности в уголовном праве России

Александр Владимирович Бриллиантов

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация*

brilliantov-07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6186-1491>

Аннотация

Введение. В статье с позиций критического анализа действующего уголовного законодательства России, а также доктрины уголовного права и криминологии рассматривается вопрос о сущности и значении института неоднократности в уголовном праве России.

Теоретические основы. Методы. Исследование осуществлялось с учетом направлений уголовной политики России, конституционного анализа нормативных правовых предписаний об ответственности за совершение преступлений. Использование формально-логического метода исследования позволило выявить сущность, виды неоднократности в уголовном праве, установить закономерности ее реализации в уголовном законодательстве.

Результаты исследования. В ходе исследования обращается внимание на то, что формирование понятия «неоднократность» в условиях развития социологической школы уголовного права предполагало отнесение к этому институту прежде всего ситуаций совершения нескольких именно преступных деяний, имея в виду объективную опасность для общества множественности преступлений и лиц, их совершающих (к примеру, рецидивисты и профессиональные преступники).

Вместе с тем не только множественность преступлений представляет опасность для общества и государства, но и совершение иных противоправных деяний, которые при их повторении в ряде случаев могут приобрести качественно иной характер и достигнуть уровня преступного деяния. На этой позиции основан действующий институт неоднократности и, в частности, институт административной преюдиции.

В этой связи в представленной работе исследуются сущность, виды, значение неоднократности в ее существующем виде в уголовном праве России.

Проблемы неоднократности рассматриваются также в аспекте соотношения данного института с теорией опасного состояния личности, принципом запрета наказуемости дважды за одно и то же деяние.

Обсуждение и заключение. Обозначенные аспекты темы обусловили необходимость обращения не только к работам по теории уголовного права, но и соответствующим положениям философии, логики.

В итоге сделан вывод о выделении такого вида множественности, как неоднократность правонарушений, определены виды этой множественности и обосновано ее значение для криминализации и декриминализации преступлений.

Ключевые слова: неоднократность, множественность, административная преюдиция, преступление, правонарушение, опасное состояние личности

Для цитирования: Бриллиантов А. В. Сущность и значение неоднократности в уголовном праве России // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. С. 137–158. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.137-158.

Original article

The Essence and Meaning of Repetition in the Criminal Law of Russia

Alexander V. Brilliantov

*Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
brilliantov-07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6186-1491>*

Abstract

Introduction. From the standpoint of a critical analysis of the current criminal legislation of Russia, as well as the doctrine of criminal law and criminology, the article examines the essence and significance of the institution of repetition in the criminal law of Russia.

Theoretical Basis. Methods. The research was carried out taking into account the directions of criminal policy in Russia, the constitutional analysis of normative legal provisions on responsibility for committing crimes.

The use of the formal-logical research method made it possible to identify the essence and types of repetition in criminal law, and to establish the patterns of its implementation in criminal law.

Results. In the course of the study, attention is drawn to the fact that the formation of the concept of “repeatedness”, in the context of the development of the sociological school of criminal law, implied the attribution to this institution, first of all, of situations of committing several criminal acts, bearing in mind the objective danger to society of the multiplicity of crimes and persons who commit them (for example, recidivists and professional criminals).

At the same time, not only the multiplicity of crimes poses a danger to society and the State, but also the commission of other unlawful acts, which, if repeated, in some cases can acquire a qualitatively different character and reach the level of a criminal act. This position is the basis of the current institution of repetition and, in particular, the institution of administrative prejudice.

In this regard, the presented work examines the essence, types, and meaning of repetition in its existing version in the criminal law of Russia.

Discussion and Conclusion. The problems of repetition are also considered in the aspect of the correlation of this institution with the theory of the dangerous state of the

individual, the principle of the prohibition of punishment twice for the same act. The indicated aspects of the topic necessitated the appeal not only to works on the theory of criminal law, but also to the relevant issues of philosophy and logic. As a result, the author concludes that such a type of multiplicity as the repetition of offenses is singled out, the types of this multiplicity are determined and its importance for the criminalization and decriminalization of crimes is substantiated.

Keywords: repetition, multiplicity, administrative prejudice, crime, offense, dangerous state of personality

For citation: Brilliantov, A. V., 2024. The essence and significance of repetition in the criminal law of Russia. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 137–158. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.137-158.

Введение

Институт неоднократности в уголовном праве еще не в должной мере разработан в российской уголовно-правовой науке, тем не менее он достаточно активно используется в уголовном законодательстве, правоприменительной практике, реализуется в практике разработки мер противодействия преступности. Институт неоднократности существенным образом влияет на процессы криминализации и декриминализации деяний, корректирует границы понятия преступления, вводит дополнительные криминообразующие факторы в составы преступлений.

Назначение института неоднократности в уголовном праве видится достаточно гуманным и важным: с одной стороны, это предупредительный аспект, при котором деяние становится преступным не сразу, а только после совершения виновным определенных противоправных действий, с другой стороны, это ослабление уголовной репрессии путем включения в действующие составы преступлений дополнительных криминообразующих условий. Подобная практика в некотором отношении позволяет минимизировать масштабы применения уголовной репрессии и добиваться целей обеспечения защиты государственных и общественных интересов без широкого применения уголовного закона, при условии предикатности.

В то же время следует признать, что применительно к институту неоднократности еще не создана надежная теоретическая платформа, позволяющая в полной мере реализовать его имеющийся потенциал.

Кроме того, со стороны довольно значительной группы криминалистов отдельные варианты института неоднократности (административная преюдиция) подвергаются критике в связи с тем, что, по мнению представителей этой группы, неоднократность в указанном варианте близка к теории опасного состояния личности и противоречит принципу «не дважды за одно и то же».

В таких условиях анализ уголовного законодательства, понятий «правонарушение» и «преступление», установление их соотношения и взаимодействия, критериев перехода количества в иное качество представляют весьма актуальную исследовательскую задачу, значимую для решения важной социально-правовой и конституционной проблемы.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили российские научные работы в области уголовного права и криминологии, посвященные вопросам множественности преступлений, ее видов, проблемам административной преюдиции, теории опасного состояния личности и наказуемости деяний.

Исследование осуществлялось с учетом направлений уголовной политики России, конституционного анализа нормативных правовых предписаний об ответственности за совершение преступлений.

Использование формально-логического метода исследования позволило выявить сущность, виды неоднократности в уголовном праве, установить закономерности ее реализации в уголовном законодательстве.

Результаты исследования

Российскому уголовному законодательству издавна известен институт множественности преступлений. В настоящее время содержание этого института составляют совокупность преступлений и рецидив преступлений. И в том и в другом случае сущность указанных видов множественности преступлений составляет совершение лицом нескольких преступлений в том или ином сочетании применительно к категории преступления и судимости.

Итак, *множественность преступлений* – это совершение нескольких самостоятельных преступных посягательств, каждое из которых образует отдельный состав преступления.

Вместе с тем уголовному праву и уголовному закону известен и иной вид множественности: его сущность заключается в совершении ряда противоправных, но не преступных деяний, образующих в совокупности единое сложное преступление.

Исходя из содержания закона, среди такой множественности противоправных деяний можно выделить два вида. Первый не имеет собственного законодательного названия. Это преступление с административной преюдицией. Второй законодательно определен – это неоднократность. Однако по сути и тот и другой вариант является неоднократностью, но не неоднократностью преступлений, а неоднократностью правонарушений, не являющихся преступлениями.

Институт административной преюдиции достаточно широко освещался в юридической литературе. Институту неоднократности внимания уделялось меньше.

В связи с этим в настоящей работе и рассматривается институт неоднократности, разработка которого имеет важное теоретическое и практическое значение.

Термин «неоднократность» используется законодателем в 12 статьях Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (УК РФ), но отсутствует в институте множественности. И данное положение является обоснованным, не-

¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

смотря на то что по существу понятие «неоднократность», так же как и понятие «множественность», означает наличие не одного, а нескольких (минимум двух) противоправных поведенческих актов (деяний).

Невключение неоднократности в институт множественности преступлений (глава 3 УК РФ) основывается на том факте, что институт множественности включает в себя виды множественности именно преступлений. Неоднократность же предполагает наличие нескольких противоправных, но не преступных деяний. И только их сочетание приводит к качественному изменению общего совокупного продукта противоправного поведения, преобразуя его в самый опасный вид такого поведения – в преступление.

В уголовном законе Российской Федерации неоднократность может выступать в нескольких формах (видах).

Прежде всего неоднократность используется законодателем в качестве составообразующего признака, при котором состав преступления будет иметь место без всяких дополнительных условий, а лишь в силу повторения противоправного поведения. Так, состав преступления, предусмотренный ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)», будет иметь место при совершенных неоднократно незаконных действиях по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи.

Второй вид неоднократности – неоднократность, образующаяся не простым повторением противоправного, но не преступного деяния, а его повторением при условии применения административного наказания за первое правонарушение.

Именно по такому принципу создан, к примеру, состав розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ), где розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

И здесь следует обратить внимание еще на один фактор, характеризующий неоднократность. Необходимую для состава преступления совокупность правонарушений может образовывать совокупность аналогичных деяний, как в приведенном выше составе, или совокупность идентичных деяний. Примером последнего может служить понятие неоднократности, использованное в ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)». В этой статье наличие указанного состава преступления признается при неоднократном совершении незаконного использования чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, т. е. совершении одинаковых, идентичных действий.

Еще одним вариантом использования признака неоднократности является указание на это свойство не только по отношению к количеству дея-

ний, образующих в совокупности преступление, но и при определении какого-либо составообразующего признака преступления. Так, уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ) как один из вариантов будет иметь место, если неоднократное неисполнение обязанностей по репатриации в течение одного года привело к тому, что сумма незачисленных или невозвращенных денежных средств превысила сто миллионов рублей (крупный размер) или сто пятьдесят миллионов рублей (особо крупный размер).

Определенные особенности требований закона имеются и по отношению к ситуациям, когда неоднократность образует совершение нового правонарушения при условии, что лицо, его совершившее, было подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Эта особенность заключается в том, что административное наказание должно быть назначено не в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (общее правило), а более двух раз в течение ста восьмидесяти дней (примечание к ст. 212.1 УК РФ) или если лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года (примечание к ст. 314.1 УК РФ).

Варианты неоднократности исследовались в правовой литературе. Так, Е. А. Таюрская и С. В. Габеев полагают, что «термин “неоднократность” законодателем воспринимается в двух основных значениях:

– как признак объективной стороны преступления, свидетельствующий о количестве раз совершенного общественно опасного деяния (ст. 154, 180 УК РФ);

– как административная преюдиция, которая предполагает, что основанием уголовной ответственности за конкретный состав преступления является факт привлечения лица к административной ответственности за ранее совершенное правонарушение (ст. 151.1, 212.1, 215.4, 314.1 УК РФ)» [Таюрская, Е. А., Габеев, С. В., 2016, с. 7].

На наш взгляд, варианты образования неоднократности более широки, несмотря на то что все они в сущности относятся к объективной стороне составов преступлений при условии совершения нового деяния, обладающего определенными законодателем признаками и (или) совершенного при определенных обстоятельствах.

Исходя из этого, мы выделили бы следующие *варианты неоднократности*:

1) неоднократность, образуемую совершением нового аналогичного противоправного деяния при отсутствии условия применения административного наказания;

2) неоднократность, образуемую совершением нового аналогичного административного правонарушения, если лицо было подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию;

3) неоднократность, образуемую совершением нового деяния при условии, что лицо подвергалось административному наказанию за совершение конкретных видов деяний, указанных в законе, в количестве и в сроки, установленные законом;

4) неоднократность, образуемую совершением ряда деяний (действия или бездействия), результатом которых является достижение определенного, установленного законом в финансовом выражении объема незаконных операций в течение определенного периода времени.

Однако, несмотря на существенные различия вариантов неоднократности (по условиям ее образования), сущность рассматриваемого вида множественности, на наш взгляд, является единой и заключается в качественном перерастании противоправных, но не преступных деяний в деяние, достигшее уровня преступления. При этом законодатель, как показано выше, использует самые разнообразные факторы, обуславливающие указанное перерастание: повторное совершение, применение административного наказания, размер упущенной выгоды и др.

В связи с этим закономерно возникает вопрос: а какие же факторы позволяют разграничить преступление и иное правонарушение?

Можно утверждать, что в теории уголовного права и правоприменительной деятельности общепризнанным является подход, при котором отличие преступления и иного правонарушения заключается в степени общественной опасности.

Общественная опасность присуща всем правонарушениям, но не все они являются преступлениями. Следовательно, *основное отличие* преступления от иного правонарушения заключается именно *в степени общественной опасности деяния*.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «в правовой системе России преступлению – в отличие от иных правонарушений – должна быть присуща криминальная общественная опасность»².

В этой связи следует (хотя бы кратко в рамках настоящей статьи) обратиться к вопросу о содержании общественной опасности и попытаться установить, в чем она заключается, что повышает ее степень. Обращение к этой проблеме необходимо потому, что подход к ее решению явится основой ответа на вопрос о перерастании неоднократности правонарушений в качественно иное состояние – в преступление.

Если говорить об общественной опасности преступления, то в целом она выражается во вредоносности преступного деяния, а соответствующая степень опасности присуща преступлению изначально.

Это отмечается многими авторами, исследующими проблему содержания общественной опасности и полагающими, что эта общественная опас-

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

ность заключается именно в таком свойстве преступления, как его вредоносность.

Еще в XIX в. Ч. Беккария отмечал: «Мерой преступлений служит вред для общества. Это одна из тех очевидных истин, для понимания которых не нужно было ожидать ни изобретения квадрантов, ни телескопов; она доступна здравому смыслу каждого, но по какому-то странному стечению обстоятельств ясно осознавалась только немногими мыслителями» [Беккария, Ч., 1889, с. 97].

Вредоносность же в итоге выражается в причинении (возможности причинения) вреда. Данная позиция находила свое отражение и в работах известных криминалистов досоветского и советского периодов. Так, в работах Н. С. Таганцева нашла закрепление мысль о том, что «преступным почитается деяние, посягающее на юридическую норму в ее реальном бытии; или, выдвигая более содержание посягательства: деяние, посягающее на охраненный нормою интерес жизни» [Таганцев, Н. С., 1902, с. 51]. Несколько перефразируя эту позицию, можно признать, что общественная опасность деяния заключается в посягательстве на жизненно важные интересы человека, общества, государства. Практически этой же позиции придерживался и другой видный ученый-криминалист – Н. Д. Дурманов, считающий, что преступление представляет собой «вредоносное посягательство на жизненные условия общества» [Дурманов, Н. Д., 1948, с. 88], подчеркивая тем самым его основной признак – причинение вреда.

Это же свойство общественной опасности, выражающееся в причинении вреда, отмечается и современными авторами и является доминирующим в доктрине уголовного права [Крылова, Н. Е., 1996, с. 33; Наумов, А. В., 1997, с. 118; Кузнецова, Н. Ф., Тяжкова, И. М., ред., 2002, с. 137; Кузнецова, Н. Ф., Тяжкова, И. М., ред., 2005, с. 92].

Однако, на наш взгляд, свойство общественной опасности не ограничивается только характером и объемом причиняемого вреда. Это свойство является более многогранным.

Вместе с тем не только вред является содержанием общественной опасности. Этот феномен более сложен и включает в себя также и иные составляющие объективного и субъективного характера.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 1 Постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснил, что степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости не только от вида, размера, объема причиненного вреда, но и от других обстоятельств, таких как роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла (прямой или косвенный) либо вид неосторожности (легкомыслие или небрежность) и другие³.

Таким образом, общественная опасность и ее степень с позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации определяется многими обстоя-

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

ательствами, в том числе и обстоятельствами, относящимися не к самому деянию, а к лицу, это деяние совершившему, например, такими обстоятельствами, предусмотренными ст. 61 УК РФ, как несовершеннолетие виновного, беременность, наличие малолетних детей у виновного и т. д.

Как известно, государство ставит под запрет определенные деяния, исходя из наличия в них свойства вредности для общественных отношений, благоприятных для общества, государства и личности. Данный запрет сопровождается установлением возможности наступления неблагоприятных последствий для нарушителя, причиняющего или ставящего под угрозу причинения вреда охраняемые законом ценности. Данный метод запрета свойственен не только уголовному, но и административному, финансовому, гражданскому и другим отраслям права.

Исходя из изложенного, можно утверждать, что свойство вредности является объективным свойством всех правонарушений. Но тогда возникает потребность их разграничения, определения критериев, на основе которых, например, административное правонарушение отличается от уголовного правонарушения – преступления.

Поскольку в целом ряде случаев с позиции и объективной, и субъективной сторон преступление и иное правонарушение могут совпадать частично или в полном объеме, то единственным верным ответом на поставленный вопрос будет следующий: *ограничение преступления от иного правонарушения может быть осуществлено исключительно на основе степени общественной опасности деяния*. А это, как было показано, является собирательным объективно-субъективным фактором.

Этот вывод подтверждается, например, и тем обстоятельством, что одним из критериев деления преступлений на категории является такой субъективный показатель, как форма вины, что прямо закреплено в ст. 15 УК РФ. В уголовном законе имеются и иные положения, указывающие на то, что степень общественной опасности деяния неразрывно связана с целым рядом факторов, но основными из них являются признаки, так или иначе относящиеся к личности виновного.

К примеру, не признается преступлением общественно опасное деяние, если оно совершено невменяемым (ст. 21 УК РФ), цели и мотивы преступления признаются обстоятельствами, влияющими на степень общественной опасности деяния (ст. 64 УК РФ), и т. п.

На наш взгляд, свойства личности выражаются и в совершенном правонарушении. Оценку опасности последнего нельзя осуществлять в отрыве от некоторых свойств личности, которым законодатель придает правовое значение. Одним из таких факторов является направленность поведения виновного, выражающаяся в неоднократном противоправном поведении.

Еще раз уточним следующее: *неоднократность* по существу представляет собой повторное, при определенных условиях или при отсутствии условий, совершение аналогичного или тождественного неправомерного деяния, следствием чего являются возрастание степени общественной опасности итогового деяния и его трансформация из категории неправомерного в категорию преступления.

За счет же чего осуществляется указанное перерождение? Очевидно, если мы говорим о повторном совершении аналогичного или тождественного деяния, то трансформация деяния в преступление, вероятно, не может иметь места за счет повышения уровня опасности признаков самого деяния (об этом будет сказано ниже). Но тогда мы неизбежно приходим к выводу о повышении степени общественной опасности деяния прежде всего за счет свойств деятеля (личности), хотя нельзя не принимать во внимание и факт нового (итогового) противоправного поведения, совершаемого при иных объективных и субъективных обстоятельствах, чем предыдущее(-ие).

Однако все-таки в первую очередь перерастание правонарушения в его наиболее опасную форму – в преступление – осуществляется, по нашему мнению, за счет личностных свойств правонарушителя, приобретающего иные свойства по сравнению с его же свойствами на этапе первоначально нарушения правовых предписаний. Этот тезис, с нашей точки зрения, подтверждается выводами как тех исследователей, которые не признают, что неоднократность совершения деяния может служить основанием повышения степени его общественной опасности, так и тех, кто соотносит указанное повышение со свойствами личности, не со свойствами самого правонарушения.

Обратимся к позициям авторов первой группы. К примеру, В. А. Зуев отмечает, что «административное правонарушение, сколько бы оно ни повторялось, не приобретает сущностных, материальных свойств преступления» [Зуев, В. А., 1995, с. 3]. Д. С. Чикин полагает, что административное правонарушение не повышает степени общественной опасности деяния, а «получает двойную юридическую оценку» [Чикин, Д. С., 2012, с. 17].

Данная позиция поддерживается значительным числом и других авторов [Крюков, В. В., 2017, с. 191; Григорьева, А. В., 2022, с. 22]. В этом отношении крылатым стало выражение Н. Ф. Кузнецовой о том, что из ста кошек не получится одного тигра [Кузнецова, Н. Ф., 1992, с. 82]. На этом основании, а именно том факте, что повторное совершение уголовно ненаказуемого деяния не придает последующему деянию новых качеств, повышающих его общественную опасность, указанные и другие авторы критикуют институт административной преюдиции. Полагаем, что эту критику можно распространить и на все иные варианты неоднократности в ее нынешнем виде, т. е. совершение нового общественно опасного, но уголовно ненаказуемого поступка.

Однако здесь нельзя не вспомнить один из законов диалектики, сформулированный Гегелем, который отмечал, что «определенное количество возвращается к *качеству*, теперь уже определено качественно» [Гегель, Г., 2017, с. 213]. И далее: «Первоначально количество как таковое выступает как нечто противостоящее качеству. Но само количество есть *некоторое* качество, соотносящаяся с собою определенность вообще, отличенная от другой для нее определенности, от качества как такового. Однако оно не только есть *некоторое* качество, а истина самого качества есть количество; качество явило себя переходящим в количество. И обратно: количе-

ство в своей истине есть возвратившаяся в себя самое, безразличная внешность. Таким образом, оно есть само качество...» [Гегель, Г., 2017, с. 291].

Как известно, законы диалектики действуют не только в материальной, физической, но и в социальной сфере. Поэтому утверждение о том, что количество правонарушений может придать им новое качество – качество преступления, не противоречит социальным законам. Но тогда возникает вопрос: за счет чего, какого фактора правонарушение, не являющееся преступлением, при своем повторении приобретает иное качество?

Думается, ответ на этот вопрос, по крайней мере частично, содержится в концепции сторонников административной преюдиции, которая заключается не в отрицании тезиса о невозможности повышения степени общественной опасности повторного правонарушения до степени опасности преступления, а в переносе катализатора преобразования с повторного деяния на личность правонарушителя.

В связи с этим вполне аргументированна, по-нашему мнению, позиция М. И. Ковалева, согласно которой повторность не может изменить внутреннюю сущность поступка как события объективной действительности и, следовательно, не может изменить и предмет правового регулирования; ученый сделал вывод о том, что повторность является обстоятельством, характеризующим личность преступника, а не его деяния [Ковалев, М. И., 1982, с. 11–12].

Аналогичное мнение высказал и А. З. Рыбак, отмечающий, что «никто не собирается равнозначно подходить к разбою и краже по одному полону всей поленницы, но личность человека-преступника такова, что если в первый раз он похитил полено, то затем, чувствуя свою безнаказанность или “мягкость” наказания, он решит похитить вязанку дров, а затем и всю поленницу, так “из кошки появится саблезубый тигр”» [Рыбак, А. З., 2015, с. 116–117].

Влияние личности на степень общественной опасности деяния подчеркивает и П. Д. Фризен, полагающий, что переход административного правонарушения в уголовное преступление происходит через субъекта, совершившего деяние, т. е. конструкция административной преюдиции предполагает не переход количества совершенных правонарушений в качество, а приобретение нового качества лицом, совершившим правонарушение или уже преступление [Фризен, П. Д., 2004, с. 12–14].

Изложенная позиция о влиянии личности на степень общественной опасности деяния поддерживается другими учеными-криминалистами в том числе и в контексте теории опасного состояния личности [Малков, В. П., 2006, с. 29; Безверхов, А. Г., 2013, с. 11].

Как известно, теория опасного состояния личности не была признана в полной мере российской юридической наукой. Однако не нашла ли она своего отражения в институтах множественности правонарушений: административной преюдиции, повторности, неоднократности?

Теория опасного состояния личности в первоначальном варианте была сформулирована бароном Гарофало [Garofalo, R., 1880]. На протяжении определенного периода времени эта теория развивалась, исследователи пытались глубоко разобраться в природе преступления и преступника. Названная теория имеет как своих противников, так и сторонников. В частности, ван Гамель предлагал выделять из общего числа преступников неисправимых, т. е. тех, кто, живя свободно в наших современных обществах, представляют для них постоянную опасность вследствие своих преступных наклонностей [Van Hamel, 1894]. Последствиями опасного состояния должны были служить системы неопределенных приговоров, связанных с неопределенным заключением различной степени интенсивности [Есипов, В. В., 1893], превентивные меры, применяемые только на основании признания наличия опасного состояния личности до совершения ею возможного преступления.

Безусловно, неопределенные приговоры, а также превентивные меры, призванные нивелировать опасное состояние, не могут и не должны быть последствием признания человека потенциально опасным для общества. Но вот стойкая направленность поведения правонарушителя в совокупности с самим повторяющимся антисоциальным поведением не может быть безразлична государству и обществу в связи с высокой вероятностью совершения лицом новых правонарушений. Вместе с тем нельзя не отметить и тот факт, что в уголовно-правовом аспекте не сама потенциальная опасность лица является основанием реагирования государства, а только опасность в сочетании с новым правонарушением. Именно такой симбиоз свойства повышенной общественной опасности личности и совершения нового правонарушения служит фундаментом более строгих мер государственного реагирования, включая более строгую юридическую ответственность или более строгий ее вид.

Поэтому неоднократность совершения правонарушений при порицании государством и обществом такого поведения и игнорирование виновным установленных правил поведения, мер, применяемых за совершение правонарушений, выступают обстоятельствами, позволяющими говорить о трансформации правонарушений в такой их вид, как преступление.

Противники института преюдиции и вообще противники той позиции, что повторное правонарушение приобретает повышенную общественную опасность, основываются на том, что «понятие преюдиции в уголовном праве противоречит ст. 14 УК РФ, определяющей общественную опасность деяния как неотъемлемый признак преступления, поскольку общественная опасность деяний определяется не их количеством или привлечением к ответственности за одно или несколько деяний, а тяжестью причиненного вреда или совокупностью обстоятельств, свидетельствующих о высокой степени опасности деяния» [Бухалов, В. И., 2020, с. 250].

Однако общественная опасность деяния, как показано выше, состоит не только в причиненном или потенциальном вреде. Как видно из приведенной цитаты, общественная опасность включает в себя и совокупность

иных «обстоятельств, свидетельствующих о высокой степени общественной опасности деяния», и с этим следует согласиться.

На этой же позиции стоит и Конституционный Суд Российской Федерации, отметивший: «Повторное совершение аналогичных или однородных административных правонарушений объективно свидетельствует как о недостаточности примененных средств для результативного противодействия возбращаемому поведению, так и о повышенной общественной опасности содеянного, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий»⁴.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации признает неоднократность фактором, который может влечь за собой качественное изменение деяния, а именно такого его свойства, как общественная опасность.

Но что представляют собой эти обстоятельства, преобразующие иное противоправное деяние в преступление? Постараемся ответить на этот вопрос при рассмотрении еще одной проблемы, связанной с институтом неоднократности.

Дело в том, что в таком варианте неоднократности, как административная преюдиция, правонарушитель уже привлекался к этому виду юридической ответственности и понес соответствующее наказание. Эта ситуация позволяет ставить вопрос о том, не является ли учет первого правонарушения при определении соответствующего состава преступления тем самым повторным учетом деяния, а следовательно, о нарушении принципа «не дважды за одно и то же».

Как известно, указанный принцип закреплен в ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации и сформулирован он следующим образом: «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление»⁵. Имеет ли этот запрет отношение к рассматриваемой проблеме, проблеме неоднократности правонарушений, по крайней мере к институту административной преюдиции как одному из видов неоднократности?

Этот принцип нашел свое закрепление и в ч. 2 ст. 6 УК РФ, установившей: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

В пункте 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах также заложен принцип, согласно которому «никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-про-

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля

цессуальным правом каждой страны»⁶. И так, все приведенные нормативные документы установили запрет двойной ответственности за одно и то же преступление.

Однако неоднократность предполагает установление, если можно так выразиться, одной ответственности за одно, качественно иное, отличное от административного деяние, которое и признается преступлением.

Рассмотрим несколько подробнее ситуацию с двойным учетом, в том числе на основе анализа законодательных определений составов преступлений, где предусмотрена неоднократность в том или ином ее проявлении.

Возьмем для примера два наиболее распространенных варианта конструирования соответствующих уголовно-правовых норм.

В статье 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)» установлена ответственность за незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи, совершенные неоднократно или из корыстных побуждений.

В статье 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость» ответственность установлена за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

И в том и в другом случае акцент делается прежде всего не на личности виновного, ее свойствах, а на совершении нового правонарушения. Именно за это новое правонарушение и устанавливается уже не административная, а уголовная ответственность. Следовательно, думается, законодатель при решении данного вопроса исходит из признания нового качества вновь совершенного деяния.

Принцип же «*non bis in idem*» означает исключение возможности «повторного осуждения и наказания лица за одно и то же преступление, квалификации одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть, а также двойного учета одного и того же обстоятельства (судимости, совершения преступления лицом, ранее совершившим преступление) одновременно при квалификации содеянного и при определении вида и меры ответственности»⁷.

Неоднократность же, как отмечалось выше, предполагает учет не преступлений, а иных правонарушений. Это уже само по себе исключает возможность нарушения рассматриваемого принципа, поскольку ответвен-

---

2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2017 г. № 1541-О. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ность наступает не за одно и то же деяние, не за одно и то же преступное событие, а за новое деяние, достигшее уровня преступления за счет иных, отличных от предыдущего правонарушения таких составляющих, как иное психическое отношение лица к новому деянию и иной, по сравнению с административно-правовым деликтом, субъект – специальный субъект преступления.

Таким образом, неоднократность влияет на увеличение степени общественной опасности последующего деяния, что объективно требует иного качественного реагирования на его совершение.

Именно по этому пути в настоящее время идет законодатель, переводя в случае неоднократного совершения преступлений меры государственного реагирования в иную (уголовно-правовую) плоскость.

Однако, на наш взгляд, в случае неоднократного совершения правонарушения ответственность наступает не за первое правонарушение, а за повторное, имеющее уже иное качество. Это новое качество появляется в первую очередь в результате совершения нового правонарушения в иных условиях, чем совершение первого правонарушения, а именно в условиях наличия первого совершенного правонарушения, что повышает его общественную опасность, в том числе за счет субъективной направленности действий виновного, охватывающей и осознание факта неоднократности совершения правонарушения.

Аналогичные позиции в юридической литературе высказывались и ранее. Так, Ч. Ф. Мустафаев полагал, что «при повторном совершении деяния (после административного деликта) содержание умысла выражает более негативное, чем прежде, отношение к охраняемым законом социальным ценностям и таким образом влияет на повышение общественной опасности содеянного в целом, что и является основанием для признания данного деяния преступным, само по себе предыдущее административное правонарушение не входит в состав рассматриваемого преступления» [Мустафаев, Ч. Ф., 1986, с. 7–8].

Косвенным подтверждением того факта, что неоднократность повышает степень общественной опасности деяния, служит и то обстоятельство, что в российское уголовное законодательство было введено понятие рецидива преступлений, а это указывает на повышение опасности именно деяний при неоднократном совершении преступлений.

И еще один, хотя и формальный, аспект, свидетельствующий, по нашему мнению, о целесообразности наличия института неоднократности во всех его проявлениях: как отмечалось выше, понятие неоднократности достаточно широко используется в уголовном законе и практика подтвердила целесообразность наличия рассматриваемого института.

Таким образом, неоднократность в уголовном праве России может быть выражена во многих вариантах: при наличии административного наказания, при его отсутствии, при установлении иных требований к составу преступления. Это означает, что условия формирования составов преступлений, основанных на наличии неоднократности совершения правонарушений, могут изменяться с учетом того, какому фактору

законодатель придает криминообразующее значение. При наличии такого фактора виновный совершает уже не просто новое противоправное деяние, а преступление, поскольку криминообразующий фактор имеет место в объективной действительности, что охватывается и осознанием виновного.

В итоге же данного исследования следует еще раз отметить, что общественная опасность является свойством правонарушения, в том числе преступления, и находит свое отражение во всех элементах деяния, а следовательно, является собирательным, объективно-субъективным свойством. Преступное же от непроступного правонарушения отличается не наличием или отсутствием общественной опасности, а ее степенью, что обуславливается включением в состав деяния дополнительного криминообразующего фактора.

На наш взгляд, указанный подход к определению преступного является принципиальным при определении направлений развития теории и практики уголовного закона.

И еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. В тех случаях, когда неоднократность правонарушений включает в себя в качестве условия наличие административного наказания, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки (ст. 90 УПК РФ). В этом случае можно говорить об административной преюдиции, поскольку указанные решения являются обязательными для правоприменителя.

Но все же обстоятельства, установленные решением (в широком плане) суда, не являются неопровержимыми.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «фактические обстоятельства, установленные вступившими в законную силу судебными актами, принятыми по делам об административных правонарушениях, как таковые не определяют выводы о виновности лица, в отношении которого они были приняты, в совершении предусмотренного данной статьей (ст. 212.1 УК РФ. – А. Б.) преступления, которая должна устанавливаться судом в предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедурах исходя из всей совокупности доказательств, включая не исследованные при рассмотрении дел об административных правонарушениях»⁸.

⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2020 г. № 264-О-Р «По ходатайству Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года № 2-П». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Поэтому мы разделяем позицию А. А. Арямова, утверждающего, что «характеристика специального субъекта преступления по признаку предшествующего привлечения к административной ответственности вполне соответствует форме и содержанию понятия предикация, которым оперируют философия, логика, лингвистика, психология и т. д. А именно: посредством установления связи между субъектом (актантом) и предикатом (наличие у лица непогашенного административного взыскания) формируется препозиция (условие привлечения к уголовной ответственности или усиление таковой); при этом свойства предиката при формировании препозиции подлежат оценке и вполне могут быть подвергнуты ревизии, что не свойственно преюдиции. Таким образом, рассматриваемое правовое явление целесообразно обозначать термином “административная предикация”» [Арямов, А. А., 2021, с. 9].

Этот подход представляется справедливым как в отношении неоднократности, где условием является административное наказание, так и неоднократности, заключающейся в совершении нового деяния, при отсутствии условия административного наказания.

Таким образом, можно утверждать, что институт неоднократности в целом – это институт предиката.

Обсуждение и заключение

Подводя итоги исследования проблемы, можно сформулировать следующие краткие выводы.

1. В российском уголовном праве закреплен институт неоднократности, сущность которого заключается в совершении деяния, внешне схожего с правонарушением (не преступлением), но приобретающего степень общественной опасности преступления за счет продолжения противоправного поведения и осознания этого виновным, т. е. комплекса объективных и субъективных факторов.

2. Исходя из видов криминообразующих факторов, можно выделить несколько вариантов неоднократности, что позволяет охватить уголовной юрисдикцией необходимые виды противоправного поведения.

3. Понятие неоднократности носит обобщающий характер и включает в себя также такие ее варианты, как повторность и систематичность.

4. Существующий в уголовном праве вариант неоднократности не является тождественным неоднократности преступлений, а представляет собой явление качественного преобразования правонарушений в преступное деяние.

5. Функциями института неоднократности являются криминализация и декриминализация деяний.

6. Наличие института неоднократности не противоречит принципу «не дважды за одно и то же» и не выступает проявлением теории опасного состояния личности.

Список источников

- Арямов А. А. Административная преюдиция в уголовном праве и требования юридической техники // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 3-2. С. 3–12. DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-3-12.
- Безверхов А. Г. Административная преюдиция в уголовном праве России // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права : межвуз. сб. науч. тр. / под общ. ред. А. Г. Безверхова. Самара : Самар. гос. ун-т, 2013. С. 6–19. ISBN: 978-5-86465-582-5.
- Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Харьков : С. Я. Беликов, 1889. 262 с.
- Бухалов В. И. О конституционном признаке «не дважды за одно и то же» // Научные труды / Российская академия юридических наук. Вып. 20. М., 2020. С. 247–251.
- Гегель Г. Наука логики. Т. 1 : Объективная логика / пер. с нем. Б. Г. Столпнера. Dallas, USA : Primedia E-launch LLC, 2017. 540 с. ISBN: 978-1-64008-540-4.
- Григорьева Л. В. Тенденции уголовной политики сквозь призму административной преюдиции в отечественном уголовном праве // Правовая культура. 2022. № 3 (50). С. 20–28.
- Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М. : Изд-во АН СССР, 1948. 311 с.
- Есипов В. В. Личное состояние преступности, как предмет наказания // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1893. Кн. 10 (Декабрь). С. 22–50.
- Зуев В. А. Особенности доказывания по делам о преступлениях с административной преюдицией : лекция. М. : УМЦ при ГУК МВД РФ, 1995. 32 с.
- Ковалев М. И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М. И. Ковалев. Свердловск : СЮИ, 1982. С. 3–14.
- Крылова Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М. : Спарк, 1996. 123 с.
- Крюков В. В. Цели уголовного наказания: понятие, виды, механизмы достижения : дис. ... канд. юрид наук. Саратов, 2017. 251 с.
- Кузнецова Н. Ф. Цели и механизм реформы Уголовного кодекса // Советское государство и право. 1992. № 6. С. 78–86.
- Курс уголовного права : в 5 т. Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 2002. 624 с. ISBN: 5-94373-034-6.

- Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань : Талигмат, 2006. 140 с. ISBN: 5-8399-0147-4.
- Мустафаев Ч. Ф. Административная преюдиция в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Баку, 1986. 203 с.
- Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. М. : Бек, 1996. 560 с.
- Рыбак А. З. Административная преюдиция в уголовном праве // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2015. № 2. С. 116–121.
- Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая. Т. 1. 2-е изд. СПб. : Гос. тип., 1902. 815 с.
- Таюрская Е. А., Габеев С. В. «Неоднократность» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (29 апр. 2016 г.) / гл. ред. П. А. Капустюк, отв. ред. Р. А. Забавко. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. С. 5–7.
- Уголовное право России. Общая часть : учебник для студентов вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало : Изд-во Моск. ун-та, 2005. 735 с. ISBN: 5-8078-0112-1.
- Фризен П. Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. 208 с.
- Чикин Д. С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления // Российский следователь. 2012. № 23. С. 17–18.
- Garofalo R. Di un criterio positivo della penalità. Kessinger Publishing, 2010. 96 p. ISBN-10: 1161059644, ISBN-13: 978-1161059649.
- Van Hamel. Report // Bulletin de l'union internationale de droit pénal. 1894. Vol 4. Pp. 266–267.

References

- Aryamov, A. A., 2021. Administrative prejudice in criminal law and requirements of legal technology. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 7(3-2), pp. 3–12. (In Russ.) DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-3-12.12.
- Beccaria, C., 1889. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* = [About crimes and punishments]. Kharkov: S. Ya. Belikov. 262 p. (In Russ.)
- Bezverkhov, A. G., 2013. Administrative prejudice in the criminal law of Russia. In: A. G. Bezverkhov, ed. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava, kriminologii, ugolovno-ispolnitel'nogo prava* = [Actual problems of criminal law, criminology, penal enforcement law]. Interuniversity collection of scientific works. Samara: Samara State University. Pp. 6–19. (In Russ.)

Bukhalov, V. I., 2020. On the constitutional feature “not twice for the same thing”. In: B. B. Grib, ed. *Nauchnye trudy* = [Scientific works]. The Russian Academy of Legal Sciences. Moscow. Pp. 247–251. (In Russ.) ISBN: 978-5-91835-386-8.

Chikin, D. S., 2012. [Crime with administrative prejudice as a type of complex single crime]. *Rossiyskij sledovatel'* = [Russian Investigator], 23, pp. 17–18. (In Russ.)

Durmanov, N. D., 1948. *Ponyatie prestupleniya* = [The concept of crime]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 311 p. (In Russ.)

Esipov, V. V., 1983. [The personal state of crime as a subject of punishment]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava* = [Journal of Civil and Criminal Law], 10, pp. 22–50. (In Russ.)

Frisen, P. D., 2004. *Administrativno-pravovoe preduprezhdenie otdel'nykh vidov prestuplenij* = [Administrative and legal prevention of certain types of crimes]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Barnaul. 208 p. (In Russ.)

Garofalo, R., 2010. Di un criterio positivo della penalità. Kessinger Publishing. 96 p. ISBN-10: 1161059644, ISBN-13: 978-1161059649.

Grigorieva, L. V., 2022. Trends in criminal policy through the prism of administrative prejudice in domestic criminal law. *The Legal Culture*, 3, pp. 20–28. (In Russ.)

Hegel, G., 2017. *Nauka logiki* = [The science of logic]. Vol. 1: Objective logic. Transl. from Germ. by B. G. Stolpner. Dallas, USA: Primedia E-launch LLC. 540 p. (In Russ.) ISBN: 978-1-64008-540-4.

Kovalev, M. I., 1982. [Crime and misconduct]. In: Kovalev, M. I., ed. *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po ukrepleniyu pravoporyadka i usileniyu bor'by s pravonarusheniyami* = [Problems of legislation on strengthening law and order and strengthening the fight against offenses]. Interuniversity collection of scientific works. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute. Pp. 3–14. (In Russ.)

Krylova, N. E., 1996. *Osnovnye cherty novogo Ugolovnogo kodeksa Frantsii* = [The main features of the new Criminal Code of France]. Moscow: Spark. 123 p. (In Russ.)

Kryukov, V. V., 2017. *Tseli ugovnogo nakazaniya: ponyatie, vidy, mekhanizmy dostizheniya* = [Goals of criminal punishment: concept, types, mechanisms of achievement]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov. 251 p. (In Russ.)

Kuznetsova, N. F., 1992. [Goals and mechanism of the reform of the Criminal Code]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = [The Soviet State and Law], 6, pp. 78–86 (In Russ.).

Kuznetsova, N. F., Tyazhkova, I. M., eds., 2002. *Kurs ugovnogo prava* = [The course of criminal law.]. Vol. 1: General part. The doctrine of crime. Moscow: Zertsalo-M. 624 p. (In Russ.) ISBN: 5-94373-034-6.

- Kuznetsova, N. F., Tyazhkova, I. M., eds., 2005. *Ugolovnoe pravo Rossii* = [Criminal law of Russia]. General part. Textbook for university students. Moscow: Zertsalo. Moscow University Publishing House. 735 p. (In Russ.) ISBN: 5-8078-0112-1.
- Malkov, V. P., 2006. *Mnozhestvennost' prestuplenij: sushchnost', vidy, pravovoe znachenie* = [Multiplicity of crimes: essence, types, legal significance]. Kazan: Taligmat. 140 p. (In Russ.) ISBN: 5-8399-0147-4.
- Mustafaev, Ch. F., 1986. *Administrativnaya prejuditsiya v sovetskom ugolovnom prave* = [Administrative prejudice in Soviet criminal law]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Baku, 1986. 203 p. (In Russ.)
- Naumov, A. V., 1996. *Rossijskoe ugolovnoe pravo* = [Russian Criminal Law]. General part. Moscow: Beck. 478 p. (In Russ.)
- Rybak, A. Z., 2015. [Administrative prejudice in criminal law]. *Sovremennye problemy social'no-gumanitarnykh nauk* = [Modern Problems of Social and Humanitarian Sciences], 2, pp. 116–121. (In Russ.)
- Tagantsev, N. S., 1902. *Russkoe ugolovnoe pravo* = [Russian criminal law]. Lectures. Part General. Vol. 1. 2nd ed. St. Petersburg: State Printing House. 815 p. (In Russ.)
- Tayurskaya, E. A., Gabeev, S. V., 2016. ["Repetition" in the Criminal Code of the Russian Federation]. In: P. A. Kapustyuk, R. A. Zabavko, eds. *Ugolovnyj zakon Rossijskoj Federatsii: problemy pravoprimeneniya i perspektivy sovershenstvovaniya* = [Criminal law of the Russian Federation: problems of law enforcement and prospects for improvement]. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (April 29, 2016). Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Pp. 5–7. (In Russ.)
- Van Hamel, 1894. Report. *Bulletin de l'Union internationale de droit pénal*, 4, pp. 266–267.
- Zuev, V. L., 1995. *Osobennosti dokazyvaniya po delam o prestupleniyakh s administrativnoj prejuditsiej* = [Features of evidence in cases of crimes with administrative prejudice]. Lecture. Moscow: Educational and Methodological Center under the Main Personnel Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 32 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Бриллиантов Александр Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), заслуженный юрист Российской Федерации.

Alexander V. Brilliantov, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinska-

ya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Honored Lawyer of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 28.12.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 27.04.2024.
The article was submitted 28.12.2023; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 27.04.2024.

Вопросы наукометрии в отечественной науке

Ирина Борисовна Стояновская

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
science@rsuj.ru*

Современная наука в настоящее время переживает фазу информационно-технологического прорыва, скорость наращивания нового знания и его объем год за годом увеличиваются в геометрической прогрессии. Несколько последних десятилетий не утихает дискурс вокруг идеи необходимости объективного оценивания эффективности научных исследований и результативности научной деятельности как научных организаций и вузов, так и каждого исследователя. На это направлены мониторинги, которые демонстрируют несовершенство своих методик измерения, так как преимущественно основываются на формах ежегодного статистического наблюдения, сборе и анализе количественных показателей. По оценкам экспертного сообщества, применяемые методики редко обновляются, имеют невысокий уровень достоверности и предназначены скорее для решения заранее определенных задач. По этим причинам они не вполне подходят для глубоких аналитических исследований (особенно прогнозного характера), а также для создания систем поддержки принятия решений в соответствующей сфере.

В связи с этим повышенный интерес направлен на наукометрию как научное направление, методы которого позволяют анализировать результаты научной деятельности и классифицировать их по разнообразным параметрам. Вместе с тем в фокусе современной наукометрии оказываются вызовы, которые препятствуют дальнейшему ее развитию и применению наукометрических методов. Преодоление такого рода вызовов является коллективной задачей научного и издательского сообществ при поддержке эффективного администрирования¹.

¹ Гуськов А. Е., Шрайберг Я. Л. Вызовы для развития наукометрических исследований // Научные и технические библиотеки. 2023. № 2. С. 37–58. DOI: 10.33186/1027-3689-2023-2-37-58.

Данная проблема обсуждалась в рамках прошедшего **Шестого профессорского форума «Наука и образование как основа развития России. Кадры для инновационной экономики» (14–16 ноября 2023 г.)**. На научно-отраслевой секции «Наукометрическая оценка научной деятельности. Проблемы и перспективы» ключевые вопросы для дискуссии поднимали И. И. Мушкет, заместитель руководителя секретариата Совета Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ, директор Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ; И. Е. Ильина, директор Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИ-ЭПП); И. М. Мацкевич, главный ученый секретарь ВАК, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации. Руководителем проекта Н. С. Курдюковым была анонсирована новая отечественная наукометрическая платформа МИНЦ (международный индекс научного цитирования) как альтернатива WoS и Scopus, ориентированная на реализацию в научном пространстве государств СНГ. При всей важности разработки и внедрения МИНЦ следует отметить, что, являясь альтернативой WoS и Scopus, он основывается на тех же принципах и методологических подходах (основой наукометрического анализа являются прежде всего показатели цитирования). Данная особенность является «ахиллесовой пятой» применяемых на сегодняшний день баз оценки вклада ученого в развитие науки, что неоднократно становилось предметом научной полемики. Актуализировался вопрос об изменении наукометрической парадигмы.

На данной встрече представители РГУП презентовали промежуточные результаты изучения показателей наукометрии в сфере гуманитарных наук, для изучения которых в Университете была создана межотраслевая рабочая группа из представителей разных кафедр. Ученые РГУП предлагают принципиально новый подход к разработке наукометрических инструментов – практико-ориентированный, позволяющий учитывать комплекс качественных критериев, а именно: вид научной публикации; практическую значимость научной публикации; степень самостоятельности проведенного исследования; количество соавторов; соответствие материалов публикации сфере научных интересов автора. Предполагается учитывать не только количество цитирований, но и их качество, включая внешнее цитирование, перекрестное цитирование или самоцитирование.

Публикации авторов предлагается классифицировать по трем направлениям: теоретические, практико-теоретические и практико-ориентированные. Возможно выделение в структуре научных изданий разделов, посвященных практико-ориентированным публикациям (вероятно, при снижении к таким публикациям требований по объему и уровню оригинальности). Возможен выпуск при научных журналах научно-популярных приложений, предназначенных для широких слоев населения. Целью подобных изданий были бы ответы на распространенные вопросы повседневной правовой практики рядовых граждан, полезные советы для решения конкретных ситуаций, повышение общего уровня правовой образованно-

сти населения. Целесообразно не придавать международным журналам по юридическим наукам большего значения по сравнению с отечественными изданиями, включенными в Перечень ведущих рецензируемых журналов, рекомендованных ВАК Минобразования Российской Федерации.

Идеи и наработки сотрудников РГУП по обозначенной проблематике вызвали интерес присутствовавших участников упомянутой секции Профессорского форума. Оргкомитет предложил работникам РГУП принять участие в подготовке резолютивной части решения Профессорского форума, а также дальнейшем сотрудничестве с РИЭПП.

Информация об авторе / Information about the author

Стояновская Ирина Борисовна, кандидат педагогических наук, начальник управления научно-инновационного развития Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Irina B. Stoyanovskaya, Cand. Sci. (Pedagogical), Head of the Scientific and Innovative Development Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23.11.2023; принята к публикации 13.02.2024.

The article was submitted 23.11.2023; accepted for publication 13.02.2024.

Научная статья

УДК 001.891

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.162-172

О пересмотре критериев наукометрии в контексте связи науки и практики

**Анна Анатольевна Ананьева¹,
Оксана Валерьевна Сазанкова²**

^{1, 2} *Российский государственный университет правосудия, Москва, Российская Федерация*

¹ *annaslast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2018-9918>*

² *sazankovaov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3332-9255>*

Аннотация

Введение. В статье предпринята попытка осмысления необходимости изменения наукометрических показателей юридических исследований. В последнее время в оценке научных исследований преобладают количественные показатели публикационной активности и цитируемости авторов. Существуют обоснованные сомнения в возможности лишь количественными показателями измерять научное творчество. Показатели научной деятельности должны системно объяснять правовую реальность. Правовая наукометрия нуждается в усовершенствовании, чтобы в рамках наукометрических показателей можно было учитывать практическую полезность исследований для правоприменения и повседневной практики существования правовой материи.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу статьи составляют труды зарубежных и отечественных мыслителей и ученых по проблемам и особенностям оценки результативности научных исследований, наукометрии, философии и теории права. При подготовке статьи использовались следующие методы научного исследования: измерение, сравнение, аксиоматический метод, анализ, синтез.

Результаты исследования. Целью данной работы является выявление возможных направлений совершенствования показателей результативности юридической науки. Для этого предлагаются способы совершенствования индексов публикационной активности, а также меры, направленные на привлечение более широкого интереса специалистов в области юриспруденции и рядового населения к научной периодике, в том числе выделение в структуре научных изданий разделов, посвященных практико-ориентированным публикациям, научно-популярных приложений, предназначенных для широких слоев населения, и др. Кроме того, уделено внимание проблеме издания практико-ориентированных публикаций в международных журналах, в связи с чем предлагается не придавать им большего значения по сравнению с отечественными изданиями перечня ведущих рецензируемых журналов.

Обсуждение и заключение. Наукометрических показателей, которые были бы способны без малейших погрешностей оценивать результаты деятельности

ученого во всем многообразии связей его научных трудов с реальностью, не существует. Но на основании сочетания не только количественного, но и качественного анализа публикационной деятельности можно сравнить условную эффективность научных разработок и направлений деятельности ученых.

Ключевые слова: наукометрия, научные исследования, практико-ориентированные публикации, индекс Хирша, Web of Science, Scopus

Для цитирования: Ананьева А. А., Сазанкова О. В. О пересмотре критериев наукометрии в контексте связи науки и практики // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. С. 162–172. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.162-172.

Original article

On the Revision of Scientific Criteria in the Context of the Connection of Science and Practice

Anna A. Ananyeva¹, Oksana V. Sazankova²

^{1, 2} Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

¹ annaslast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2018-9918>

² sazankovaov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3332-9255>

Abstract

Introduction. An attempt to understand the need to change the scientometric indicators of legal research was made in this article. Recently, quantitative indicators of publication activity and citations of authors dominate in the assessment of scientific research. There are reasonable doubts about the possibility of measuring scientific creativity only by quantitative indicators. Indicators of scientific activity must systematically explain legal reality. Legal scientometrics needs to be improved so that within the framework of scientometric indicators the practical usefulness of research for law enforcement and the daily routine practice of the existence of legal matter should be taken into account.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the article is the works of foreign and domestic researchers and scientists on the problems and features of assessing the effectiveness of scientific research, scientometrics, philosophy and legal theory. While preparing the article, the following scientific research methods were used: measurement, comparison, axiomatic method, analysis, synthesis.

Results. The purpose of this article is to identify possible directions of improving the performance indicators of legal science. As a result, measures are proposed to improve the indices of publication activity, as well as measures aimed at attracting wider interest of specialists in the field of jurisprudence and the ordinary population to scientific periodicals, including the allocation in the structure of scientific publications of sections devoted to practice-oriented publications, popular science applications, intended for the general population, etc. In addition, attention is attracted to the problem of publishing practice-oriented publications in international journals, and therefore it is proposed not to give them greater importance compared to domestic publications of the list of leading peer-reviewed journals.

Discussion and Conclusion. There are no scientometric indicators that would be able to evaluate without the slightest error the results of a scientist's activity in all the diver-

sity of connections between his scientific works and reality. Therefore, it is possible to compare the relative effectiveness of scientific developments and areas of activity of scientists based on a combination of not only quantitative, but also qualitative analysis of publication activity.

Keywords: scientometrics, scientific research, practice-oriented publications, H-index, Web of Science, Scopus

For citation: Ananyeva, A. A., Sazankova, O. V., 2024. On the revision of scientific criteria in the context of the connection of science and practice. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 162–172. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.162-172.

Введение

В настоящий момент российское общество вновь столкнулось с цивилизационными вызовами, успешное преодоление которых зависит как от слаженной работы государственного механизма, так и от общественного согласия. В таких обстоятельствах полное использование потенциала наук, в том числе гуманитарных, представляет собой необходимое условие для решения поставленных перед обществом и государством задач.

Связь науки и практики в технических и естественных науках определяется степенью внедрения технологий в производство. Одним из показателей результативности являются патенты на изобретения, полезные модели, промышленные образцы. Можно также учитывать финансовый показатель доходности от использования объектов права промышленной собственности. Производители заинтересованы во внедрении в производство результатов интеллектуального труда, которые могут способствовать созданию конкурентоспособных товаров, работ или услуг.

В отличие от технических и естественных наук в гуманитарных науках связь показателей результативности научных исследований иная. В идеальном варианте результативность юридических наук следовало бы оценивать по показателям судебной статистики о совершаемых правонарушениях, по сведениям об уменьшении нагрузки на судебные органы. Однако и правонарушения, и поступающие в суды гражданские и административные дела являются сложными по сущности категориями, причины возникновения которых, несомненно, многофакторны. Например, посчитать с точностью удельный вес юридических исследований в профилактике правонарушений едва ли представляется возможным.

Вместе с тем в настоящее время применяются наукометрические показатели, использующие практически полностью количественные данные. Для оценки результатов научных исследований, особенно фундаментальных, в практике используются такие библиометрические показатели, как количество научных публикаций и их цитируемость, а межстрановые научные связи нередко измеряются показателями соавторства. Подобные оценки применяются не только для анализа динамики научных направлений и выполнения исследовательских программ, но и при принятии решений о целесообразности их финансирования [Алиева, Т. М., Гасанова, Н. М., 2009, с. 64–66].

Данный подход, скорее всего, единственно возможен при проведении оценки фундаментальных научных исследований, которые являются неотъемлемой частью науки. Но оценка прикладных научных исследований требует совершенствования данных критериев.

Как справедливо отмечает П. П. Серков, назрела потребность в установлении как формальных, так и содержательных наукометрических показателей, характеризующих реальное развитие юридической науки. Здесь оправданно напомнить о философских выводах относительно нераздельности формы и содержания. Поэтому правовая наукометрия должна учитывать не только количество опубликованных работ в целом или у отдельно взятого автора. Наибольший интерес представляет их качественное содержание, способное обеспечивать принятие и проведение современных мер правовой политики [Серков, П. П., 2022, с. 3–10].

Теоретические основы. Методы

Вместе с тем, обращаясь к проблеме критериев эффективности научного знания, следует учесть тот факт, что внутри самой себя юриспруденция также неоднородна. В ней существуют различные отрасли юридических наук.

Например, А. А. Малиновский видит следующую структуру юридических наук: общетеоретические (теория государства и права, история государства и права России и зарубежных стран, история правовых и политических учений), отраслевые (гражданское право, трудовое право, уголовное право, гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное и иные), межотраслевые (экологическое право, судоустройство), прикладные (криминалистика, криминология, судебная медицина, судебная психиатрия, юридическая психология) [Малиновский, А. А., 2007].

М. Н. Марченко подразделял все юридические науки на три большие группы: историко-правовые и теоретико-правовые, отраслевые и специальные (прикладные). Особое место, по его мнению, занимает международное право. Группу историко- и теоретико-правовых наук он подразделяет на две большие подгруппы [Марченко, М. Н., 2008].

Так или иначе все ученые сходятся во мнении, что научные исследования подразделяются на: преимущественно фундаментальные (теория государства и права, история государства и права, история политических и правовых учений), фундаментально-прикладные (отраслевые юридические науки, как то гражданское право, гражданское процессуальное право, уголовное право, трудовое право, административное право, предпринимательское право), практические (криминалистика, судебная психология, судебная психиатрия).

Для разных групп наук требуются различные критерии их оценки. Действительно, фундаментальная юриспруденция с трудом может предоставить какой-то иной критерий для оценки эффективности научной деятельности, кроме количественного показателя. Теория государства и права является методологической основой, обобщает выводы, создавая координирующую конструкцию для всей юриспруденции. Историко-правовые науки обладают свойством познавательной ценности, информативности,

выполняют роль инструмента формирования исторического сознания. Их эффективность коренится, скорее всего, в качестве преподавания, в непосредственной связи истории с искусством и литературой, воплощающими историческую достоверность.

В сфере практических исследований, учитывая их близкое родство и связь с такими отраслями знаний, как медицина, химия, биология и техника, востребованы способы оценки, ориентирующиеся прежде всего на фактическое внедрение результатов научных изысканий.

Учитывая особую специфику этих двух групп юридических наук, способы оценки результативности научных исследований в этих областях не будут предметом анализа в настоящей статье.

Относительно фундаментально-прикладных преимущественно отраслевых наук, которые составляют ядро юриспруденции, изменения критериев наукометрических показателей потенциально способны сблизить науку и практику.

При разработке концепций оценки эффективности правовой науки прежде всего следует исходить из того, что в основании отмеченного осмысления не следует использовать сложившуюся статическую догматику искусственности права. Ее необходимо заменять изучением правовых закономерностей правовой динамики, неотъемлемо присущей естественности правовой действительности и правового регулирования [Серков, П. П., 2023, с. 3–10]. Научная дискуссия по вопросу совершенствования наукометрических показателей необходима. Тем не менее целесообразно эволюционное движение в направлении совершенствования критериев оценки результативности юридической науки.

Важнейшим критерием результативности современной науки выступают библиографические базы данных и индексы научного цитирования. Создание библиографических баз данных мирового уровня основывалось на индексе научного цитирования, который был разработан в 1964 г. Юджином Гарфилдом, возглавлявшим Институт научной информации США [Панин, С. Б., 2019]. Первоначально при разработке индексов научного цитирования они были ориентированы на ученых и исследователей и предполагались как вспомогательный инструмент, однако довольно быстро превратились в средство градации научной продукции, оценки научных журналов, а впоследствии – и оценки ученых.

База индексации журналов, материалов научных конференций Scopus была создана по инициативе издательской группы Elsevier (Эльзевир) в 2004 г. Головной офис издательского дома Elsevier находится в Амстердаме (Нидерландах). База WEB of Science ранее принадлежала Thomson Reuters, а с 3 октября 2016 г. управляется новой независимой частной американской компанией Clarivate Analytics¹. И Scopus, и WoS являются инструментом, находящимся в частном управлении западных компаний.

¹ Acquisition of the Thomson Reuters. URL: <https://www.prnewswire.com/newsreleases/acquisition-of-the-thomson-reuters-intellectual-property-and-science-business-byonex-and-baring-asia-completed-300337402.html>.

Не оспаривая в целом значения этих баз научной литературы, следует сообщить о недостатках использования их отечественными учеными.

Прежде всего это коммерческие проекты. Публикация статей для авторов на некоммерческой основе чрезвычайно затруднена, публикация на коммерческой основе имеет высокую стоимость.

Web of Science ориентирована преимущественно на технические науки, точные науки, естественнонаучные направления, такие как медицина и биология. Гуманитарные направления заявлены, но количество публикаций сравнительно мало.

По данным самого портала Scopus, Западная Европа и Северная Америка представлены 13 819 и 6986 изданиями соответственно, тогда как на долю Восточной Европы, включая Россию и страны СНГ, приходится 2282 издания. Справедливости ради стоит отметить, что Азия представлена 2687 изданиями². Это общие данные по журналам всех направлений.

SCImago Journal Rank (SJR) дает нам для базы данных Scopus в отношении журналов по общественным дисциплинам следующее распределение изданий по странам: 63,4% журналов по общественным дисциплинам выходят в двух странах – США и Великобритании. А среди журналов первого квартала издания из США и Великобритании составили и вовсе 90,7%. Статистика показывает очевидный европоцентризм и атлантизм проекта.

Следует добавить, что исследования юридической тематики, как правило, национальны и для иностранных изданий зачастую не представляют интереса. В ряде случаев публикации препятствуют идеологические соображения. Публикации в международных изданиях имеют неявную связь с практикой правового регулирования, поскольку поднять вопросы, относящиеся к внутригосударственным проблемам реализации права, в международных изданиях сложно, учитывая перечисленные факторы.

Между тем зачастую именно публикации, учитываемые в этих базах, дают больший удельный вес для оценки работы ученого-юриста. Учитывая перечисленные выше трудности, а также современную социально-политическую обстановку, целесообразно не придавать им большего значения по сравнению с отечественными изданиями перечня ведущих рецензируемых журналов. В некоторых вузах уже пошли по подобному пути, приравняв показатели публикационной активности в иностранных журналах к показателям публикационной активности в российских рецензируемых журналах.

К работе некоторых журналов из перечня ведущих рецензируемых изданий Российской Федерации справедливо предъявлялись критические замечания, что предполагает необходимость повышения качества работы изданий, изменения требований к их созданию и деятельности.

Попытка реформировать систему была предпринята при распределении журналов, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, по

² Scopus Your brilliance, connected. Content. Coverage. Guide. URL: <https://www.elsevier.com/?a=69451> (дата обращения: 26.09.2023).

категориям на основании наукометрических и экспертных показателей³. При составлении Перечня учитывались количественные (наукометрические) показатели: Science index, индекс Херфиндаля – Хиршмана, индекс Джинни, средний индекс Хирша авторов, 10-летний индекс Хирша издания, среднее число просмотров на одну статью в год, а также качественные (экспертные показатели): качество научных статей, уникальность научных статей, уровень авторитетности авторов, качество организации рецензирования, организация-учредитель.

Результаты исследования

Целесообразным представляется расширить деление рецензируемых изданий, а также изданий, входящих в Российский индекс научного цитирования, на издания теоретического направления, теоретико-практического и практического направления. Возможно выделение в структуре научных изданий разделов, посвященных практико-ориентированным публикациям.

Это позволит продвинуться в направлении введения не только формальных, но и содержательных критериев наукометрических показателей. Правовая наукометрия должна учитывать не только количество опубликованных работ в целом или у отдельно взятого автора. Наибольший интерес представляет их качественное содержание, способное обеспечивать принятие и проведение современных мер правовой политики [Серков, П. П., 2022].

Особую роль в этом могут сыграть ведомственные журналы. История знает примеры подобных удачных проектов. Например, Санкт-Петербургский журнал МВД издавался значительным для соответствующего исторического периода тиражом. Сопоставив стоимость журнала и выручку, можно вычислить, что тираж его был около 1500 экземпляров. Для сравнения: успешнейший проект Н. М. Карамзина «Вестник Европы» собрал в Москве в 1802 г. свыше 1200 подписчиков [Календарова, В. В., 2021].

Санкт-Петербургский журнал МВД упоминали в дипломатической переписке [Письма из Петербурга в Италию графа Жозефа де Местра, 1871, с. 67], о нем положительно отзывались современники⁴. Во вводной статье Журнала МВД отмечалось: «Сколь ни различны планы обоих сих изданий, но каждое из них принесло свою пользу. Особенно сказать сие можно о «Санкт-Петербургском Журнале». Многие из служащих теперь с похвалою

³ Информационное письмо Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 «О Перечне рецензируемых научных изданий». URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=92263438002&f=14239> (дата обращения: 26.09.2023).

⁴ Например, известен отзыв митрополита Евгения (Болховитинова), содержащийся в письме к В. И. Македонцу: «Читаете ли вы журнал Внутренних дел министра, издаваемый под именем «Санкт-Петербургский Журнал»? Для меня это кажется прекраснейшая книга. А особливо отчет за 1803 год. Книга сия есть во всех губернских правлениях...»

чиновников почерпнули в нем первые правильные о делах правительственных понятия»⁵. Журнал вел активную работу с читателями, которые поддерживали просьбу присылать свои материалы, соответствующие профилю издания. Журнал публиковал не только статьи, но и записки, представленные императору, его письма губернаторам.

Творческое осмысление удачного опыта, учитывая целевую аудиторию таких изданий, может способствовать улучшению связей между научными изысканиями и практической деятельностью.

Возможен выпуск при научных журналах научно-популярных приложений, предназначенных для широких слоев населения. Целью подобных изданий были бы ответы на распространенные вопросы повседневной правовой практики рядовых граждан, полезные советы для решения конкретных ситуаций, повышение общего уровня правовой образованности населения. Не секрет, что основным источником знаний для большинства граждан является интернет. Однако не все сайты содержат достоверную информацию. Часто неверные с точки зрения закона рекомендации дают сайты по продвижению тех или иных товаров или услуг, которые убеждают пользователя в возможности легального достижения разноплановых бытовых задач. Например, оформить медицинскую книжку без посещения медучреждения, официально зарегистрироваться по месту жительства в апартаментах, узаконить перепланировку без соответствующих условий, вернуть водительское удостоверение лицу, которого лишили его по судебному решению, и т. д. Зачастую люди не знают о невозможности подобных действий либо не представляют последствий их совершения. Место псевдонаучных сайтов правовой информации должны занимать приложения периодических изданий, материалы которых разрабатываются учеными, работающими в соответствующих областях юридической науки. Публикации на подобных ресурсах должны быть авторскими, а данные издания следует учитывать при подсчете показателей публикационной активности авторов.

Вопрос об индексации подобных изданий плавно подводит нас к мысли об усовершенствовании системы учета публикации и упоминаний публикаций другими авторами. Публикации авторов следует классифицировать по трем направлениям: теоретические, практико-теоретические и практико-ориентированные. В зависимости от сферы работы ученого-юриста можно применять их в тех или иных сочетаниях. Не стоит требовать от ученого, чью сферу научных интересов составляют история и теория государства и права, философия права, явных практических показателей. Вместе с тем ученые, работающие в областях, связанных с действующим правом, могут успешно сочетать работу по тем или иным направлениям.

Направлением повышения эффективности научных исследований в области гуманитарных наук в целом и юриспруденции в частности может стать совершенствование индексов цитируемости. В настоящий момент

⁵ Журнал Министерства внутренних дел. 1830. № 1.

уровень цитируемости автора в подавляющем большинстве случаев измеряется при помощи индекса Хирша. Между тем он был разработан для ученых, работающих в области теоретической физики и не всегда адекватно отражает потребности гуманитарных дисциплин.

В настоящий момент существует несколько разновидностей индекса Хирша: индекс Хирша по всем публикациям на elib.ru, индекс Хирша по публикациям в РИНЦ, индекс Хирша по ядру РИНЦ, индекс Хирша без учета самоцитирований, индекс Хирша по ядру РИНЦ без учета самоцитирований, индекс Хирша с учетом только статей в журналах.

Возвращаясь к высказанной нами идее разделения изданий на теоретические, практико-ориентированные и смешанные, представляется целесообразным добавить в существующее разделение индексов дополнительный критерий вовлеченности ученого в создание практико-ориентированного продукта. Разграничив индекс по категориям практико-ориентированности, возможно более полно учесть эффективность работы ученого, коррелированную с профилем его научного творчества. При этом следует учитывать как научные труды, созданные по фундаментальным дисциплинам, так и научные труды, имеющие практико-ориентированную направленность.

Обсуждение и заключение

Несомненно, наукометрических показателей, которые были бы способны без малейших погрешностей оценивать результаты деятельности ученого во всем многообразии связей его научных трудов с реальностью, не существует. Но на основании сочетания не только количественного, но и качественного анализа публикационной деятельности можно сравнить условную эффективность научных разработок и направлений деятельности ученых.

Список источников

- Алиева Т. М., Гасанова Н. М. Проблемы и особенности оценки результативности научных исследований и инноваций // Транспортное дело России. 2009. № 1. С. 64–66.
- Календарова В. В. Ведомственная и отраслевая периодика в общественной жизни начала XIX века // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2021. Т. 31, № 4. С. 710–720. DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-710-720.
- Малиновский А. А. Способы осуществления права // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 48–55.
- Марченко М. Н. Источники права. М. : ТК Велби : Проспект, 2008. 760 с. ISBN: 978-5-482-01873-6.
- Панин С. Б. Современные наукометрические системы «WoS» и «Scopus»: издательские проблемы и новые ориентиры для российской вузовской науки // Гуманитарные исследования Центральной России. 2019. № 3 (12). С. 51–65. DOI: 10.24411/2541-9056-2019-11030.

Письма из Петербурга в Италию графа Жозефа де Местра // Русский архив. 1871. № 6. С. 53–149.

Серков П. П. К вопросу о показателях результативности юридической науки // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 3–10. DOI: 10.52433/01316761_2022_12_03.

Серков П. П. Реалии оценок успешности юридической науки // Российская юстиция. 2023. № 8. С. 3–10. DOI: 10.52433/01316761_2023_08_03.

References

Alieva, T. M., Gasanova, N. M., 2009. Problems and features of assessing the effectiveness of scientific research and innovation. *Transport Business of Russia*, 1, pp. 64–66. (In Russ.)

Kalendarova, V. V., 2021. Departmental and branch periodicals in public life at the beginning of XIX Century. *Bulletin of the Udmurt University. Series history and philology*, 31(4), pp. 710–720. (In Russ.) DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-710-720.

Letters from St. Petersburg to Italy from Count Joseph de Maistre, 1871. *Russkij arkhiv* = Russian Archive, 6, pp. 53–149. (In Russ.)

Malinovsky, A. A., 2007. Methods of realization of the law. *Journal of Russian Law*, 3, pp. 48–55. (In Russ.)

Marchenko, M. N., 2008. *Istochniki prava* = [Sources of law]. Moscow: TK Welby: Prospekt. 760 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-482-01873-6.

Panin, S. B., 2019. Modern scientometric systems “WoS” and “Scopus”: publishing problems and new guidelines for Russian university science. *Humanities Researches of the Central Russia*, 3(12), pp. 51–65. (In Russ.) DOI: 10.24411/2541-9056-2019-11030.

Serkov, P. P., 2022. To the issue of performance indicators of legal science. *Rossijskaya yustitsiya* = [Russian Justice], 12, pp. 3–10. (In Russ.) DOI: 10.52433/01316761_2022_12_03.

Serkov, P. P., 2023. The realities of assessing of the success of legal science. *Rossijskaya yustitsiya* = [Russian Justice], 8, pp. 3–10. (In Russ.) DOI: 10.52433/01316761_2023_08_03.

Информация об авторах / Information about the authors

Ананьева Анна Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Anna A. Ananyeva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Сазанкова Оксана Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Oksana V. Sazankova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Civil Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Ананьева Анна Анатольевна – сбор и систематизация данных; анализ и обобщение результатов исследования.

Сазанкова Оксана Валерьевна – обзор литературы по исследуемой проблеме; сбор и систематизация данных; анализ и обобщение результатов исследования.

Anna A. Ananyeva – collection and systematization of data; analysis and synthesis of research results.

Oksana V. Sazankova – review of the literature on the problem under study; collection and systematization of data; analysis and synthesis of research results.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 27.04.2024.

The article was submitted 27.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 27.04.2024.

Научная статья

УДК 338

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.173-182

Комплексная оценка эффективности научной деятельности на основе практико-ориентированного подхода: критерии и показатели

Наталья Анатольевна Ершова¹,
Любовь Никандровна Косова²

^{1, 2} *Российский государственный университет правосудия, Москва, Российская Федерация*

¹ *nataly_ershova@mail.ru*, ² *lkosova@yandex.ru*

Аннотация

В статье рассмотрены актуальные проблемы отечественной науки, связанные с противоречиями в оценке эффективности научной деятельности. Показана ошибочность подходов на основе использования международных наукометрических рейтингов и баз данных. Представлен обзор основных показателей традиционной наукометрии. Предложены авторские методики оценки эффективности научной деятельности на основе практико-ориентированного подхода.

Ключевые слова: наукометрия, научная деятельность, показатели эффективности, публикационная активность, цитируемость, индекс Хирша, импакт-фактор

Для цитирования: Ершова Н. А., Косова Л. Н. Комплексная оценка эффективности научной деятельности на основе практико-ориентированного подхода: критерии и показатели // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. С. 173–182. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.173-182.

Original article

Comprehensive Assessment of the Effectiveness of Scientific Activities Based on a Practice-oriented Approach: Criteria and Indicators

Natalia A. Ershova¹, Lyubov N. Kosova²

^{1, 2} Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

¹ nataly_ershova@mail.ru, ² lkosova@yandex.ru

Abstract

The article examines current problems of domestic science related to contradictions in assessing the effectiveness of scientific activity. The fallacy of approaches based on the use of international scientometric rankings and databases is shown. An overview of the main indicators of traditional scientometrics is presented. The author's methods for assessing the effectiveness of scientific activity based on a practice-oriented approach are proposed.

Keywords: scientometrics, scientific activity, performance indicators, publication activity, citation, Hirsch index, impact factor

For citation: Ershova, N. A., Kosova, L. N., 2024. Comprehensive assessment of the effectiveness of scientific activities based on a practice-oriented approach: criteria and indicators. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 173–182. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.173-182.

Традиционно для оценивания результативности научной деятельности используются мнения авторитетных ученых, выполняющих роль экспертов в той или иной области знания. Необходимость упростить трудоемкий и затратный процесс экспертного оценивания, характеризующийся субъективными результатами, привела к разработке наукометрических показателей, которые на базе математических расчетов позволяют довольно быстро и относительно просто оценить качество работы ученого.

Среди используемых показателей можно назвать:

- количество опубликованных работ;
- индекс цитирований;
- g-индекс;
- импакт-фактор;
- индекс Хирша (h-индекс) и др.

Основные используемые в наукометрии (библиометрии) показатели можно условно разделить на две основные группы. Показатели «рейтинговости» журнала: импакт-фактор (JCR, Thomson Reuters или РИНЦ); Source-normalized impact per paper – SNIP; SCIMago journal ranking – SJR. Показатели публикационной деятельности ученого, организации, области знаний и т. д.: индекс Хирша, средняя цитируемость [Москалева, О. В., 2013, с. 92].

Число цитирований (индекс) – совокупное количество ссылок в научных публикациях на работы данного автора. Этот индекс оценивает интерес

коллеги к данной публикации, т. е. показывает актуальность и востребованность результатов исследования данного ученого.

Показатель g-индекс учитывает статьи ученого с наибольшим цитированием. При его подсчете используются только статьи, входящие в список англоязычных журналов, индексируемых системой Web of Science. Самоцитирование не учитывается.

Импакт-фактор показывает среднее число цитирований в текущем году статей журнала, опубликованных за два предыдущих года (двухлетний импакт-фактор) или за пять предыдущих лет (пятилетний импакт-фактор).

В Приложении к приказу Рособразования от 28 ноября 2008 г. № 1770 «Целевые показатели эффективности работы государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, подведомственных Рособразованию»¹ в качестве показателей результативности научной и научно-технической деятельности вуза указываются данные о количестве научных публикаций в рецензируемых изданиях на одного научно-педагогического работника вуза в зарубежных и российских изданиях (раздельно).

В соответствии с Концепцией создания и государственной поддержки развития федеральных университетов Министерством образования и науки разработаны основные показатели эффективности федеральных университетов, в которых в качестве показателя результативности исследовательских работ используются данные о количестве публикаций в зарубежных изданиях, индексируемых иностранными организациями².

Особое распространение получил индекс Хирша, который стал использоваться для оценивания эффективности работы ученых, преподавателей вузов, для получения поощрений и грантов. Индекс Хирша (h-индекс) – это показатель, предложенный физиком Хорхе Хиршем в 2005 г., представляющий собой максимальное целое число h , указывающее, что автор опубликовал h статей, каждая из которых процитирована хотя бы h раз.

Поскольку индекс Хирша является показателем баз данных Web of Science и Scopus, то полагаем, что применение этих наукометрических платформ для оценки публикационной активности и научной продуктивности российских ученых некорректно, так как учитываются только англоязычные публикации из журналов, имеющих естественно-научную направленность. Кроме того, для расчета показателей учитываются только статьи в журналах, а монографии, которые являются наиболее весомым вкладом ученого, не учитываются.

¹ URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosobrazovanija-ot-28112008-n-1770-ob/> (дата обращения: 03.11.2023).

² Приказ Министерства образования и науки от 29 июля 2009 г. № 276 «О перечне показателей, критериях и периодичности оценки эффективности реализации программ развития университетов, в отношении которых установлены категория “национальный исследовательский университет”». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rf-ot-29072009-n-276/> (дата обращения: 12.11.2023).

Как и многие наукометрические показатели, индекс Хирша характеризуется следующими недостатками:

- возможность повышения показателя различными способами; например, результаты исследования публикуются в нескольких статьях или под разными названиями, используются самоцитирование и цитирования коллегами;
- учитывает самоцитирование;
- индекс Хирша является целочисленным показателем;
- не учитывает личный вклад автора в случае публикации статьи авторским коллективом;
- при расчете показателя учитываются ссылки, где статьи автора подвергаются критике или вообще считаются ошибочными.

Для нивелирования этих недостатков по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации был разработан Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), который начал использоваться с 2010 г. В РИНЦ расчеты индекса Хирша осуществляются только по работам, которые загружены на платформу научной электронной библиотеки (НЭБ-РИНЦ).

Вместе с тем РИНЦ также подвергается критике со стороны научного сообщества. По мнению П. П. Серкова, «этот показатель подтверждает наличие у автора публикаций, а не качество их идейного содержания, в то время как требуется четкое понимание того, что очевидные идейные ценности этого содержания были реально использованы в законотворчестве или правоприменении, т. е. оказали явное влияние на соответствующий вид деятельности» [Серков, П. П., 2023, с. 7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наукометрические показатели не должны быть единственными критериями оценки результативности научного работника. Необходим комплексный подход, включающий в себя как качественные, так и количественные характеристики, учитывающие разные сферы научной деятельности.

Основываясь на результатах проведенного исследования и учитывая мнение представителей научного сообщества, авторы предлагают комплексную оценку эффективности научной деятельности на основе практико-ориентированного подхода, состоящую из двух групп показателей.

1. Расчет интегрированного показателя эффективности научной деятельности, включающий в себя следующие направления:

- написание научных работ: статей, монографий, учебников, учебных пособий, сборников практических заданий, рецензирование и составление сборников научных работ;
- руководство научными работами студентов и аспирантов;
- научно-исследовательские работы и опытно-конструкторские работы (НИР и ОКР);
- экспертная работа, участие в диссертационных, научных, методических советах;

– участие в общественных и публичных мероприятиях, конференциях, круглых столах, дискуссиях, интернет-площадках и др.

Выбор критериев оценки научной деятельности проводится по следующим критериям:

- 1) публикационная активность;
- 2) научное руководство;
- 3) участие в общественных и публичных мероприятиях;
- 4) участие в НИР и ОКР;
- 5) работа в диссертационных, научных, методических, экспертных советах;
- 6) цитируемость публикаций автора.

Все показатели оцениваются по 100-балльной шкале в зависимости от степени важности.

Формула расчета интегрального показателя эффективности научной деятельности (1):

$$N_i = \sum_{i=1}^{n=6} z_i \times w_i \quad (1)$$

$$N = z_1 \times w_1 + z_2 \times w_2 + z_3 \times w_3 + z_4 \times w_4 + z_5 \times w_5 + z_6 \times w_6,$$

где N – интегральный показатель эффективности научной деятельности;

n – количество критериев (равно 6);

z – балльная оценка по критерию;

w – весовой коэффициент.

Таблица 1

Расчет весового коэффициента

Название и номер критерия	Степень приоритетности критерия						Сумма баллов	W от 1 до 6 рассчитать
	1	2	3	4	5	6		Сумма всех баллов критериев / на сумму баллов приоритетности
1. Публикационная активность	1	1	1	1	1	1	6	$W_1 = 0,285$
2. Цитируемость публикаций автора	0	1	1	1	1	1	5	$W_2 = 0,238$
3. Научное руководство	0	0	1	1	1	1	4	$W_3 = 0,190$
4. Участие в общественных и публичных мероприятиях	0	0	0	1	1	1	3	$W_4 = 0,142$
5. Участие в НИР и ОКР	0	0	0	0	1	1	2	$W_5 = 0,095$
6. Работа в диссертационных, научных, методических, экспертных советах	0	0	0	0	0	1	1	$W_6 = 0,047$
ИТОГО							21	Сумма коэфф. = 1

Таблица 2

**Порядок определения экспертной балльной оценки по критериям
для расчета интегрального показателя эффективности
научной деятельности**

Название критерия	Балльная оценка (z)	Весовой коэффициент (w)	Zw (баллы)
Публикационная активность	100	$W_1 = 0,285$	28,5
Статьи в журнале Перечня ВАК	25	$W_1 = 0,285$	7,125
Статьи в сборниках научных трудов и материалов конференций	20	$W_1 = 0,285$	5,7
Монографии, учебники	30	$W_1 = 0,285$	8,55
Учебные пособия	25	$W_1 = 0,285$	7,125
Цитируемость публикаций автора (один и более раз)	100	$W_2 = 0,238$	23,8
Внешнее цитирование	60	$W_2 = 0,238$	14,28
Перекрестное цитирование	20	$W_2 = 0,238$	4,76
Самоцитирование	20	$W_2 = 0,238$	4,76
Научное руководство	100	$W_3 = 0,190$	19,0
ВКР бакалавра	20	$W_3 = 0,190$	3,8
ВКР магистра	25	$W_3 = 0,190$	4,75
Кандидатская диссертация, докторская диссертация	35	$W_3 = 0,190$	6,65
Руководство подготовкой статей и докладов студентов	20	$W_3 = 0,190$	3,8
Участие в научных и публичных мероприятиях (с докладом)	100	$W_4 = 0,142$	14,2
Научное мероприятие вуза	50	$W_4 = 0,142$	7,1
Научное мероприятие внешнее	50	$W_4 = 0,142$	7,1
Участие в НИР и ОКР	100	$W_5 = 0,095$	9,5
НИР инициативное	35	$W_5 = 0,095$	3,325
НИР по договору	30	$W_5 = 0,095$	2,85
НИР со студентами, в том числе СНГ, олимпиады, конкурсы	35	$W_5 = 0,095$	3,325
Работа в диссертационных, научных, методических, экспертных советах	100	$W_6 = 0,047$	4,7
Максимально возможное значение интегрального показателя эффективности научной деятельности			100

II. Расчет практико-ориентированного показателя наукометрии

Предлагаемый индекс наукометрии кардинально отличается от индекса Хирша тем, что он носит прежде всего **практико-ориентированный характер** (2), поскольку учитывает комплекс качественных критериев, а именно: вид научной публикации; практическую значимость научной публикации; степень самостоятельности проведенного исследования; количество соавторов; соответствие материалов публикации сфере научных интересов автора; а также не только количество цитирований, но и их качество, включая: внешнее цитирование, перекрестное цитирование или самоцитирование.

$$PR = \sum_{i=1}^n HP_i \times K_i, \quad (2)$$

где PR – практико-ориентированный индекс наукометрии;

HP_i – научная работа;

K_i – K1–K6 – корректирующие коэффициенты, в том числе:

K1 – вид научной публикации (ВАК, профильный журнал, РИНЦ, монография, зарубежное издание, сборник материалов конференции, патент).

Таблица 3

Значение весового коэффициента в зависимости от вида научной публикации

Вид научной публикации	Значение коэффициента
Научная статья в отечественных профильных изданиях (в журнале «Российское правосудие», в журнале «Правосудие/Justice» и др.)	1,5
Научная статья в отечественных научных периодических изданиях, включенных в перечень ВАК	
Монографии, учебники, учебные пособия	1,3
Научная статья в отечественных научных периодических изданиях, индексируемых в РИНЦ	1,2
Научная статья в сборниках материалов международных/всероссийских/региональных конференций, индексируемых в РИНЦ и не являющихся периодическими изданиями	1,0
Научная статья в зарубежных профильных изданиях	

K2 – практико-ориентированность опубликованных научных статей (подтверждающий документ, рецензия отдела НИР, справка о внедрении в учебный процесс и др.).

Таблица 4

**Значение весового коэффициента в зависимости
от практической значимости научной публикации**

Документ, подтверждающий практическую значимость научной публикации	Значение коэффициента
Есть	1,5
Нет	1,0

К3 – степень самостоятельности проведенного исследования (процент оригинальности текста).

Таблица 5

**Значение весового коэффициента
в зависимости от уровня оригинальности текста**

Уровень оригинальности текста, %	Значение коэффициента
70–79%	0,7
80–89%	0,8
90–100%	1,0

К4 – количество соавторов.

Таблица 6

**Значение весового коэффициента
в зависимости от количества соавторов**

Количество соавторов	Значение коэффициента
1 автор	1,0
2 автора	0,8
3 автора и более	0,7

К5 – соответствие материалов публикации сфере научных интересов автора, в том числе сфере научных исследований НИР вуза и кафедры.

Таблица 7

Значение весового коэффициента в зависимости от соответствия материалов публикации сфере научных интересов автора

Соответствие материалов публикации сфере научных интересов автора	Значение коэффициента
Соответствует	1,0
Не соответствует	0,7

К6 – коэффициент цитирования.

Таблица 8

Значение весового коэффициента в зависимости от количества и качества цитирования

Количество цитирований	Внешнее цитирование	Перекрестное цитирование	Самоцитирование
20 и более	2,5	1,3	1,0
10–20	2,0	1,2	1,0
1–10	1,5	1,1	1,0

В целом из всего изложенного можно сделать выводы, что использование комплекса наукометрических данных для оценки эффективности научной деятельности вполне оправданно и должно учитывать практико-ориентированный подход. Предложенный механизм комплексной оценки эффективности научной деятельности на основе практико-ориентированного подхода является наиболее удобным инструментом для планирования и оценки научной деятельности как в области организации научных исследований, так и в отношении оценки качества и эффективности работы профессорско-преподавательского состава.

Список источников

Москалева О. В. Использование наукометрических показателей для оценки научной деятельности // Науковедческие исследования : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям ; отв. ред. А. И. Ракитов. М., 2013. С. 85–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-naukometricheskih-pokazateley-dlya-otsenki-nauchnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 10.10.2023)

Серков П. П. Реалии оценок успешности юридической науки // Российская юстиция. 2023. № 8. С. 3–10. DOI: 10.52433/01316761_2023_08_03.

References

Moskaleva, O. V., 2013. Using scientometric indicators to assess scientific activity. In: A. I. Rakitov, ed. *Naukovedcheskie issledovaniya* = [Scientific research]. Collection of scientific works. Center for Scientific Information research on Science, Education and Technology, Institute of Scientific Information for Social Sciences, the Russian Academy of Sciences. Moscow. Pp. 85–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-naukometricheskikh-pokazateley-dlya-otsenki-nauchnoy-deyatelnosti> (Access: 10.10.2023).

Serkov, P. P., 2023. Realities of assessing the success of legal science. *Rossiyskaya yustitsiya* = [Russian Justice], 8, pp. 3–10. DOI: 10.52433/01316761_2023_08_03.

Информация об авторах / Information about the authors

Ершова Наталья Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушшинская, д. 69).

Natalia A. Ershova, Cand. Sci. (Economy), Associate Professor, Head of the Economics Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Косова Любовь Никандровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушшинская, д. 69).

Lyubov N. Kosova, Cand. Sci. (Economy), Associate Professor, Associate Professor of the Economics Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.11.2023; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 27.04.2024.

The article was submitted 27.11.2023; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 27.04.2024.

Рецензия

УДК: 340.12

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.183-192

Право как воплощение идеи абсолютного добра*

Дмитрий Владимирович Масленников¹, Елизавета Александровна Фролова²

¹ Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

¹ d.maslennikov@rhga.ru, ² theory.law.msu@gmail.com

Аннотация. Авторы монографии «Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского)» известные ученые А. И. Бастрыкин, Р. Ф. Исмагилов и В. П. Сальников продолжают традиции русской философии права, поскольку в своем понимании права они исходят из идеи абсолютного, как она развивалась в классической философии от Парменида до Гегеля, а в опыте интерпретации права применительно к национальным ценностям и идеалам отталкиваются от философских умозрений Ф. М. Достоевского.

В монографии дается развернутая авторская интерпретация учения Достоевского о бытии, добре и зле, обществе, государстве, праве, справедливости, историческом предназначении России.

Ключевые слова: философия права, Достоевский, Новгородцев, Лаут, абсолют, ценность, добро, личность, государство, право

Для цитирования: Масленников Д. В., Фролова Е. А. Право как воплощение идеи абсолютного добра // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. С. 183–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.183-192.

* Рецензия на монографию: Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского) / вступ. сл. проф. А. И. Александрова. ; Следственный комитет Российской Федерации. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Фонд «Университет», 2023. 456 с. (Серия «Наука и общество»).

Review

Law as an Embodiment of the Idea of Absolute Good*

Dmitry V. Maslennikov¹, Elizaveta A. Frolova²

¹ *Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities, St. Petersburg, Russian Federation*

² *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *d.maslennikov@rhga.ru*, ² *theory.law.msu@gmail.com*

Abstract. The authors of the monograph “The idea of Good in F. M. Dostoevsky’s work and its influence on the development of the philosophy of law (to the 200th anniversary of F. M. Dostoevsky)” A. I. Bastrykin, R. F. Ismagilov and V. P. Salnikov continue the traditions of the Russian philosophy of law, since in their understanding of law they proceed from the idea of the Absolute, as it developed in classical philosophy from Parmenides to Hegel, and in the experience of interpreting law in relation to national values and ideals, they start from the philosophical speculations of Dostoevsky. The monograph provides a detailed author’s interpretation of Dostoevsky’s teaching about being, good and evil, society, state, law, justice, and the historical destiny of Russia.

Keywords: philosophy of law, Dostoevsky, Novgorodtsev, Lauth, absolute, value, good, person, state, law

For citation: Maslennikov, D. V., Frolova, E. A., 2024. Law as an embodiment of the idea of absolute good. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 183–192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.183-192.

Один из крупнейших отечественных теоретиков права XX столетия П. И. Новгородцев утверждал, что именно в произведениях Достоевского мы находим «глубочайшие основы русской философии права». Суть этих основ Новгородцев сформулировал в семи основных тезисах. Из них первый, суммирующий тезис гласил: «Высший идеал общественных отношений есть внутреннее свободное единство всех людей, единство, достигаемое не принуждением и внешним авторитетом, а только Законом Христовым, когда он станет внутренней природой человека» [Новгородцев, П. И., 1999, с. 235–236]. В этом тезисе сосредоточены важнейшие концепты, которые были положены в основу рецензируемой монографии [Бастры-

* Review of the monograph: *Bastrykin, A. I., Ismagilov, R. F., Salnikov, V. P., 2023. The idea of Good in F. M. Dostoevsky’s work and its influence on the development of the philosophy of law (to the 200th anniversary of F. M. Dostoevsky). Introd. remarks by Professor A. Alexandrov. Investigative Committee of the Russian Federation. 2nd ed., rev. and add. St. Petersburg: Foundation “Universitet”. 456 p. (Series “Science and society”).*

кин, А. И., Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П., 2023] и получили в ней дискурсивное изложение. Мы видим здесь концепт «единства», далее понимаемого, во-первых, как «свободное» единство, во-вторых, как единство «всех» и, в-третьих, понимаемого как единство, имеющее источником не внешнее принуждение, а тождество всеобщего (взятого в его нравственном измерении – «Закон Христов») и единичного («внутренняя природа человека»).

Заслуга авторов рецензируемой монографии – профессоров А. И. Баstryкина, Р. Ф. Исмагилова, В. П. Сальникова – состоит в том, что содержание тезиса Новгородцева, совершенно правильного, но и совершенно абстрактного, они конкретизируют, подводят к уровню развернутой философско-правовой теории. Таким образом, речь идет не только о продолжении, но, безусловно, и о развитии традиции классической русской философии права. Однако нужно иметь в виду, что сами авторы не претендуют на окончательное завершение этой работы ни с точки зрения теоретической реконструкции философии права Достоевского, ни с точки зрения разработки на этой основе современной философии права. Тем более, что мы имеем дело прежде всего с юбилейным изданием, на что и было указано в подзаголовке книги. Поэтому речь идет лишь о том, чтобы наметить определенные ориентиры на этом пути, опираясь на свои труды и на исследования других российских ученых.

Духу юбилейного издания отвечает прежде всего часть I «Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского». Эта вступительная часть – не просто биография, а именно философская биография, в которой авторами намечаются основные элементы последующей концептуальной характеристики творчества Достоевского. Авторы стремятся изложить их так, чтобы читателю стал понятен философ, целью мышления которого был «полный синтез всего бытия, саморассматривающий себя в многообразии...» [Достоевский, Ф. М., 1980а, с. 174]. Это диалектическое «многообразие в полном синтезе» Достоевский связывал с «натурой Бога» как основой гармонии всеобщего бытия, противопоставляя этой гармонии те расколы, которые он видел в реальном бытии народа и в бытии человека, в которых он усматривал корень греха, преступления и конечной гибели. И наоборот: истинный путь к гармонии общества и к гармонии человека с самим собой Достоевский находил в Личности Богочеловека. Этот путь, как показали авторы, был и личным путем самого Достоевского: «Я был, может быть, одним из тех... которым наиболее облегчен был возврат к народному корню, к знанию русской души, к признанию духа народного» [Достоевский, Ф. М., 1980b, с. 134]. Вместе с мыслью о единении русского народа, о преодолении социального и культурного раскола, идущего с петровских времен и раньше, для Достоевского была столь же значима мысль о месте русского народа в «синтетическом многообразии» с другими народами. И на это тоже обращают внимание авторы, умело закладывая предпосылки для будущих тем, раскрываемых в монографии.

Часть II «Особенности понимания философии Достоевского в России и в Западной Европе XIX–XX вв.», на наш взгляд, не выходит за пределы историографического введения. Хотя авторы и стремились сосредоточиться на

вопросах добра и зла в интерпретации творчества Достоевского русскими и зарубежными философами XIX–XX вв., все же этот раздел книги оставляет впечатление некоторой мозаичности. Возможно, было бы целесообразно сосредоточиться лишь на отдельных фигурах, ключевых для темы исследования. Например, Ф. Ницше как абсолютного антипода Достоевского, Г. Гессе и Т. Манна – как продолжателей традиции философского романа. Косвенно нашу мысль подтверждает то, что наиболее содержательной с точки зрения темы монографии является глава 4 части II «Философия Абсолютного Добра и философия немецкого покаяния», в которой авторы анализируют труды выдающегося немецкого философа Р. Лаута, посвященные Достоевскому, прежде всего его фундаментальную работу «Философия Достоевского в ее систематическом изложении» [Лaut, Р., 1996].

Центральным звеном монографии является часть III «Этическая, социальная и политико-правовая проблематика в творчестве Достоевского: к вопросу об исторических и метафизических основаниях». В главе 1 «Основа мировоззрения Достоевского: Бог, народ и человек как высшие ценности» авторы монографии определяют общие элементы метафизики Достоевского, его учения об абсолютном, о добре и зле, о человеке. То есть это те элементы, опираясь на которые можно попытаться построить философию права, созвучную мировоззрению мыслителя. В противоположность современным постнеклассическим концепциям права, стремящимся изгнать из права абсолют и истину [Деникина, З. Д., 2005, с. 196–197], авторы монографии ориентируются на классическую философию, для которой сама идея права берет истоки в вопросе «Что есть истина?» и которая ищет «всеобщий критерий, на основании которого можно вообще различать правое и неправое» [Кант, И., 1995, с. 353]. Человек лишь тогда свободно подчиняется нормам права, когда он видит в них образ абсолютного, раскрывающегося для человека как нечто истинное и священное, т. е. раскрывающегося как абсолютная ценность. Право, лишенное всеобщего и абсолютного, оборачивается своей противоположностью – произволом и насилием над личностью.

Следуя этой логике, авторы монографии выстраивают дискурсивное пространство, в котором в синтетическое единство связаны понятие абсолютного, трактуемого как высшая нравственная идея, т. е. как абсолютное добро, и понятие свободы личности. В значительной мере они опираются на работы Р. Лаута, отчасти на книгу А. З. Штейнберга «Система свободы Достоевского» [Штейнберг, А. З., 1980], на монографию А. И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» [Александров, А. И., 2013], а также на свои предшествующие труды, включая работу Р. Ф. Исмагилова «Философское наследие Ф. М. Достоевского и его влияние на развитие философии права» [Исмагилов, Р. Ф., 2017] и монографию С. И. Захарцева, Д. В. Масленникова и В. П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права» [Захарцев, С. И., Масленников, Д. В., Сальников, В. П., 2019]. В этом контексте свобода философски понимается как проекция абсолют-

ного добра во «внутреннюю природу человека», понимается как некий метафизический акт, связывающий «абсолютный максимум» и «абсолютный минимум», если воспользоваться терминологией Николая Кузанского. Такое понимание свободы, основанное на пересечении традиций классической философии и христианской патристики, авторы противопоставляют трактовке свободы как своеволия, лежащей в основе либеральной философии права.

По мысли авторов, современная и в полном смысле слова суверенная философия права должна основываться именно на том понимании абсолютной свободы, которое было развито в немецком идеализме Кантом, Фихте, Гегелем [Бастрыкин, А. И., Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П., 2020]. Однако классиками это учение не было доведено до полного логического завершения: не было раскрыто и со всей очевидностью не было предъявлено человеку значение всеобщей абсолютной гармонии мироздания, т. е. гармонии абсолютного добра, в качестве собственной, личной ценности человека, в качестве его внутреннего абсолютного содержания, а потому – и в качестве условия его свободы. И именно этот пробел восполняет Достоевский, что убедительно показали авторы монографии, опираясь на соответствующие тексты писателя. По Достоевскому, человек через полноту своей духовной жизни свободно соединяется с абсолютным началом мироздания: «...из него, из “духовного мира”, берут свои истоки начала нравственности и начала права, являющиеся “проекцией” абсолютного добра в “мир земли”... Право ограничивает человека от того, чтобы ему “обратиться опять в скота”... проблематика права, если взять ее в высшем, метафизическом, измерении, самым тесным образом переплетается у Достоевского с проблематикой бессмертия души человека» [Бастрыкин, А. И., Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П., 2023, с. 219].

В краткой рецензии мы не можем воспроизвести и оценить авторскую логику движения от диалектики абсолютного и личного, от диалектики высшей нравственной идеи и духовной жизни человека к идее бессмертия души. Но, на наш взгляд, этот переход в тексте монографии раскрыт и обоснован. И он очень важен, поскольку это есть именно переход от высших метафизических идей к самой идее права. Или, если вспомнить первый тезис Новгородцева, переход от простой идеи «внутреннего свободного единства» к идее «единства всех людей». Собственно, так оценивал значение идеи бессмертия души сам Достоевский: «А высшая идея на земле *лишь одна*, – писал он, – и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные “высшие” идеи жизни, которыми может быть жив человек, *лишь из нее одной вытекают*» (курсив наш. – Д. М., Е. Ф.) [Достоевский, Ф. М., 1982, с. 48].

В главе 2 «Право и справедливость в системе миропонимания писателя» авторы раскрывают, каким образом идея права, как она дана в миропонимании Достоевского, коренится в идее бессмертия души. Такой подход и такое понимание права они сравнивают с парадигмой теории общественного договора Т. Гоббса, показывая их диаметрально противоположность друг другу. Сравнивая логику Гоббса и логику Достоевского относительно

дедукции идеи права, авторы монографии последовательно обосновывают правоту последнего в том, что «из этого естественного состояния “выйдет страшный вздор”, но никак не право и не идея справедливости. Право возникает не из стремления к самосохранению, как учила теория общественного договора, а из нравственного совершенствования человека. Которое, по Достоевскому, не может состояться без обретения веры в Бога, а значит, и без веры в бессмертие души» [Бастрыкин, А. И., Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П., 2023, с. 224]. Свой вывод авторы подкрепляют, анализируя далее рассуждения Достоевского о связи преступности с неверием в бессмертие души, об «источнике зла и преступления в разъединенности людей, в распадении связи единого и много в нравственном пространстве» [Бастрыкин, А. И., Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П., 2023, с. 227], о связи преступления и грехопадения, преступления и тех возможностей покаяния, которые открывает перед человеком свобода воли, присущая ему как дар Божий.

Такая постановка вопроса, связанная с темой единства одного и многих, личности и общества, человека и народа, позволяет авторам перейти к следующему важному аспекту политической философии Достоевского, а именно – к проблемам основ государства, к геополитическим перспективам права (глава 3 «Достоевский как идеолог “предъевразийства”»). Значительное место в этой главе уделяется вопросам отношения личности, народа и государства.

В части IV «Достоевский и “глобальный мир” XXI века» авторы подводят итоги своей работы. Ученые указывают на исключительный потенциал идеи абсолютного добра именно для философии права, поскольку только одна эта идея из всех понятий метафизики – и это стало ясно из всего текста монографии – синтезирует в себе «онтологические и этические смыслы сущего» [Бастрыкин, А. И., Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П., 2023, с. 270].

Закончить краткий обзор рецензируемой монографии хочется емкими словами ее авторов, которыми они, как нам кажется, выражают свое основное творческое кредо: «...именно идея блага, абсолютного добра, является тем, что опосредует связь абсолюта с личностью, правом и государством. Отныне любая философско-правовая и этическая теория, независимо от ее трактовки абсолюта, именно через идею блага вводит то абсолютное содержание, без которого невозможно помыслить право» [Бастрыкин, А. И., Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П., 2023, с. 287].

В целом нужно признать, что опыт авторов по осмыслению наследия Достоевского как исходного «элемента русской философии права» является удачным. Разумеется, речь не идет о систематической теоретической реконструкции наподобие труда Р. Лаута «Философия Достоевского в ее систематическом изложении». Напомним еще раз, что мы имеем дело прежде всего с юбилейным изданием. А это, во-первых, налагает свои ограничения на метод и стиль теоретического изложения предмета и, во-вторых, позволяет предполагать, что данная работа носит в значительной мере предварительный характер, ориентирована на продолже-

ние исследований по избранной теме. Об этом свидетельствует и то, что второе издание книги значительно расширено по сравнению с первым, а ее наиболее важные положения носят еще более продуманный и глубокий характер.

В целом монография А. И. Бастрыкина, Р. Ф. Исмагилова и В. П. Сальникова видится нам своего рода концептуальным истолкованием первого тезиса П. И. Новгородцева о Достоевском, его систематической понятийной конкретизацией. Это исключительно важно, поскольку позволяет в наши дни зафиксировать тот вектор развития национальной правовой идеологии, исходный пункт которого был задан программной статьей классика русской правовой мысли.

Думаем, что в скором времени стоит ждать от авторов рецензируемой монографии новой работы, заглавие которой могло бы перекликаться с заглавием книги Р. Лаута «Философия права Достоевского в ее систематическом изложении». Судя по достигнутым результатам, авторы близки к такому этапу научного творчества. Об этом во вступительном слове к монографии говорит и профессор А. И. Александров, указывая на давнее личное знакомство и творческое сотрудничество с каждым из авторов: «Книга работает на мобилизацию национального духа, добавляет силы нашим национальным ценностям, дает ответы на многие вопросы, которые несут в себе вызовы современности. Уверен, что этот творческий коллектив продолжит свою работу по развитию правовой науки и отечественной культуры в нашей стране» [Бастрыкин, А. И., Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П., 2023, с. 10]. Не приходится сомневаться, что такого рода труд станет важным вкладом в разработку суверенной философии права России.

Список источников

Александров А. И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб. : СПбГУ, 2013. 598 с. ISBN: 978-5-288-06022-9.

Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского) / вступ. сл. проф. А. Александрова ; Следственный комитет Рос. Федерации. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Фонд «Университет», 2023. 456 с. (Серия «Наука и общество»). ISBN: 978-5-6048106-6-8.

Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Философия права Ф. М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 9. С. 168–181.

Деникина З. Д. Становление основных философско-правовых парадигм новейшего времени : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005. 439 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Т. 20 : Статьи и заметки. 1862–1865. Л. : Наука. Ленингр. отд., 1980а. 432 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Т. 21 : Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878. Л. : Наука. Ленингр. отд., 1980b. 551 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Т. 24 : Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь – декабрь. Л. : Наука. Ленингр. отд., 1982. 518 с.

Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М. : Юрлитинформ, 2019. 371 с. ISBN: 978-5-4396-1859-0.

Исмагилов Р. Ф. Философское наследие Ф. М. Достоевского и его влияние на развитие философии права : курс лекций. СПб. : Фонд «Университет», 2017. 351 с. ISBN: 978-5-93598-147-1.

Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб. : Наука, 1995. 528 с. ISBN: 5-02-028237-5.

Лаут Р. Философия Достоевского в ее систематическом изложении / под ред. А. В. Гулыги ; пер. с нем. И. С. Андреевой. М. : Республика, 1996. 447 с. ISBN: 5-250-02608-7.

Новгородцев П. И. О своеобразных элементах русской философии права // Русская философия права. Антология / авт. и руковод. проекта В. П. Сальников. СПб. : Алетейя, 1999. С. 235–236. ISBN: 5-893-29139-5.

Штейнберг А. З. Система свободы Достоевского. Париж : YMCA-PRESS, 1980. 147 с.

References

Alexandrov, A. I., 2013. *Filosofiya zla i filosofiya prestupnosti (voprosy filosofii prava, ugolovnoj politiki i ugolovnogo protsessa)* = [Philosophy of evil and philosophy of crime (issues of philosophy of law, criminal policy and criminal procedure)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. 598 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-288-06022-9.

Bastrykin, A. I., Ismagilov, R. F., Salnikov, V. P., 2023. *Ideya Dobra v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo i ee vliyanie na razvitie filosofii prava (k 200-letiyu F. M. Dostoyevskogo)* = [The idea of Good in the works of F. M. Dostoevsky and its influence on the development of the philosophy of law (to the 200th anniversary of F. M. Dostoevsky)]. Introd. word by A. Alexandrov. Investigative Committee of the Russian Federation. 2nd ed., rev. and add. St. Petersburg: Foundation “Universitet”. (In Russ.) 456 p. ISBN: 978-5-6048106-6-8.

- Bastrykin, A. I., Ismagilov, R. F., Salnikov, V. P., 2020. F. M. Dostoevsky's philosophy of law and the system of moral and legal values of the peoples of Russia in the XXI century. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* = [Legal Science: History and Modernity], 9, pp. 168–181. (In Russ.)
- Denikina, Z. D., 2005. *Stanovlenie osnovnykh filosofsko-pravovykh paradigm novyejshego vremeni* = [Formation of the main philosophical and legal paradigms of modern times]. Dr. Sci. (Philosophy) Dissertation. Moscow. (In Russ.)
- Dostoevsky, F. M., 1980a. *Polnoe sobranie sochinenij* = [Complete works]. In 30 vols. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House). Vol. 20: Articles and notes. 1862–1865. Leningrad: Nauka. Leningrad branch. (In Russ.) 432 p.
- Dostoevsky, F. M., 1980b. *Polnoe sobranie sochinenij* = [Complete works]. In 30 vols. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House). Vol. 21: Diary of a writer, 1873; Articles and notes, 1873–1878. Leningrad: Nauka. Leningrad branch. (In Russ.) 551 p.
- Dostoevsky, F. M., 1982. *Polnoe sobranie sochinenij* = [Complete works]. In 30 vols. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House). Vol. 24: Writer's diary for 1876. November–December. Leningrad: Nauka. Leningrad branch. (In Russ.) 518 p.
- Ismagilov, R. F., 2017. *Filosofskoe nasledie F. M. Dostoevskogo i ego vliyaniye na razvitiye filosofii prava* = [The philosophical legacy of F. M. Dostoevsky and his influence on the development of the philosophy of law]. Course of lectures. St. Petersburg: Foundation "Universitet". 351 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93598-147-1.
- Kant, I., 1995. *Osnovy metafiziki npravstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika npravov* = [Fundamentals of the metaphysics of morality. Critique of practical reason. Metaphysics of morals]. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.) ISBN: 5-02-028237-5.
- Lauth, R., 1996. *Filosofiya Dostoevskogo v ee sistematicheskoy izlozhenii* = [Dostoevsky's philosophy in a systematic presentation]. Ed. A. V. Gulyga. Transl. from Germ. I. S. Andreeva. Moscow: Respublika. 447 p. (In Russ.) ISBN: 5-250-02608-7.
- Novgorodtsev, P. I., 1999. [On the peculiar elements of Russian philosophy of law]. *Russkaya filosofiya prava. Antologiya* = [Russian philosophy of law. Anthology]. Author and project manager V. P. Salnikov. St. Petersburg: Aletheya. Pp. 235–236. ISBN: 5-893-29139-5.
- Steinberg, A. Z., 1980. *Sistema svobody Dostoevskogo* = [Dostoevsky's system of freedom]. Paris: YMCA-PRESS. 147 p. (In Russ.)
- Zakhar'tsev, S. I., Maslennikov, D. V., Salnikov, V. P., 2018. Being and reflection: ontological foundations of law in the philosophy of F. M. Dostoevsky. *The world of Politics and Sociology*, 12, pp. 157–171. (In Russ.)

Zakhartsev, S. I., Maslennikov, D. V., Salnikov, V. P., 2019. *Logos prava: Parmenid – Gegel’ – Dostoevskij. K voprosu o spekulyativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava* = [Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the issue of speculative and logical foundations of the metaphysics of law]. Moscow: Yurlitinform. 371 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4396-1859-0.

Информация об авторах / Information about the authors

Масленников Дмитрий Владимирович, профессор, доктор философских наук, профессор Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского (Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, д. 15).

Dmitri V. Maslennikov, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor of the Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities (15 Fontanka river embankment, St. Petersburg, 191023, Russian Federation).

Фролова Елизавета Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13).

Elizaveta A. Frolova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University (building 13, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, GSP-1, Russian Federation).

Текст статьи, включая цитаты, цифры, вычитан и сверен. За достоверность и точность данных, приведенных в материалах, ответственность несут авторы данной статьи.

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 21.03.2024; принята к публикации 27.04.2024.

The article was submitted 21.03.2024; accepted for publication 27.04.2024.